СЛОВА

Литературно - философский журнал

№7

СОДЕРЖИМОЕ:

2.....ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
6.....ГЛЕБ КОЛОМИЕЦ, ДЭВИД ШИРО
9.....ВЛАДИМИР НИКРИТИН
12.....ОЛЕСЬ УЛЬЯНЕНКО
19.....ПОТРОТ УАРУ
21.....ЛИНН АЛЕКСАНДЕР, МАЙКЛ ДЖЕЙКОБСОН
24.....ЭДУАРД КУЛЁМИН
26.....ВИЛЛИ МЕЛЬНИКОВ
31.....БРАЙАН МАССУМИ
36.....ГЕОРГИЙ КВАНТРИШВИЛИ
39.....ИГОРЬ ЛЁВШИН
41.....АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ
43.....ОЛЕГ ЛУКОШИН
48.....ЮРИЙ УГОЛЬНИКОВ
50.....ИЛЬЯ КИТУП
52..АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ, ЭМАНУЭЛЬ КОТЦЯН
55.....ИНОФРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Редактор Инна Кирилова.
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координаторы:
Олег Разумовский, Эдуард Кулемин.

Веб-страница:
http://www.slova.uuuq.com
Сообщество в живом Журнале:
http://community.livejournal.com/slova_journal/

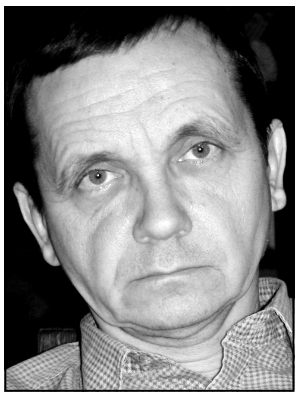
Электронная почта:
amati6@rambler.ru
ardor@list.ru

Disclaimer:
Мнение автора и редакции могут не совпадать.
В текстах сохранены авторские орфография и пунктуация.
Все материалы опубликованы с согласия авторов

При оформлении обложки использованы работы Эдуарда Кулемина.

Андрей Бычков

Федор Гиренок



Иллюстрации *Дэвида Широ(США)*

«Русская литература должна осознать задачи асоциальности»

Предлагаемая читателю беседа с Федором Ивановичем Гиренком представляет собой стенограмму видеозаписи, которая была сделана в январе 2009 года (ее можно найти в сети). Тогда я вместе с Алексеем Нилоговым приехал в гости к Федору Ивановичу. Алексей брал у него интервью. А потом, поскольку еще оставалось место на пленке, решили записать разговор между Гиренком и мной на какую-нибудь литературную тему. Беседа получилась довольно спонтанной, она является продолжением нашего разговора, когда камера была еще выключена. В беседе нет четкой структуры «вопрос-ответ» и тема поначалу ищет себя довольно-таки прихотливо. Но, что характерно, она все же неумолимо находит себя.

- Андрей Бычков

Андрей Бычков: Федор Иванович, давайте поговорим о литературе просто так…

Федор Гиренок: Ну да, поговорим просто о литературе. Я могу сказать, если с русской философией у нас возникают проблемы и мы решаем вопрос о том, существует ли она или не существует, плохая она или хорошая, то с литературой у нас нет проблем. Без русской литературы мировая литература неполноценна. Иными словами, русская литература – это и есть наша философия. Например, у Канта я встречаю выражения, близкие по структуре мысли Достоевскому. Кант пишет, что страдание – источник сознания. И Достоевский об этом пишет. Я читаю «Критику практического разума» – и схожу с ума, оттого что вижу в ней Достоевского, вычитываю в ней его «Записки из подполья». Достоевский – это не Кант, но он обладает способностью формулировать емкие философские формулы. Или вот Мандельштам. Как не прийти в восторг от его «быть может, прежде губ был шепот и в бездревесности кружилися листы»? Ведь здесь затронут нерв философствования вообще. У поэта есть дар от Бога чувствовать слово и есть способность произносить слова в связи с мыслью.

А. Б.: Вот здесь есть за что зацепиться, даже в концепции археоавангарда: чтобы прошлое прорывалось в будущее. Как преодолеть этот странный промежуток, который сейчас образовался - засилье знаков? Как снова вернуться к каким-то сущностным высказываниям и вообще возможно ли вернуться? И если нельзя, то что тогда делать? Повышать порядок симулякров, порядок безумия? Как прорваться на уровень Достоевского?

Ф. Г.: Я думал когда-то на эту тему и пришел к выводу, что где умирает символ, там появляется знак. Знак – это надгробный холмик символа. Известно, что когда человек умирает, приходят архангелы Михаил и Гавриил с тем, чтобы отвести его душу к Богу. Поэт делает то же, что и архангелы. Он своим словом увлекает душу, и она отделяется от тела и идет за ним. А что делать, когда её нет, когда нечего вести? Человек умер, и душу надо вести к Богу. А вести нечего. Не нужны ни архангелы, ни поэты. Спрашивается, как сделать так, чтобы у нас вновь появилась душа? Ведь если она появится, то нам нужен будет Андрей Бычков, чтобы отвести ее на небо.

Проблема же состоит в том, что русская литература перестала быть нашей философией. Почему? У нас есть Сорокин, у нас есть Пелевин. Но это не философия. Это ремесло. Мое собственное говорение

- лишь средство движения в некотором коммуникативном пространстве. Т.е. я говорю не потому, что у меня есть мысли, которые я хочу высказать, не потому, что я хочу что-то сказать, а потому, что говорение является способом моего существования в социуме. Мне нечего сказать, но я говорю. Следовательно, я решаю какие-то свои задачи в этом пространстве. Мне нужен продюсер, который будет публиковать мои слова в качестве мысли. Ибо мысль теперь – это все то, что опубликовано в качестве мысли. Так умирает философия. Мартынов говорит, что и литература таким же образом закончилась. Это означает, что она больше не пророчествует.

А. Б.: Мне сейчас вспомнилась идея Ницше о вечном возвращении, когда он говорит, что в воле действует два вектора: «да» и «нет». Это «да», по идее, должно снова возвратиться, но силы отрицания, силы реакции, декаданса и вырождения так повернули всю историю, что они сейчас - сильные мира сего. И нам, как воздуха, не хватает возвращения позитивного аристократического утверждения высших ценностей. Такое «да» было в русской классике у Толстого, у Достоевского, но, в отличие от них, мы, увы, утеряли к нему ход. И теперь у нас тоже осталось только «нет», но мы его говорим его тому «позитивному нет», которое победило - этому капитализму, этому подобию государства, всей этой системе, которая нас угнетает. В принципе, поле для высказывания осталось, но оно - отрицательное. В этой ситуации писателю остались отрицательные высказывания. То «да», которое было в русской классике, увы, утеряно. И сегодня писатель просто не знает, как сказать «да».

Ф. Г.: Говорят, что русская литература водительница, учительница жизни. Мол, сегодня надо нам перестать быть учителями. Нужно просто тексты делать. А раз я делаю текст, значит, я не даю кому-то смыслы, а, напротив, прошу: «придайте смысл тому, что я делаю - там ничего нет». Поскольку я делаю текст, постольку я допускаю, что теперь всё зависит от читателя. Мне нужен кто-то, кто бы пришел – умный, энергичный, эмоциональный, с чувствами и придал смысл написанному мной тексту. Но это уже не пророчество! Это не литература. Писатель становится скриптором. Он уже никого никуда не ведет. Он нуждается в понимающем чтении публики. Его текст – это некоторая пустышка, какая-то красиво сделанная вещь, отсылающая к другому тексту.

А. Б.: Конечно, это совсем иная литература, но, увы… так сейчас устроен мир. Происходит какая-то фундаментальная коррозия мира. И утверждения, которые были в прежние времена, так сказать, истинными, как-то могли зажигать, к сожалению, тоже каким-то непонятным образом мутировали к каким-то вторичностям, которыми теперь можно просто манипулировать. Поэтому и появляется пафос отрицания – отрицания этих вторичностей. Любовь, добро, красота, истина – эти слова не несут сейчас за собой того, что несли раньше, они стали лишь инструментом давления на человека, хотя когда-то за ними стояло все священное безумие человеческое. Потому-то искусство и встает на отрицательный путь. Как в шекспировской формуле, оно по-прежнему держит зеркало перед природой. В начале XX века оно своевременно показало все это, весь этот накопившийся абсурд. Тот же Кафка… Я знаю, что Вы немножко нападаете на Кафку, Пруста, Джойса, но они, в свое время, действительно, как зеркало, отразили эти изменения: «А куда мы, собственно, катимся? Посмотрите, что творится с этими вечными ценностями, и сколько на самом деле в мире абсурда, бессмыслицы, замыливания, симуляции!». Именно художники это показали. И они выступили не как пророки, но они… «Мы не врачи – мы боль!» - как это у Герцена. Эту боль они и показали. Поэтому, взывать к тому, чтобы художник снова стал пророком… как это может произойти в эти, секуляризированные времена?

В философии этот вопрос поставил Ницше. Он сказал: «Бог умер». И человека ставить на его место бессмысленно – нужен более глубокий переворот, переоценка всего, всей ситуации. Так что это вина не только художников, писателей…

Ф. Г.: Я не прокурор. Но сваливать на мир – это самое простое дело. Ну да, мир такой, какой он есть. Но вся дрянь в нем из нашего нутра.

Вот, например, боль. Кант пишет так: «Стоик кричит от боли и говорит, что всё равно он не признает, что боль это зло, потому что зло относится к поступкам, а боль это не поступок». Боль – это состояние, которое возвращает нам мир таким, каков он есть. Боль сопряжена с пространством подлинного.

А. Б.: Все религии на этом росли, на боли.

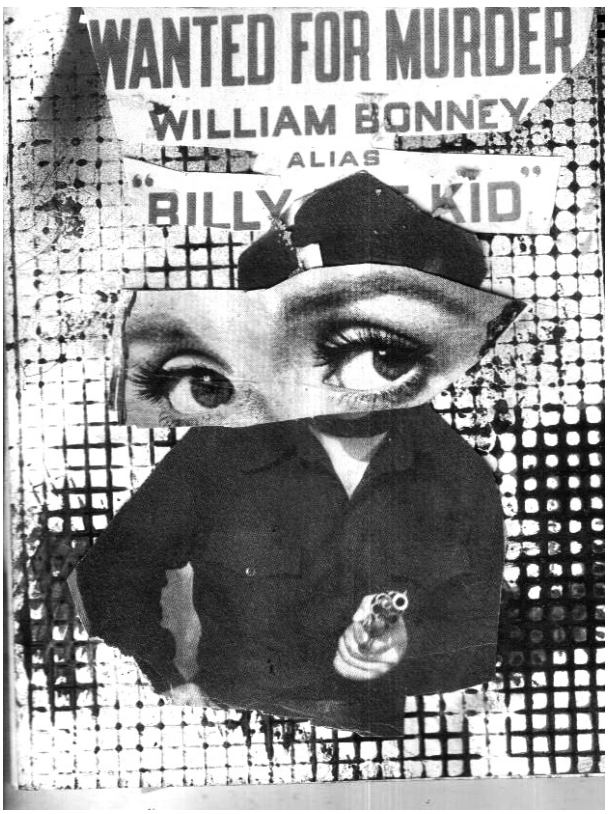
Ф. Г.: И ничего с этим не сделаешь! Это так!

А. Б.: И даже все дионисийские оргии, разрывание Диониса – это тоже боль. Другое дело, что он этого хочет. Это – «да!», несмотря на разрыв, на боль.

Ф. Г.: А я что делаю? Когда мне больно, я пью обезболивающие таблетки.

А. Б.: Т.е. утрачено то, ради чего я должен её терпеть!

Ф. Г.: Совершенно верно! Ведь стоик кричал: «Я не



признаю, что это зло». Если я говорю: «Мне больно – это зло», то я не стоик. Значит, тогда нет чего-то, что бы позволяло мне проделывать простое движение «во имя». Т.е. я делаю что-то, что позволяет мне противостоять боли, страданию. А ведь действие «во имя» - это действие мистериальное.

А. Б.: Да, конечно!

Ф. Г.: Значит, что получается? Чего не хватает? Вот этого действия! Оказывается, у меня нет чего-то во мне и вне меня, ради чего я бы мог действовать. Когда в основе моего поступка или действия лежит «Я», мое действие не морально.

А. Б.: Ну да, чистый интерес…

Ф. Г.: Допустим, у меня есть интерес. Согласен. Но к морали это не имеет никакого отношения, а человек – моральное существо. Либо мы не люди, либо мы моральные существа. А если мы моральные существа, то тогда должно быть что-то вместо «Я». Вот Кант вместо «Я» поставил долг. Я сейчас не говорю, правильно ли это, но он сделал так. У нас же ничего не поставлено на это место.

А. Б.: Это сложный вопрос, на самом деле. Вопрос о ценности - что поставить на место той ценности, которая была утрачена – очень сложный. К сожалению, прежние ценности скомпрометированы.

Ф. Г.: Я читал какую-то литературу 20-х годов, в которой говорилось о том, что это «Я» могло замещаться идеей партии или еще чем-нибудь. И вот, у советских партийных работников возникали проблемы, которые можно было бы сформулировать как проблемы «единочества». У них вместо «Я» появлялись некие структуры: «я – это факультет, государство, партия». Но если ты – это партия, то в случае возникновения проблемных отношений с партией, у тебя разрушается «я». Возникают психические проблемы, связанные с «единочеством». Ты не можешь нормально переживать, реагировать. Эти проблемы касаются и писателей, здесь требуется их рассказ об этом. И вот, спрашивается, что с этим делать? Не знаю. Правда, не понимаю!

А. Б.: Социум сейчас устроен по законам, убивающим все живое, поэтому, если продолжать что-то искать, то надо идти от социума, в асоциальность, чем, собственно, и занимаются самые лучшие писатели на Западе, как бы мы его ни ругали…

Ф. Г.: И у меня такой же интерес к асоциальности. В смысле, есть надежда на то, что здесь блеснет, появится что-то важное и его бы удержать!

А. Б.: Эти социальные медиаперсоны, литкритики, публицисты, журналисты, они же все врут! Не важно, о чем идет речь, о гражданском обществе или еще о чем-то…

Ф. Г.: Без враждебности к социуму человек невозможен.

А. Б.: Потому что социум - это и есть тот инструмент, который живые, священные вещи превращает в мертвые. То, чем человек должен жить, он превращает в инструмент манипулирования человеком.

Ф. Г.: Конечно! Это сейчас и понятно! Нарушена какая-то граница и социум расширился настолько, что человеческое в человеке стало недопустимо! Я бы сказал, должны быть осознаны пределы социализации!

А. Б.: С одной стороны, мы сейчас говорим, что вот, мол, слава Богу, обрушился Советский Союз, появилась какая-то демократия, мы, типа, предоставлены сами себе. Но парадокс в том, что свободы, экзистенциальной свободы, больше не стало! В малейшем, в малом, везде – тонкие механизмы контроля. Все подчиняется учету – что можно, что нельзя – тончайшие вещи.

Ф. Г.: Нас измеряют постоянно. Мы объект социальных измерений.

А. Б.: Постоянно каким-то кодом простукивают: ты «за» или нет, ты наш или не наш. Пару фраз – и все уже ясно, ты сразу каталогизирован, ты куда-то вставлен. И, казалось бы, речь идет о демократии, т.е. о том, за что мы должны бороться, по большому счету, о свободе. А реально все сводится к несвободе, к контролю. Кстати, они там, на Западе, художники, это прекрасно понимают.

Ф. Г.: Ведь проблема ещё в чем? Конечно, когда-то человеку нужно было освободиться от побудительных сигналов среды для того, чтобы потом подчиниться всем тем сигналам, которые идут от слова. Между сигналом и словом лежит пространство воображаемого. Проблема же состоит в том, что слово без своей так называемой метафизической или сверхчувственной части – это просто сигнал. Поэтому мы оказываемся в двоякой ситуации: не подчинившись вещи, мы потом подчиняемся диктату слова или – я буду говорить шире - некоей социальности, которая нас превращает в подобие солдата, которому даются команды. Я находил много реплик у психопатологов, вроде: «С человеком работать легче, тогда как обезьяну надо подкармливать. А человеку сказал – и он сделал». Слова теряют то, что делает их божественным созданием. Они превращаются в знаки. Слово для человека – это как звонок для собаки. Слова могут превратить человека в вербальный автомат. И это другая опасность для человека.

Следовательно, нужно пройти между Сциллой и Харибдой, найти какую-то тропинку с тем, чтобы быть вне зависимости от природы, с одной стороны, и от социума, - с другой стороны.

А. Б.: Надо пройти между двух Эдипов …

Ф. Г.: Конечно! И поэтому сегодня растет внимание к шизофрении, к аутизму, девиации. Это не означает – «долой социум! Разрушим до основания!». Нет, мера перейдена, мы переступили предел. Значит, нужно сузить то, что расширилось чрезмерно, найти меру для социальности в человеке. Это – задача нашего времени.

А. Б.: И там этим серьезно занимаются, на Западе… Делез, Бодрийяр, Фуко…

Ф. Г.: И слава Богу! И правильно делают! А мы до сих пор стоим на позиции «твоя сущность – социум!». Это как?!

А. Б.: Конечно, это тоталитаризм!

Ф. Г.: Это значит, убить человека. Или превратить его в вербальный автомат.

А. Б.: У Бердяева где-то было хорошо сказано, что извечная беда русской интеллигенции в том, что она смешивает абсолютное и относительное. Она вся заражена социальностью. Политика для нее – из разряда высших ценностей.

Ф. Г.: Согласен. Не люблю политику. Вернемся к литературе. Если философу нечего сказать, он идет к художнику, ибо художник родом из воображаемого, а не реального. Художник – это ходячая асоциальность.

А. Б.: Т.е. русская литература должна осознать задачу асоциальности.

Ф. Г.: По моему, да. Тем более, был же идеал рационально действующего человека в экономике – он появился при переходе от традиционного общества к современному. Но ведь наши 90-е годы показали – нет никакого рационально действующего субъекта. Есть только преступление! У нас полстраны сидело по тюрьмам, это понятно. У нас и культура такая, мы любим лагерные песни. Наша страна такая. И это нужно знать! Наша элита сейчас – это преступники!

А. Б.: Бандиты!

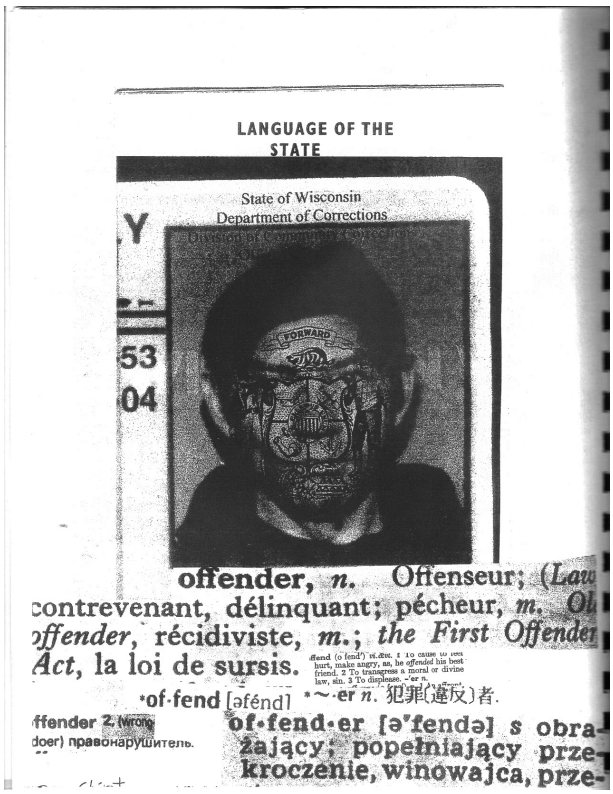
Ф. Г.: Бандиты. Тем более, мы должны вернуться к этой теме, проследить, потому что – я повторяю – здесь я вижу человеческое, слишком человеческое.

А. Б.: А нам показывают сериалы про ментов, про то, какие у нас славные менты и какие у нас отвратительные бандиты, и как менты их побеждают.

Ф. Г.: Нам нужно исследовать эту тему, определить пределы социализации, осознать, что стоит за этими пределами. Ведь там находятся не только истоки преступлений, но там же есть и многое другое, то, что связано с человеком, с его неодолимой способностью быть мыслящим.

А. Б.: Человек - это всегда нарушение, это всегда «против», всегда уход от того, что навязывается, от довлеющих, регулирующих, ценностей. Нравственности, в том числе.

Ф. Г.: Конечно! Все это вопиет и требует разъяснения. И пока русская литература не расскажет так, как она это умеет и должна, наше сознание не сдвинется с места. Поскольку наша философия – это литература. Наше сознание не сдвинет ни один философ, какие бы книжки он не писал, у него ничего не получится.



А. Б.: Недаром остается «Преступление и наказание» Достоевского. Там же все это есть!

Ф. Г.: А поздние работы Толстого?

А. Б.: Конечно, он уходил от социума, государства, церкви в полную асоциальность. Если у Достоевского есть другой полюс (он государственник), то у Толстого есть именно этот уход, который сейчас, может быть, гораздо более актуален.

Ф. Г.: Толстой просто взывает к нам!

А. Б.: Тем более, когда нам сейчас навязывается вся эта норма, цензура, нравственность, «давайте снова говорить про добро»…

Ф. Г.: Толерантность…

А. Б.: Т.е. все эти бандиты, которые во сто крат безнравственнее нас, художников и философов, диктуют нам, о чем мы должны говорить, что мы ни в коем случае не должны говорить об этих болезненных, страшных вещах.

Ф. Г.: Поэтому мы говорим «нет!» толерантности. Мы должны сказать просто: «Мы хотим называть вещи своими именами!».

А. Б.: Раз это есть – значит, есть.

Ф. Г.: Вопреки всему! Вопреки этим запретам на разжигание всякой вражды и др., потому что это касается самого важного в человеке, и никто не имеет права запретить говорить о том, о чем ты можешь, хочешь и должен говорить!

А. Б.: Все в мире состоит из конфликтов, все живое хочет выскочить из системы, из нормы!

Ф. Г.: Мы сейчас проговорили самое главное. Если есть интуиция, чувства, то все в порядке, а остальное (язык, аппарат) – вещи прикладные.

А. Б.: Вторичные вещи… Я рад, Федор Михайлович! Ой! Федором Михайловичем Вас назвал…

Ф. Г.: Леша, выключай аппарат!

глеб коломиец

дэвид широ

Иллюстрации *Дэвида Широ(США)*
Перевод *Глеба Коломийца*

Анархеология: интервью с Дэвидом Широ

- Ваши работы я впервые увидел в галерее асемического письма Майкла Джейкобсона «The New Post-literate». Я знаю, что асемическое письмо не связано с однозначными, постоянными смыслами. Верно ли это утверждение относительно Ваших работ? Ты выражаешь конкретные смыслы или, наоборот, Ваше сознание номадическое, хаотическое? Или, возможно, для Вас творчество связано, прежде всего, с выражением чувств?

- Свой ответ я бы хотел предварить рядом, условно говоря, эпиграфов:

«Перед тем как творить, расслабься, глядя на заплесневелые, влажные стены, и ты увидишь, как формы проявляются из бессмысленных разводов».

- Микеланджело

«Лучший из космоса – это мусор, выброшенный, куда попало»

- Гераклит.

«Составить окончательный словарь из слов и выражений, понятия которых столь непрочны и изменчивы, просто невозможно».

- Уильям С. Берроуз, «Джанки».

«Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, этому удивительному городу, который навсегда накладывает на человека свою печать...»

- Кнут Гамсун, «Голод».

«Один и тот же человек, увиденный с разных углов, становится чрезвычайно интересным и разнообразным; мне кажется, я мог бы смотреть на него месяцами, не меняя положения, только лишь, смещаясь немного влево или вправо».

- Поль Сезанн

«Асемия – повреждение нервной системы, при котором пропадает способность понимать любые символы или знаки. Это более тяжелое состояние, по сравнению с афазией, неспособностью читать.

Асемическое письмо — семантический тип письма, при котором не употребляются слова. В широком смысле, «асемический», значит — «лишенный специфического семантического содержания (содержимого)».

- Из википедии

У меня было много асемических работ ещё до того, как я узнал, как называется то, чем я занимаюсь – соединение линий и форм, которые напоминают письмо, но их значение и содержание при этом лежит за пределом письма. Эти линии и формы лишь указывали на эмоции, чувства и образы, которые появляются на периферии моего сознания, которые невозможно описать речью или письмом. Хотя, не совсем на периферии; эти невыразимые образы, которые не желают быть «схваченными» общепринятым языком (он способен уничтожить что угодно!), быстро перемещались в самую сердцевину моей личности.

Кроме того, я часто ловил себя на пресыщении языком – не языком самим по себе, а общественным его вариантом, который способен любое слово превратить в ложь или собственную противоположность, не говоря уже о способности скрывать истинное значение слов от людей.

Такие умонастроения у меня появились ещё в 80-х, и с каждым годом отвращение нарастало. Особенно противен мне современный американский язык,

который стал пародией на самого себя. Пропаганда, «язык власти», стала напоминать новояз из книги Оруэлла «1984». Единственное отличие состоит в том, что американский язык очень быстро сменяет стиль говорения об образах, событиях, людях, концептах, заявляя, что они «изменились», т.к. у них теперь другие названия. На самом деле, ничего не меняется…

Первое желание вырваться за пределы языка возникло в 1980-х. Когда я впервые вышел в Интернет, это желание значительно усилилось – количество языка в Интернете просто непереносимо.

Другое впечатление – американская филологическая поэзия – страшно тираническая вещь! Формальная школа пытается создать впечатление, что язык подчиняется только узкому кругу единомышленников, а остальные – жалкие неудачники, аутсайдеры.

Ощутить себя изгоем в литературе – значит понять, что ты уже был им долгое время, всю жизнь, осознать, что роль изгоя – то, что нужно для тебя; внутренние переживания «изгнанника», «исключенного», «неугодного» становятся безграничной свободой. Ты не должен подчиняться никаким идеям или художественным формам, никто не дает тебе приказаний, и нет того, кому ты должен подчиняться. Ты открываешь в себе чувство подавленности, которое порождается тиранией правил и установок Узкого Круга Избранных, и чем дольше ты свободен от этого гнета, тем меньше чувство подавленности.

Так что, для меня асемическое письмо тесно связано с этим чувством внешнего (изгнание, «исключенность») , потому что асемия не знает правил, кругов, авторитетов… Хотя, сейчас асемическое письмо становится модой. Я уверен, что со временем области творческой свободы будут колонизированы правилами, экспертами, «звёздами», как это происходит всякий раз, когда нечто привлекает внимание большого количество людей. Однако, мне кажется, что творческий импульс, стоящий за асемическим письмом, гарантирует что принципиальная ориентация этого искусства вовне не погибнет.

Когда ты осознал Подавление, которое порождается Внутренним, возникает и чувство направленное вовне, и оно позволяет совершать любые перемещения, ты не скован принадлежностью к Внутреннему [Кругу Избранных], т. к. Внешнее всегда с тобой, его надо отыскать. Внешнее удалено даже от легитимированных компонентов асемического письма. Я стараюсь искать материал для моих работ именно в этой области. Когда я сталкиваюсь со словами, буквами, цифрами, они кажутся мне незакрепленными во времени, хотя они, в то же время, принадлежат вывескам, знакам, покрышкам, запчастям машин или кускам бетона – любым предметам, которыми я пользуюсь при создании своих работ. Это ощущение незакрепленности во времени и пространстве исходит от тех вещей, которые я приношу с улицы домой (обломки любых предметов с буквами, словами, цифрами). Мне остается только «обработать» найденные мной вещи. Я никогда не ищу конкретных вещей, потому что поиск чего-то конкретного на улице налагает ограничения, и противостоит моей «идеологии зрения». Мое «искусство рассматривания» серьезно бы пострадало, если бы я искал что-то конкретное или пытался бы купить какой-то предмет (как сюрреалисты покупали материал на блошиных рынках), который бы непосредственно соотносился бы с заранее подготовленным мной вопросом, концептом, переживанием, идеей.

Между случайно найденными предметами и предметами, подобранными под заранее продуманную идею, существует огромная разница.

Смысл моей работы состоит в том, чтобы рассказать о безосновности языка, и один из способов сделать это – работать с материалами, которые существовали или до сих пор существуют в пространстве улицы. Эти предметы испытывают воздействие времени (допустим, через погодные явления), либо воздействие человека (огонь, городской смог, военные действия, дорожные работы, удары и др.). Когда буквы и цифры проходят через эти воздействия, они становятся всё менее и менее разборчивыми, и в меньшей степени связанными между собой. Предметы постоянно смещаются, они дрейфуют в пространстве; слова и буквы медленно разрушаются, превращаются в пыль или замолкают на долгое время… Я постоянно ощущаю процесс «стирания» языка внутри себя, а в пространстве, в предметах нахожу непосредственные подтверждения этому.

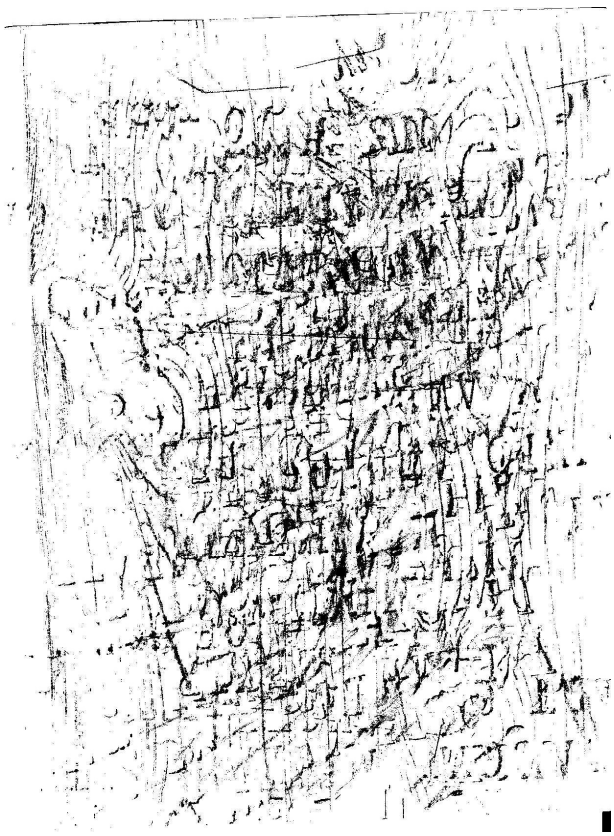
В археологии существует термин «тафономия», который я очень люблю. «Тафонономия» - исследование предметов в настоящий момент. С этих позиций истертые или свеженанесенные надписи наделяются чертой сходства – и те и другие существуют здесь и сейчас. Такой подход позволяет избежать сентиментально-романтических вздохов, зачастую сопровождающих образ руин – того, что некогда было цельным, а сейчас остались лишь обломки былой структуры. Тафономиста не беспокоит вопрос, чем

был предмет, его волнует, каков этот предмет сейчас. Такое восприятие освобождает от необходимости оценивать предметы, как нечто, перемещающееся во времени. При этом, за ними сохраняется статус объектов, имеющих свое место, свое расположение, которое оказывает на них определенное влияние.

Эти формы, линии, цвета, намеки на высказывание или молчание, шепот, пение, порождаемые (городским) ландшафтом, проявляются, создаются без моего вмешательства, они живут своей собственной жизнью. И эта жизнь отчасти отражается в моих работах. Сам материал делает за меня полдела. Предметы, с которыми я работаю, взывают ко мне, вступают со мной в диалог. Я бы не назвал свои взаимоотношения с материалом «сотрудничеством», это скорее, «отыскивание» в нашем двуединстве чего-то «третьего». Именно это имел в виду Брайан Гайсин, называя совместную работу «третьим умом» (аллюзия на строку Т. С. Элиота «Кто тот третий, что всегда идет за тобой?» **[1]**)

По словам Пауля Целана, «Поэзия больше не проникает в нас, она выставляет себя (на обозрение/растерзание)» **[2]**. Однако, в наше время, большая часть поэзии уклоняется от этого «выставления», «обнажения». Теперь поэзия – это некий продукт, полученный путем встраивания концепта «поэзии» в произвольный материал. Я сильно надеюсь, что моя поэзия – ВЫСТАВЛЯЕТ СЕБЯ.

Чего я хочу достичь? Я хочу быть сопричастным диссеминации Порядка, проникнувшего внутрь (как в афоризме Целана) Сущего. Если Хаос длится достаточно долго, он обретает новые свойства, становится не-только-Хаосом – он порождает из себя новые формы, композиции, цвета, и, таким образом, налаживается продолжительный обмен между Порядком и Хаосом. Этот обмен поставляет мне идеи для новых работ. Сам материал подсказывает мне, как с ним взаимодействовать. Предметы порождают не только идеи, но и формы, звучания, концепты, сны, грёзы. Сами предметы переживают свои индивидуальные видения, концепты, звучания, образы, формы, цвета, линии…



То, чем занимаюсь, я назвал для себя «анархеологией» - гибрид «анархии» и «археологии»….

То, что присутствует в моих работах таинственно во многих смыслах этого сова, это нельзя «объяснить» - это невыразимо, загадочно, суггестивно, но при этом не символично… Совсем нет! В моих произведениях происходит внутреннее взаимодействие памяти, грёз, воображения, сновидений и конкретного факта, всего того, что создает непереводимый иероглиф визуального образа. Когда я рисую, лист бумаги разделяет меня и мои материалы. Там, где возникает соприкосновение художника и материала, мы работаем вместе, танцуем, поём. В этом месте ведутся переговоры между хаосом и порядком. Я никогда не понимал, что я делаю, когда занимаюсь творчеством, т.к. я ни в кого не проникаю. Напротив, я освобождаю свои руки и глаза, чтобы голоса и формы самой Земли высказались в моих работах.

Поэтому «отыскивание», о котором я говорил ранее, для меня становится «Истинной Случайностью», т.к. не существует никакого запрограммированного периметра, внутри которого Случайность срабатывает как «предопределенная случайность» или «необходимая случайность». Многие поэты делают так, чтобы их словесные структуры проникали в область, где случайность появляется по необходимости, она запрограммирована. Для «отыскивания» не существует такой области, такого периметра, программы, координат, нет приказа или, метафорически выражаясь, Режиссера, который проникает в меня, управляет мной, становится во мне инстанцией поэтического или художественного. Точно так же и материал сам избирает путь взаимодействия со мной. Вот и получается… «выставляет себя, а не проникает в…».

Мне кажется, «отыскивание», будучи привязано в конкретному месту, моменту, звуку – ко всем этим вещам, происходящим *одновременно*, - и есть – то, что ты называешь «номадическим», то, что дает ощущение незакрепленности букв, слов, фрагментов во времени и пространстве. Это происходит потому, что объекты перемещаются в пространстве, благодаря воздействию времени, стихий и человека.

(продолжение в следующем номере)

Примечания:

[

1] Т. С. Элиот, «Пустошь», пер. К. С. Фарая, - прим. пер.

[2] Перевод приблизительный. В оригинале непереводимо на русский: “La poesie ne s’impose plus, elle s’expose”. – прим. пер.

ВЛАДИМИР НИКРИТИН

Из цикла «ДЕКАБРЬ-ЯНВАРЬ и немножечко»

Иллюстрации *Гжегоша Врублевски (Дания)*

* * *

Набираешься смелости
Голосом в темноте
Как попросить попить
Как на оправку пождать
Как «развяжи давай сука»

Просьба плывет в истерику
Истерика тянет бред
Лица вокруг не те

Руку давай мне! Руку!

Во что превратилась рука
Не хочется и смотреть
Бред тянет бред
Чужое не ест чужое

Тело устало быть
Тело вне координат
Тело внезапно достигло точки покоя

Не будет тебе покоя
Не будет здесь и сейчас
Тело тревожат
И суетятся
И злятся

К телу приложат вектор
Телу дадут компАс

но

Тело свернётся опять
В раковине своей
Ожидая прибоя

* * *

пока я учился
говорить на твоём языке

ты сломал во мне несколько важных перемычек

несколько мосточков порушил
а то бы пришёл к тебе я
и заговорил

зачем порушил?
Что я сказать бы мог?

Хотя, на твоём языке «добрый вечер»
Это похезать в компании людоподобных
Что выгребают своё горстями
И гордятся

Им нечем больше гордиться

Я молчу про твоё «доброе утро»
Его я испытывал
Знаешь
хватило

Я систему координат открыл такую
Где темень
И заняты все своею начинкой

И гребут горстями
И мажут по телу

И ни до кого больше нет им дела

А ты сам приходи

Кажется тот вон мосток
довольно ещё прочен

VERSION 3, 120 x 100 cm, 2007

* * *

Как замирает пыль
на забытых
ненужных предметах

Как закалённая сталь
превращается
в бурый прах

Так отлетают мысли
дурные

дурные приметы

Так превращаются птицы
в знаки
на проводах

Не остановишь часы
даже повиснув на стрелках

Не остановишься сам
как ни желай того

Мелочью полон карман
и сам себя чувствуешь мелким

И сотрясает пути
пустой товарный вагон

Знай ещё:
там
впереди
ждёт сумасшедшее лето

Не сулящее радости
жгучее колесо

Если не помнишь другого
помни хотя бы об этом

Вот и всё, Архип

Вот и всё

* * *

Некто, ожидающий приятных новостей
Принимал подарки от невидимых гостей

Разбитую лампочку
Помятую кружечку
Потрёпанные тапочки
Копчёную ложечку

Сломанную веточку, как талисман
Куртку с дырою на каждый карман
Косточки, пёрышки, велосипед не на ходу
Старые фотографии, прочую ерунду
Другие негодные в дело вещи

И скалился, скалился... не зловеще —
Скорей дружелюбно, и вот, вздохнув
Он перекидывается в человека, в себя втянув

Все перечисленные предметы.

Сегодня он стал выше ростом —
плохая примета.

Таннхойзер

Не поёт человек

открывая шкатулочки дней

Не поёт

Говорит о своём

то не сбылось
и это не сбылось

Мыло пачкает руки

другое
ненужное мыло

Пена дней
говорили мы
стоя в курилке

Иллюстрации опубликованы с разрешения автора

Увы

пена дней

Дальше ждут лишь конверты
В которые складывать
То
что

Из шкатулочек вынуто

Скоро

Просмотрено
Сразу
На свет

Эта лёгкая горечь

На языке
Ну как после марки
Вот пометишь конверт
И улыбка вернётся
И заноет тихонько висок
И раскроется вдруг синева

Как конверт

И несчастное глупое сердце

Вдруг захватит не стылую

Надоевшую кровь

А нечаянный вдох

Твоего

Ненасытного утра

(всё лишь в сердце
молчи, дурачок
всё лишь в сердце)

* * *
Что за дела, Архип? Четвёртую ночь без сна
Маешься сам, и мне не даёшь уснуть
Бродишь по комнате, вялые чудеса
Перебирая в памяти. Осень. А в том и суть

Этих метаний ночных. Десница лелеет нож,
Шуйцею в воздухе пишутся имена
Тех, кто, казалось, давно уже лёг на дно
Ты же застрял где-то почти у дна

Выпей, Архип. Поможет хотя бы лечь
Тусклый рассвет — нерешительно за окном
Сердце танцует и кровь продолжает течь
Выпей ещё. И не вспоминай ни о ком.

* * *
Мір неприятен
как привокзальная площадь
Выходишь за хлебом
сердце становится больше
Грудной клетки

События тянут друг друга
вотще
За обезьяньи хвосты,
так, чтобы «дальше-горше»
Сегодня худо
а будет гораздо плоше
Готовьтесь, детки.

Старания их бесцельны ровно
Так же, как обогнать огромный
Грузовик
старание мальчика на велосипеде

Маленькие трагедии быта часто бескровны
Никто не бунтует
Все чрезвычайно скромны
С той повозкой, что нас переедет.

А я то что – стою, наблюдаю
В своём пальтеце
по нижнему краю
Отмеченном пылью и грязью.

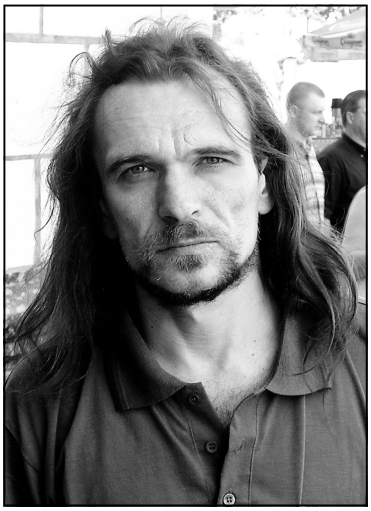
В міре смотрящего праздно
нет ни ада, ни рая
Разницы нет, что прекрасно
а что безобразно

А то, что порою совсем беспросветно –
не страшно
Это игра такая.

VERSION 2, 120 x 100 cm, 2007

Иллюстрации опубликованы с разрешения автора

Олесь Ульяненко



Отрывок из романа «Женщина его мечты»

Иллюстрации *Майкла Джейкобсона (США)*

***«Женщина его мечты»** - мистический детектив о преступном бывшем генерале КГБ, его морально-уродливой жене-самоубийце и их сыне-гее, которые, ошалев от безнаказанности, так и не дождались человеческого правосудия и были покараны Богом. Предвестником этого явился таинственный полуангел Топтун, а свидетелем – молодой принципиальный оперативник, идущий по пятам то ли преступников, то ли своей возлюбленной, находящейся в их числе.*

Переводчик на русский - Евгения Чуприна, член Национального союза писателей и Национального союза журналистов Украины.

Птица ползла по синему с серебряным отливом стеклу черным раздавленным тараканом. Лада, наверно, глянула в окно и увидела там эту птицу, а еще мокрую березовую ветку и удивилась, что та дрожит. О, это от холода. Сугубо в традициях прошлого, без налета народничества. Печально. И эта мысль, короткая, как полет мухи, вылетела далеко за свои пределы.

Она потянула к себе раздвоенные концы оголенного провода; для себя Лада решила, что это змеиное жало предательства, и положила себе в рот. Сейчас он войдет, включит… и все, она растает тихо-тихо, как ее нежная и печальная любовь.

Но тихо не получилось. Вошел сын и таки включил. Ладу трусило минут пятнадцать, и не только – из нее валил вонючий дым, а волосы встали дыбом. Наконец сын додумался отключить выключатель, и она упала на пол – обмякшая, выпустив все возможные экскременты под балдахин шелкового халата. Сын дрожащей рукой набрал номер и вызвал скорую. Но скорая ничем не помогла. Лада с откушенным языком, вылезшими глазами, с неправдоподобно синим лицом, была мертвой. Почему она выбрала именно такую смерть, нам остается лишь гадать.

Муж стоял какую-то минуту перед дверью, а два молчаливых услужливых охранника ждали. Наконец он открыл дверь и пошел по дому, как гончая, нюхая воздух. На самом конце, перед летней комнатой, по лицу его пробежало удивление. Он ощутил неприятный запах, запах, который не жил в этом доме, но достаточно знакомый и близкий, чтобы там поселиться. «Ну и идиотка» - мысленно выругался он и вошел, не меняя выражения на лице.

Может быть потому, что судьбы их были похожими, она время от времени, как говорят женщины, местами понимала его. У обоих сердце замирало, когда из темного окошка «Хаммера» на зеленой мураве они видели коров, коз, перекошенные церкви, которым повезло меньше, чем столичным златоглавым храмам. Но сейчас он думал, конечно, не о кучах дымящегося мяса и даже не о том, что жизнь этой кляче можно было оборвать горстью сильнодействующих таблеток, которых дома хватало по самое горло. Нет, у него мысли поднимались к высотам его собственных чувств, и муж физически ощущал, как у него слазит надкожный слой, как будто с посиневшей от гангрены ноги – что-то близкое и отвратительное сразу.

Она не знает жизни, – соглашался он с собой, думая о ней, как о живой, но само ее появление в его жизни опускало его на дно мира. Лада оттеняла его, как нечто уродливое – еще более уродливое.

С этими мыслями он уселся в гостиной неправдоподобно красного цвета, с кожаными надутыми испанскими диванами и креслами, закурил сигару, и охранники понимающе подали бутылку коньяка, аккуратно нашинкованный лимон. Чувствовал он себя легко и уверенно, как никогда. Но старая привычка, ведь он был психолог, напустила на него довольно ловкую мину горя и скорби, такую, будто он один остался на этой земле, как перст. Он подумал о зе-

леных, почти синих соснах, а на дворе противно скворчал мокрый снег под шинами авто. Ему всегда было уютно в «Хаммере», но сейчас, с мертвой женой в трех комнатах ходу, ему было еще лучше. Он отхлебнул коньяк, очень громко, протянув это сербанье по всему дому, и коренастый с сельской мордой охранник подступил к нему и протянул трубу.

- Нет, - коротко сказал он и посмотрел на мокрых птиц, висевших на ветках липы, и решил ее спилить, потому что эта липа пугала Ладу. Он даже позволил себе удивиться, но потом медленно повернул голову и приветливым, медленным голосом сказал охраннику:

- Позвони и скажи ему сам. Мне нет никакой охоты. – И он облизал отерпшие губы с тяжелыми желтыми каплями коньяка.

В жизни нет ничего важней начала. Середина – дело относительное, можно даже не дотянуть. А поскольку середина, как и возраст, пресная, а конец непредсказуемый и поэтому темный и невыразительный… и золотой – выпростав в туалете прямую кишку, так часто в противовес ему решала Лада. Он так и оставался всю жизнь в ее понимании «он» - без имени, с грудами орденов, с грудами должностей и грудами бешеных денег. Но это его не злило, даже не бесило, даже не беспокоило. У него было свое мнение, и Ладе было не достичь вершин, доступных ему за коньяком и даже кофе.

Как и всякая женщина, Лада наделяла специальным словом все, что делалось, двигалось и пульсировало вокруг. И вот это ему уже не нравилось. Именно об этом он сейчас думал, изучая недвижимым взором завиток итальянских обоев. Да, у него взгляд человека, решившего все. Этот человек, то есть он, забрался так высоко, так низко, или тяжко, или легко, на свое место в общем седле и четко уяснил и постановил, что там хорошо находиться и ничего не изучать, ничему не давать названия, потому что все и так давно рассчитано с ним или без него.

Однако это было своеобразной местью за то, что с ним сделала Лада. По крайней мере, сейчас он спокойно мог перенести всю тяжбу жизни на ее крышку гроба, которая все выдержит. И по-своему был прав. Лада умудрилась спрятать свое прошлое и свое будущее в черных водах неведомого. Казалось, он знал ее веснушчатой рыжей девочкой с яркими глазами, с уравновешенными, вовсе не манерными жестами; знал ее родителей с тяжелыми руками колхозников и хитрыми глазами мелких завистников и воров. Но Лада параллельно не напоминала своих родителей. – От таких незваных мыслей он даже передернул ногами. Однако он и внешне и внутренне находился в состоянии равновесия и спокойствия.

Мимо прошел врач, несколько милиционеров в мешковатой униформе, но он провел их поворотом головы, пригубил коньяк, изменив при этом лишь точку обозрения пузатого бронзового ангела, натягивающего лук и сейчас показавшегося ему символом чего-то ужасного, но не того, что случилось на самом деле. И это его слегка задело. Потом насторожило. Потому что он не мог усидеть на месте. Потому что бронзовый ангел смотрел на него и натягивал лук. И его это насторожило. И легкими шагами, чуть подшаркивая левой ногой, он прошел в конец комнаты, по ходу потягивая ноздрями воздух. Да, это действительно был запах, запах был причиной его раздражения. Да, запах, но ни причины, ни источника этого запаха он не мог определить. Этот запах, на его удивление, ударил не по ноздрям, а по глазам, заслезив роговицу, да, именно по глазам. А потом он ощутил, как запахи побежали по серым каналам мозга, взорвались в голангулах и застыли там черной однородной массой. И так и остались там большим черным камнем. Но и в самом конце комнаты под красное дерево, с тяжелыми коричневыми портьерами, он уловил, прорвав пленку будничных ароматов, знак того, что он никак не может избавиться от жены. Сейчас его позовут… Но ему этого не хотелось. Сочувственные взгляды – не лучшее, а осуждающие могут испортить настроение на целый день, да, именно так, когда можно и сейчас хочется думать о ней что угодно – за коньяком, за разговорами с коллегами, товарищами, ее и его, и ощущать себя причастным к чему-то. Так, будто повторилась его юность, и молодость пробежала лучами морщин вместе с будоражащим кайфом тайны.

Запах стал жидким и растекался по широким каналам его тела. Он хотел вслух добавить что-то о душе, но это было настырное табу, специально навязанное, а сейчас, после стольких лет еще и ставшее твердой привычкой: душа – это из разряда студенческой болтовни, с прыщавыми лбами, воспаленными железами и блестящими, опрокинутыми не к земле, а к небу глазами.

Именно этим он гордился, именно это он ставил себе в заслугу, а Лада никак упрямо не желала понимать – он стал частью этого мира, выдавив постепенно из себя заскорузлого селюка с колхозным прошлым. Он уже оттолкнулся от того берега, поэтому никогда не хотел вспоминать деда, а еще больше – сестер, которых ему пришлось перевербовывать, обивать пороги и пережить еще много других неприятных минут. Он был уже слишком далек от этого. А здесь все было сделано без него и так аккуратно, что комар носа не подточит. Разве что через несколько лет он ощутил, что смотрит в пустое небо, и та его часть, что вдруг застыла в испуге над банальностями, превратилась в анахронизм. Ему стало до тупости все известно, знакомо, а значит обрыдло. Да, по большей части его родные были деятелями еще той республики, хотя ничего такого особенного он в этом не видел – не один такой. И нечто подобное сейчас он чувствовал по отношению к Ладе.

Запах гари, распростершийся тонкой пелериной по комнатам, даже не преследовал его, а доказывал, что она где-то рядом, совсем рядом – лежит в белом махровом халате с прожженным сигаретой локтем, с мещанскими бигудями, и теплый здоровенный рыжий кот отирается у ее ног. Он равно не ощущал утраты, ни усталости, следующей за смертью близкого человека, и это ничего не значило: любил ты этого человека или он был тебе безразличен, как последний трамвай, когда есть деньги на такси. Тогда он прошел еще несколько комнат – сумрачных, со странным бархатно-фарфоровым отсветом, и ему щемящее захотелось еще сигары и коньяку, но он понимал, что при людях такие вещи недопустимы; правила этикета, которыми он всю жизнь пренебрегал, давили, как галстук от Габбана. Большое малиновое

солнце в последней комнате завалилось в окно потоком новых запахов, и ему сделалось приторно.

- Господин генерал, – услышал он голос, и этот невыразимо красивый голос секретарши Лады неожиданно повернул все к началу: первая комната повернулась другим боком, вторая неожиданно наползла на первую, третья вытянулась как под перископом, таким образом впуская красного золота свет из последней всей площадью. И он стоял на сером бетоне, под синим неимоверно бархатным небом с белыми самолетами на нем, и тихий рокот ласково ложился на землю, а ее рука была рядом. Тогда его горло стиснули спазмы, и он понял с печалью, что он будет думать о ней как о пустом небе, то есть ее не будет, и ничего в этом не изменится. И хуже всего то, что он сам никогда не изменится, хотя сейчас эта мысль настырно терзала его пах и била в виски.

Сейчас же он почувствовал дикий сексуальный голод, как это выходит с женщинами при виде чужой смерти. У него закрутило в промежности, сладко задергало под ложечкой, и только тупые удары, растянувшиеся лапами паука от темени, напоминали, что объект не существует или совсем далеко. Так он стоял посреди малиновой со светлыми тонами комнаты и в ноздрях гулял абсолютно реальный запах паленого человечьего мяса. Но сексуальный голод не утихал. Это начинало беспокоить. Он незаметно перевел взгляд на спину и попку секретарши, стоявшей возле окна, боком, и сейчас же поймал себя на мысли, что вообще не помнит ее лица кроме рта – тяжелого, с двумя складками на углах, но далеко не сексуального. И запах, зародившийся в его мозгу, начал пробиваться к тому, что висел густыми миазмами среди плюшевых мишек, панд, колли и кукол Барби. «Лишь бы только не зашел сын, – проскользнуло в голове, – а то это стало бы совсем непристойным». Так он подумал, но что непристойного, это наверняка знала лишь Лада и он сам.

- Господин генерал, – повторила секретарша и повернулась к нему лицом. Он увидел ее полные груди, маслинные глаза, утонченные руки с дорогим, как у его Лады, маникюром. Хоть у них разница не меньше двадцати пяти лет. Женщина была красивой, но не сексуальной, вернее, не в его вкусе, и вообще они после двадцати не вызывали в нем никаких эмоций.

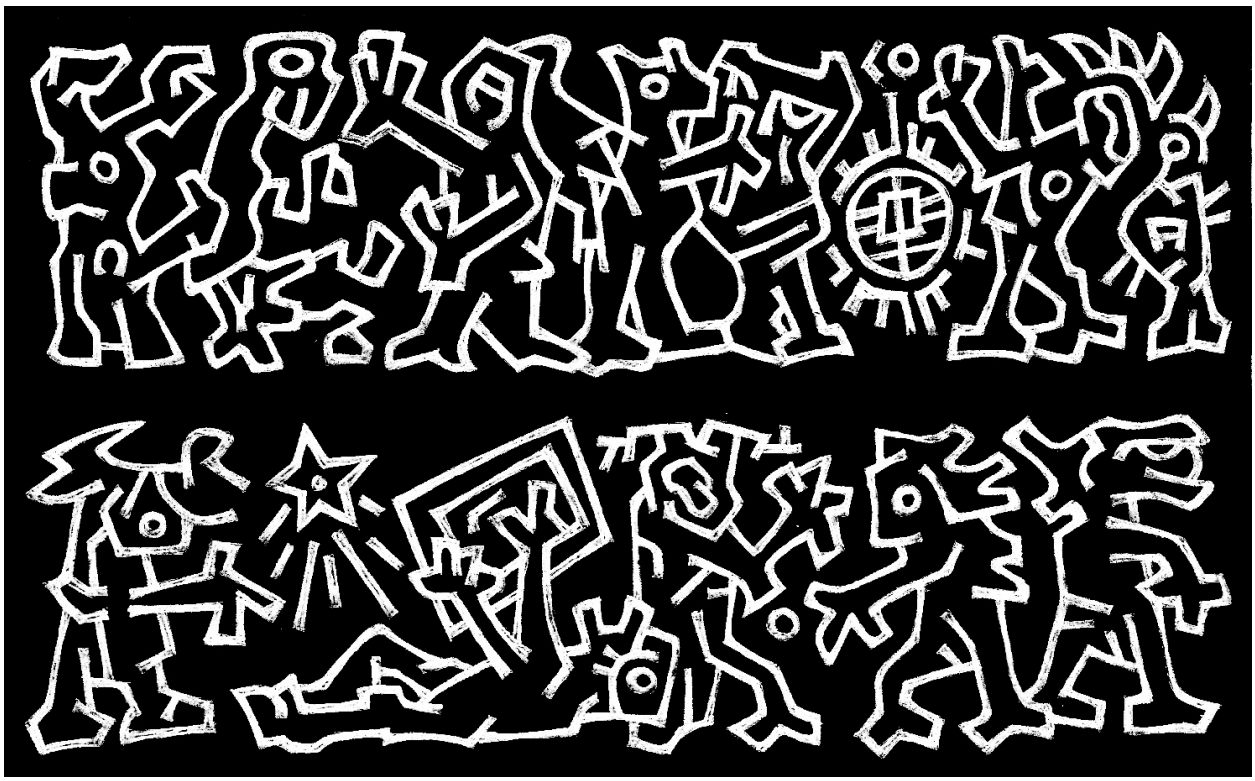
Неожиданно коридор снова начал уменьшаться, точно подзорная труба морского капитана, и он сидел в кресле с мятным привкусом дешевой сигареты на губах. Сигаретой его угостил следователь – нервный, как лошак, парнишка в штатской форме – свободном, но дорогом костюме. И он уже давно понял, что это военная разведка, и от этого сделалось спокойней, уютней, словно к этому запаху человечьей гари, трупа примешались добротные ароматы просиженных кресел, дорогих сигар и дешевого кофе, какой готовят похожие на гомосексуалистов секретари и молодые лейтенантики.

Секретарша стояла на том конце коридора в малиновой комнате и глядела в окно, где люди под первым снегом мокрыми крысами выползали из своих нор.

- Это ваша секретарша… ее фамилия… - начал было следователь.

- Я ее не помню. Не помню ее фамилии.

Следователь понимающе кивнул головой. Он уже находился на такой стадии своей карьеры, что мог позволить себе относиться к людям, как к интерьеру. Также он понимал, что с этим приключением, а иное слово и на ум не приходило, ему возиться не долго. Но он не любил такой тип людей. И такие типы, определил он про себя, вряд ли любят оказываться в такой ситуации.



- Я поговорю с ней? – Сказал следователь и красноречиво окинул глазом фигуру секретарши, одетую в синий английский шерстяной костюм – ты глянь, даже складки у нее похотливо переливаются на бледном зимнем солнце! Он перехватил взгляд следователя, и волна, горячая, будто у породистого жеребца, прилила к голове; сейчас он точно ощутил, как от злости на этого плюгавого сноба-следователя его глазные яблоки трещат капиллярами и трескаются с таким грохотом, что не слышно, как жужжит одинокая муха в синем полумраке комнат.

Он брезгливо наморщил нос, когда услышал этот звук, как вонь – все чужое и недопустимое в этом доме сейчас явилось, чтобы его уничтожить, сожрать его запахи и оставить одного, с поджатой мошонкой, кривыми пожелтевшими зубами – он никогда не славился вставными челюстями и таким прочим. В этом он был достойными сыном своих родителей, презиравших чужое и ненатуральное.

Следователь закинул ногу на ногу, положил острое колено, затянутое в дорогое сукно – он и это заметил, но сейчас же понял, что так бы поступила Лада. Странно, но он не ощущал потери. Он больше ощущал предательство, капризы ее и истерики, и это всегда возбуждало. Сейчас он мог бы без малейшего суесловия сказать, что оказался в пустоте, такой же близкой, как беззвучный снег за окнами, все падавший и падавший в прорехах тяжких портьер. Как улица, неожиданно выгибавшаяся на повороте, чтобы сомкнуться крепкой челюстью на крохотном фонтанчике из красного мрамора с толпами мерзких голых русалок без половых органов – с учетом того, что все это увидят дети. Они и сейчас толклись группками в ярких куртках, с воздушными шариками – девочки, немножко постарше, дребезжали мобильниками, возбужденно облизывая красные, пошершавевшие от мастурбаций губы, и не спешили домой, чтобы не очутиться в ночных кошмарах. Он неожиданно отметил, что именно таким должна быть сытая и настоящая жизнь, ничем не схожая с этой крутой, как челюсть динозавра, дорогой, с мокрыми и голыми молоденькими липами.

Прислуга принесла коньяк, самый дорогой, но умеренного качества. Он не пил такой на людях, но с удовольствием угощал и угощался с неблизкими знакомыми, если так можно выразиться; он садился всегда так, чтобы было видно безлюдную часть улицы, куда заползал дворник с искривленным носом, лысый, но довольно харизматичный, как сейчас модно говорить; он на полставки подрабатывал в их конторе и приносил свидетельства – никудышные, но временами смешные. Следователь кашлянул в кулак – белые костяшки, набухшие вены свидетельствовали о его нервном, даже тщеславном характере, но вместе с тем о воле и цинизме. Следователю в первую очередь, скорее всего, черт его, было интересно.

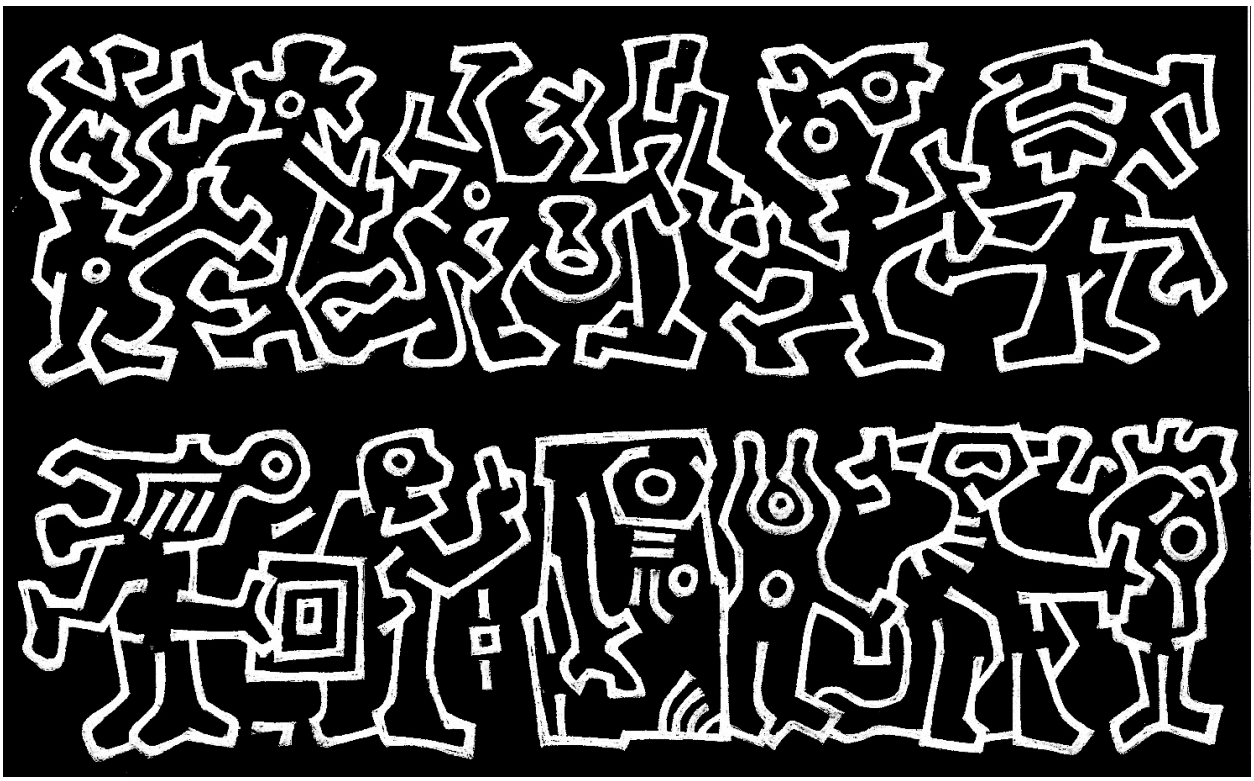
После нескольких глотков коньяку он почувствовал, что этот интерес передается ему. Но где-то далеко в мозговых клетках отпечатался портрет секретарши. Сейчас ее полный, в розовой помаде, рот вызвал у него восхищение, как будто этот рот мог сказать ему что-нибудь утешительное. Это для него был рот священника – так решил он, хотя никогда ни во что не верил кроме успеха и достатка. Он никогда не верил женщинам, но до безумия, юношеского безумия любил их, пока кривая его судьбы не пересеклась с Ладой, с веснушчатой девушкой с розовыми прыщами на лице, роскошным крестьянским телом, с ленивыми движениями гламурной модели, но до того естественной, что ничего его мужской опыт не мог поделать, в какую позицию ни встань. Но сейчас он упрямо думал о реальной секретарше – крупноротой, с телом норовистой кобылицы, с пустыми фарфоровыми глазами и цепкими лапками насекомого, подгребающего корм к своей норке. И похотливой, как цыганка. Ему сделалось приторно, потом тошно, и он проглотил коньяк одним духом.

- Значит так, генерал. Как ни печально, но дело это короткое и банальное, – сказал следователь и элегантно взял коричневую палочку сигары, умело подкурил и выпустил синее облачко дыма у него над головой; дым почти растворился на фоне костюма секретарши. Наконец следователь заговорил ровно, придерживаясь какого-то внутреннего, понятного лишь ему порядка.

От таких разговоров у него всегда крутили пломбы в зубах. Он слушал холодную и взвешенную речь следователя с крысиной прической и сейчас понимал, что между этим холеным, лощеным, застегнутым на все пуговицы и резинки, этим настырным и прежде всего разумным типом, точно натертым воском, и им, именно им, нет никакой разницы. Это дернуло его досадой, как нерв в еще здоровом зубе. Малахитовый квадрат окна с ярко-желтым тихим вечером предрождественской ночи, как все в конце, как все вначале… Да, правда сводит зубы. Еще одна ночь, которая ничего не изменит, но к чему-то приблизит. И он знал, что спокойно может пережить ее. И от этого ему было страшно. Даже от одной мысли о том, что единственное существо, которое от него зависело, тут, на этом пятачке блестящего пола с дурацким розовым балдахином над кроватью, с мебелью румынских князей, неожиданно стало чем-то изменившим привычный уклад жизни. К этому нужно быть готовым, но и это пугало его. Еще больше чем то, что представить себе Ладу, увидеть в памяти он сейчас не мог, как ни напрягал мозг. Только запахи. Враждебные и чужие, как на войне, призраками пробирались из комнаты в комнату, своей мерзостью оккупируя дом.

Следователь сполз задницей на край стула и нервно стал водить носком туфли по паркету. Он мысленно определил его как латентного гомосексуалиста, скорее по профессиональной привычке. Он даже почувствовал, как поры его ануса, в самом анусе распускаются розовыми слизкими бутонами, испуская запахи, от которых тошнило и першило в горле. Вот оно: быть готовым и не бояться. Две банальных истины. Он поднял, точнее поддернул глаза, бросив остекленевший от непривычных ощущений взгляд на большой, в тяжелой деревянной раме, квадрат окна, которые переливался незастывшим желатином в предвечернем (или утреннем?) мороке.

Наконец он что-то увидел. Нет, он таки увидел! На сером куске асфальта он увидел каштанового пса, почти огненного. Пес был глуповатый, наивный, тыкался носом в грязные лужи и лаял на собственное



отражение, положив ушастую голову на лапы. Следователь поднялся, аккуратно поправил штаны, попрощался и вышел, поскрипывая блестящим паркетом, точно астральным отраженьем самого себя. Он тоже встал, повернул ухо к беспредельной анфиладе комнат и стал ловить отчаянное жужжание заблудившейся мухи. Поздней, когда он решил, что это ему мерещится, он перевел взгляд на стол, взор его перепугано рассыпался на тысячи огней в синей хрустальной пепельнице с окурком женских «Вог». Он понял, что Лада не курила таких сигарет. Его супруга любила хильнуть крепкого рому или виски, самого дешевого, чтобы смердело самогоном, а потом раскуривала сигару. В ее розовом, как два слизняка, красивом рту сигара выглядела жутко пошло, по крайней мере, он говорил так.

Только сейчас он ощутил, что секретарша возбуждена, до непристойного, до тошнотворного, вот так просто, как всегда женщины воспринимают смерть – возбуждаются, молодеют; как будто смерть с разгону ударилась о нее, пролетела высокими анфиладами, отскочила от ее недоступного карого раскосого взгляда и застряла в его глотке. Он облизал губы кончиком языка, совсем по-женски, анус его болезненно и сладко сжался. За окном толстым куском слюды двигалось небо. Настало время сумерек, и все его кишки просили есть, лишь мозг тупо ловил сигналы с того конца дома. Мраморные ангелы трясли в тенях маленькими писюнами, натягивали луки и беззаботно смеялись над смертью.

Секретарша сжала его уши – толстые и мягкие, теплые, будто у породистого, откормленного и ухоженного пса. Он тыкался лицом в ее пиджак, ерзая коленями по начищенному паркету. Он был лысым, без малейших признаков волос, поэтому она, наверно, и взяла его за уши. Так он маялся этим, думая о своих ушах, о вспотевшем черепе, перебирая проворными пальцами тяжелые складки ее костюма. Наконец, когда открылась ее нагота, словно вылепленная из добротного цельного куска плоти, он почувствовал дикое возбужденье, которое шло от самых кончиков пальцев, двинулось и укрепилось в корешке члена. Да, аж заболели яйца. Лобок и щелка у секретарши чисто выбриты.

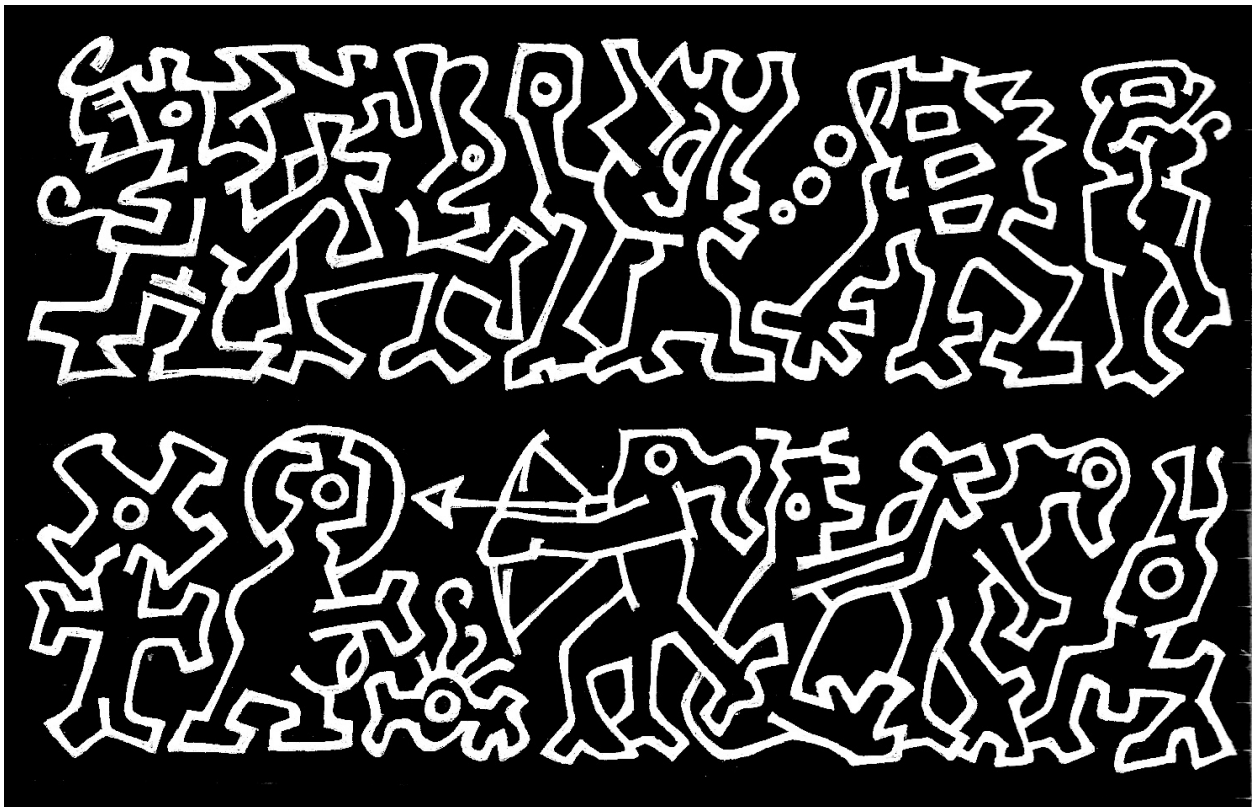
Прекрасный, почти образцовый кусок плоти, с мягкими линиями, полными ногами, высокой грудью, нежной кремовой кожей и добродушным треском в раскосых карих глазах, который говорил лишь о том, чего женщине хотелось сейчас, а не где-то так и чего-то там. Она перевернулась на живот, выставив округлые ягодицы, расставив точеные ноги со срамными губами – краешками их, и он неожиданно для себя сглотнул липкую слюну. Он загнал два пальца – указательный и безымянный – в свежую набухшую плоть и услышал тихий стон удовольствия. Язык его прошелся привычно по желобку спины, между ягодицами, завибрировал на анусе. Он сладко лизал бедра, тыльную сторону ноги, а она лежала – чудесный слепок, совершенная в своих линиях, движениях. Ее глуховатый, покорный голос никак не вязался с тем холодным и самоуверенным выражением, когда он периодически встречал ее в длинных коридорах и еще где-то. «Больше я ее нигде не видел» - совсем четко, отстраненно калькировалось в его голове. Он сел ей на ноги и засунул палец в анус. Когда она застонала – да, именно так, как он хотел, он начал шевелить пальцами, а левой рукой прихватил пылающую копну волос, поднял голову, развернул – скула и один карий глаз, затянутый плевой удовольствия. Позднее, когда он подхватил ее под колени и стал касаться языком щели, понемногу вводя язык, он увидел совершенство ее груди, но досадливая

мысль, что жалюзи подняты, что это в комнате его бывшей жены, натирала спину. Но не больше. Он слушал ее голос – так, будто он сам женщина, сам чувствует себя покоренным, хотя на самом деле было иначе, и иначе быть у него не могло. Он возбуждался все больше, аж до покалывания в руках. Наконец он вошел в нее, ее гибкие с мягкими подушечками пальцы ухватили его свисшие бока – живот-то он как-то втянул, но конец вошел в тугую дырочку по самые яйца, и она растянула стон, такой, что в самый раз, не дублированный тысячу актов, не повторенный и не заученный. Голос поднимался от самой щели, пролетал сигмовидными кишками живота, клокотал в груди, а потом выходил из пухлых, правильной формы губ с двумя блестящими резцами зубов, где плавали светлячками ночные огни. И он подумал про жалюзи, и в эту минуту совсем неожиданно – почти смертельно недопустимо и неожиданно – он кончил в нее целым потоком, так что мороз пошел по коже, а спину и задницу взяли спазмы. Такого он давно не чувствовал. Но потом, буквально через минуту, когда ее руки вытерли член розовым носовым платочком, он снова возбудился. И сейчас она была сверху него, во всей пышности, с открытой грудью, тугим животом, что переливался волнами под корешком его члена. Главное, не было того однообразного и привычного, что кончалось у него кислым оргазмом, холодным и липким поцелуем, а потом тупо хотелось завалиться на бок и спать. У этой женщины было все! И он снова кончил, она успела схватить по-телячьи нежно головку члена ртом и выпить все до остатка, так что у него спрятались яйца. Он успел глянуть в окно – что-то задрожало, будто налипло на экран его взгляда. Фонари огненными шарами сначала висели в пространстве, а потом потухли, словно враз осыпавшись яблоками на луженый от месяца асфальт. Она легла на него, подсунув мокрую вульву к его лицу, и язык сам собой забегал в щели, слизывая мокроту, а его член обожгло горячим, и он закрыл глаза, не понимая уже ничего, а только плыл, ухватившись за пухлые ягодицы. Она кончила первой, зычно и сладко, а потом он вошел в нее сзади, сидя на ее упругих длинных красивых ногах, пустив тихого петуха, перднув от удовольствия. Отверстие ануса было узким, чуть-чуть шершавым, и член входил с каждым движением все больше. Мело за окном, и он глядел на мягкий снег, не чувствуя никаких запахов и не чувствуя себя, только лишь член, красивая выгнутая спина с мягкими мячиками мышц под бархатной кожей. Женщина запрокидывала голову, а ее волосы развеивали с каждым движением тонкие флюиды духов, холеной кожи, ее половых секреций. Белые простыни хрустели – медленно, в такт телам, голосам и тихому вечеру, который разливался, кажется, шел от окон, от предметов. И вот он кончил еще раз – громким криком заглушив ее звериный и сдавленный. Она выскользнула из-под него и села ему на лицо, охватив мокрый член рукой, и задвигалась, на этот раз уверенно, быстро, будто больше ничего в нем не было интересного, а она принимала только удовольствие оттого, что ее мокрая вульва скользит по его лицу. Она кончила трижды, пока член не вырос в ее мягкой ладони, и ее замшевые губы охватили головку, потом продвинулись глубже, пока член не зашел полностью ей в рот. Щеки у нее раздувались, как бока рыбы; она зыркала на него карим ровным взглядом поверх белого живота, потом опускала глаза, и язык ее живо бегал по головке, а яйца перебирали мягкие подушечки пальцев. Тут он еще раз пукнул, громче прошлого. Он видел, как она перегибается в талии – действительно, как большая сочная рыбина, и капли серебряного пота стекают на изломанные простыни, синие в мельхиоровых сумерках. Потом она легла набок, задев нежной кожей груди его бедро, и он увидел четкие абрисы ее плеч, тонкие линии, точеную голову с разбросанными черными змеюками волос против темного квадрата окна. Совсем неожиданно ее указательный палец надавил на анус, упруго зашел в прямую кишку, а рот крепким кольцом стискивался вокруг головки. Сейчас ему показалось, что у них на двоих один ум. Но потом он ничего не думал. Только дрыгал коленями, сопел ноздрями, хрипел черти что. Позднее он стал выворачиваться – вероятно, потому что спину схватывали судороги, сводило ноги, но это приносило такое удовольствие, что ему хотелось, чтобы это и, наверно, что-то другое происходило, длилось бесконечно. Нос его сладко тянул чистый воздух с мелкими, незаметными частичками ее запаха, а не запаха Лады. Он чувствовал сейчас только свой член, который надувался, как резиновый, делался деревянным, лишь на кончике превратился в гигантское забвение, в гигантское наслаждение. И едва на небе зажглась луна – круглая, телесного цвета, как он протяжно кончил, но еще подержал ее голову руками, сладко ощущая, как его член мягчает, делается маленьким и сморщенным, теплым в ее рту, он провалился в пустоту, в забытье – определенно, у этой женщины есть талант. Немного передохнув, он повертел головой, а она легла на бок, развернувшись к нему круглыми ягодицами, и ее мокрая от пота спина, со спинной ямкой – одной линией, делала ее невероятно красивой. При взгляде на это к нему пришла совсем другая мысль: где-то все же он это видел, но где? Да, именно она, эта женщина с совершенными формами напоминала что-то. Он – тот, что всегда скрывает свои чувства до тех пор, пока они не покинули его детородные и прочие органы, оставляя его отдыхать в старании, которое он, кстати, удобно для себя конструировал в продолжение всей жизни. Сейчас он нагнулся и поцеловал ее щель – мокрую, раскрытую, похожую на бутон цветка. Она удобно умостилась и легонько прижала его лысую голову. И он припал мясистыми губами к клитору, втянул сладкий, действительно сладкий запах женщины, а ее тело заходило волнами. Он лизал, а она мягко пошлепывала его по бледным ягодицам – точно, нужно съездить на море, такого он себе давно не позволял. Бедра сжимались и разжимались. Иногда в голове у него проходили неимоверные мысли, странные и страшные, точно у школьника-старшеклассника за цветным порножурналом на большой перемене. Она высвободилась, стала на четвереньки, и сейчас он видел ее отражение в пуленепробиваемом стекле. Темная аллейка с темными шарами фонарей, с искрами окурков – это на балконах соседского дома, принадлежащего какому-то тресту, курили и бросали в эту волшебную ночь бычки. Он входил в нее легко, и она

постанывала, покрикивала, но как раз в меру. Именно так, – решил он – в меру этого дня, в меру, когда Лада таки наконец ушла и освободила его, ха, таки освободила, даже ее противных посмертных запахов не осталось. Только запах чистой и свежей плоти – то, что нужно каждому человеку, а остальное все – глупости, непредсказуемые глупости. Наверно для такого синего дня с сожмаканными простынями, с кремовым телом женщины, стоило пережить Ладу, брата, родителей и дедов.

Что-то треснуло, и он снова видел полураскрытый ее рот в темном окне, язык, ползавший по пухлым губам. Она повернула голову, прижалась щекой к плечу и посмотрела чайным нежным взглядом, запорхала широкими ресницами, сжала губы. И он прижался к выгнутой спине, схватил за груди и кончил. Они легли на спину и смотрели на лепнину белого высокого потолка. Он положил ей руку на живот, и она ойкнула, точно это для нее была самая большая неожиданность в мире. Она ойкнула и расставила ноги, а он полез туда ладонью и перепугался, подумав: а не нимфоманка ли она? Да нафиг, хоть бы и сама фурия, лишь бы ему нравилось. Пальцы нащупали ее тугой клитор; она подсунулась поближе и ухватила его за член. Это детское движение, привычка, словно охладило его, проложив расстояние между днями, неделями и годами. «Ты не голодная?» - спросил он. «Хочу сладкого» - ответила она, продолжая поднимать его достоинство. Рука у нее заработала быстрей, а его пальцы провалились в сочную мякоть. Сейчас он думал про сладости, про ее руку и про свою руку. Ага, там она правда была сладенькой. «Ничего особенного, когда оно приходит», – думал он, и сейчас его память заработала достаточно быстро, нейроны и атомы забарабанили в кость с неимоверной скоростью. Ему стало неудобно, дико неуютно, и она уловила это движение, поэтому прижалась мягкими губами к его плечу, потом налегла животом и грудью и лежала так до тех пор, пока он маленьким ребенком не засопел и не кончил ей в ладонь. Она размазала сперму по лицу и засмеялась гортанным голосом с нежными, слегка надломленными нотками. Неимоверная синяя лагуна открылась его глазам, и он улыбнулся впервые за несколько дней. Живот у женщины горячий, кажется, можно обжечь руку. Но главное совсем не это. Совсем другое его интересовало. Он чувствовал, как в его ноздри потекли приятные невидимые запахи. Он закрыл глаза и лежал блаженно какую-то минуту, пытаясь сосредоточить мысли, но они казались ему мизерными и лишенными смысла. Даже само слово это отдавало паскудством. Тишь, неимоверная тишь лежала на пузатых, с куцыми писюнами, купидонах, на мебели. Даже здоровенные комнаты, выходящие друг из друга, никак не страшили его, а навек похоронили, прикрыли от Лады. Позднее это ощущение начало расти: она, эта женщина, из одного сплошного куска плоти, из света, тени, сладких запахов, выгибая тонкую, как лозина, спину, пошла по высоким комнатам, буднично, не прикрывая своей наготы, и казалась совсем из его мира, реальной игрой атомов водорода, нейронов, сладкого чувства, какое бывает только в молодости – так он решил, провожая ее взглядом. А он поднялся и глянул на черные шары фонарей, на лысый зимний холм, и когда повернул голову, то она сидела, подмостив под себя ноги по-турецки, и разрывала блестящую упаковку конфет.

Он подумал: и нашла же, ядрить ее маму!

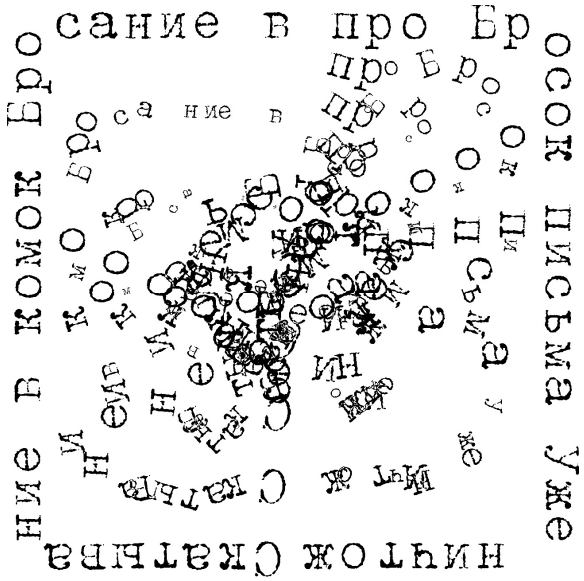


пОтРоТ УарУ

Иллюстрации *Эдуарда Кулемина*

Самкоучитель

Я не знаю, пора ли мне прыгать:
Парашют мой уже раскрылся.
Я не знаю, что делать с коровой,
Что застряла в дверях сознанья.
Посмотри в мои глаза,
И ты увидишь разноцветность.
Я не помню попытку убийства
Малыша гранёным стаканом.
Я не помню, кто вытер мне слёзы,
Что я прятал от всех под креслом.
Посмотри, где твой кумир,
И снова ты меня увидишь.
Я не вижу возможность повтора
Поцелуя без воскрешенья.
Я не вижу доверчивых мыслей,
Что готовы со мной ужиться.
Посмотри-ка, там – в гробу –
Не я ли вдруг уснул случайно?



%%р

Ты пробежишь мимо и не заметишь,
Что я на берёзе с петлёю вишу.
Ты территорию метишь и метишь,
Кто-то кричит вдалеке. Выношу
Сердце заело:
Стучит и стучит.
Это не дело.
А кто-то кричит
Низкая
Нота
Рыскает
Кто-то

Добивая иммунитет, допивая, а вот и нет

0,33) По рельсам всем составом
И даже Мандельброт
Шагаем до инфаркта.
Читатель ждёт уж рифмы «в рот» –
На, вот, возьми её скорей,
А то возьмет кто-то другой.

0,5) Мне помнится до съезда
Я плавал брасом и сталь плавил
Вместо тортика на ночь и роллов на завтрак.
Мой дядя не нарушал правил,
Но доказать это не смог,
И, наконец, я за рулём.

1 л) Мечтал о гриппе и простуде,
Засыпая в снежном поле,
А встретил, тёща с тестем, вашу дочь.
Теперь я знаю в вашей Оле
Меня с презрением искать
Будут maman & father,
А найдут меня в себе…
Всё в себе…ни слова…никому…

Отсчёт

Отсчёт начался…

Я
молча стоял
перед открытым окном
и удивлённо смотрел на
проходивших мимо людей, одетых в
крылья из непослушных рук и нимбы
из светящихся глаз, которые смотрели в небо,
улыбались созревающей свежестью, не боялись
воскреснувшей смерти и
пытались улететь от своих недовольных хозяев к
тем, кого
они хотели бы всегда видеть рядом с собой: всегда
жить

…отсчёт продолжается…

10) Ты громко прыгала позади закрытых дверей и
обыденно слепила всех
9) заходивших туда чертей, раздетых до шрамов
на верных ногах
8) и рогов на потускневших затылках, которые от-
ворачивались от
7) земли, плакали разлагающейся тухлостью, боя-
лись умирающей жизни
6) и не пытались упасть к чужим
5) покорным рабам от тех, кого
4) мы могли никогда не
3) чувствовать далеко от
2) других: некогда
1) умирать

…отсчёт закончилсЯ.

скальп скальпеля

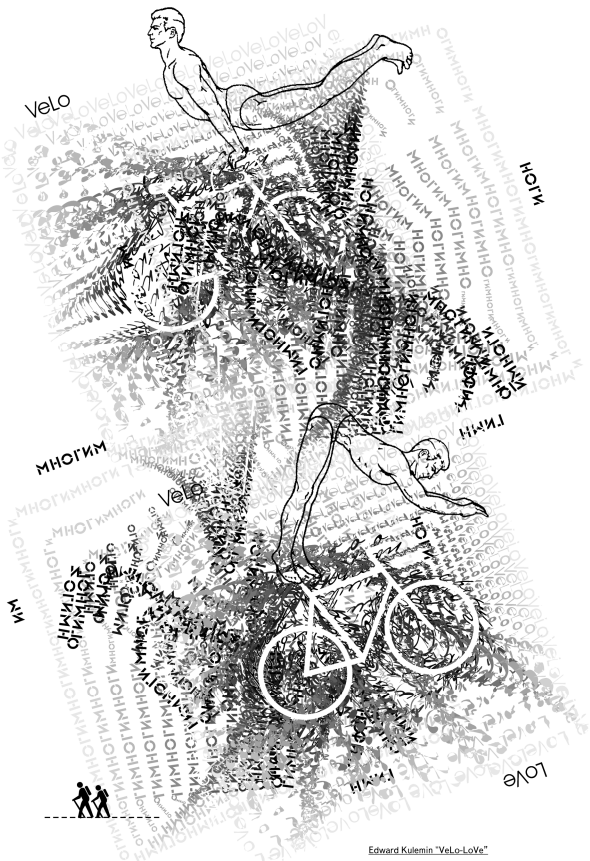
О-пе-ра-ци-я-на-ча-лась –
Яуженастоле.
И-жерт-во-при-но-ше-ни-е
Точносостоится.
Хирург уже занёс
Скальпель над головой!
Глаза – на волю слёз!
Крик из груди – долой!
Мед-сес-тра-у-во-зит-ме-ня –
Яготовехатьвморг.
На-встре-чу-ве-зут-дру-го-го,
Онгрустносмеётся.
Только хирург не смеётся:
Ему ещё много работать

По-моему, помои

В о с п е в а я добро и л а с к у,
О с т а ю с ь потрошить т р у п ы.
О н у х о д и т. Он не в е р н ё т с я
В с о с т а в нашей славной т р у п п ы.
В с е м в с ё делать назло. И т о ч к а.
М н е у ж е не спастись, в и д н о…
Я у м р у до прихода с м е р т и,
Ч т о б ы ей стало о б и д н о…

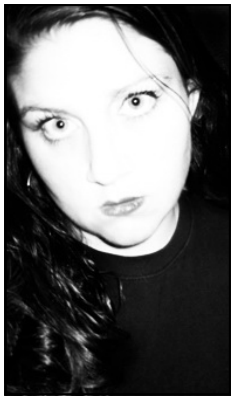
Полное понимание происходящего при проверенной попытке поцелуя с перегаром

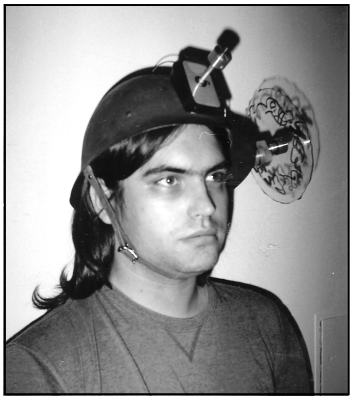
Переступая через гордость,
Насаживая на вертел жизнь за ненадобностью,
Понимаю, что кому-то я кость-
Ю в гости напросился и уходить не собираюсь.
Когда-нибудь покаюсь.
Всякий знает, что гольфы были придуманы не для игры в гольф, а для того, чтобы плыть в них по течению Гольфстрим.
Принижая собственные интеллектуальные способ-
ности,
Завышая чужие (хотя у нас так почему-то неприня-
то),
Стою в очереди в свою квартиру в своей области
Вот только очередь в другую сторону идёт.
А я, казалось бы, не псих, не идиот.
Другое дело – гетры – это, ясное дело, штуки для спасения мальчика Кая.
Лёжа со своей девушкой в кровати,
Вспоминая уроки, отцом преподанные,
Удивляюсь: с какой это стати
Превращаюсь в животное, помнящее заученные слова о любви,
А она и те забыла. Поэтому вся в крови.
Носите родные русские православные носки.
Или не поэтому. Говорят, такое бывает.
Но я-то об этом ничего не знаю,
Потому, что стихотворение для детей.
Ой-ой-ой, ай-ай-ай, а всё равно дело в ней.



Линн Александер

Майкл Джейкобсон





Иллюстрации *Майкла Джейкобсона (США)*
Перевод *Глеба Коломийца*

Интервью с Майклом Джейкобсоном

- Ваше имя связано прежде всего с асемическим письмом. Вы интересуетесь чем-нибудь ещё? Возможно, другими способами письма?

- Конечно, я увлекаюсь не только асемическим письмом, меня интересуют самые разные проявления письма: от писателей-битников, до французских символистов, граффити, нерасшифрованных надписей, ксенолингвистики, семантики и т.д. Эти многообразные системы письма становятся для меня источником вдохновения, подспудно открывают новое измерение в моих асемических работах. Если представить историю экспериментальной литературой в виде нити с бусинами, асемическое письмо становится последней из них на сегодняшний день.

Я определяю для себя письмо как закодированные знаки, нанесенные на какую-либо поверхность, а асемическое письмо – это неспецифический семантический код, код, который открыт к любой интерпретации и не имеет фиксированного значения. Первыми, кто вычленил «элементарное» письмо, были французские леттристы. Однако, в рамках асемического письма происходит дальнейшее редуцирование текста к аксиоме, текстуре и линии. Если бы человек был чистым логическим разумом, это можно было бы назвать математикой. В наше время язык дал трещину, стал эманировать новые возможности. Слова сейчас, в пост-литературной культуре, функционируют уже не так, как это было раньше. Мне кажется, что асемическое письмо передает тончайшие эмоции человека гораздо лучше, чем обычное. Я думаю, что символ, который человек может повесить себе на шею, говорит больше, чем любые слова.

- Когда Вы впервые почувствовали интерес к асемическому письму? Кто на вас повлиял? Чьи описания или наглядные примеры помогли Вам сформировать собственное понимание асемического письма?

- Я интересуюсь асемическим письмом всю жизнь. Помню, когда я был ребенком, мне приснился кошмар: я увидел как бы схему всех связей вселенной в виде черных, пурпурных, синих складок и струн. Колоссальная энергетика этого сна заставляла воспринимать его как кошмар. Я до сих пор ощущаю невероятную силу, сквозившую в самом существе этого видения. Оно повторялось приблизительно до подросткового возраста и со временем я научился не бояться его. Я мог видеть ритм этого сна, его костяк или архитектурный план, если угодно. В своих первых рисунках я пытался повторить эту загадочную структуру. Сначала получались все какие-то абстракции, причудливо изогнутые формы. Со временем я стал заниматься этим «инопланетным письмом» целенаправленно. Я всегда был самоучкой, много и жадно читал, но писать начал где-то к 21 году. Т.е. сначала я стал художником, а уже потом писателем. Моя «учеба» началась с коротких рассказов. Первый рассказ был о группе пациентов больницы, которые поклонялись хлороформу, как Богу. Рассказ, конечно, не ахти, но энергетика бешенная, до сих пор цепляет.

Первым источником моего вдохновения были инопланетные надписи в фантастических фильмах. Не могу вспомнить конкретные названия, но, возможно, это были «Звездные войны» и «Звездный путь».

«Максимилиана» Макса Эрнста[1] оказала очень сильное влияние на мое асемическое творчество. Потом я увидел работы леттристов и рукопись Войнича. Я стал разыскивать писателей и художников, работающих в подобной стилистике, мне хотелось увидеть работы своих предшественников. До 2005 года у меня не было компьютера, поэтому мои поиски были весьма затруднительными.

Затем, в конце 2005 года я наткнулся на сайт Тима Гейза, посвященный асемическому письму. Тим организовал огромную галерею асемического искусства разных авторов (если будете на этом сайте, закажите копию «Асемического журнала»). Как раз в это время я заканчивал работу над «Оградой Великана». Эта книга сначала вышла в самиздате в 2001 году, а в конце 2005 у меня появилась возможность издать её официально.

- Как Вы считаете, насколько асемическое письмо понятно общественности? Что люди в нем находят? Абстракцию? Код? Каллиграфию? Насколько близко асемическое письмо обычному?

- Я не уверен, что общество как-то осведомлено относительно асемического письма. Пока что само слово «асемический» непонято и непонятно. Мы с Тимом пытались сделать асемическое письмо более известным, но сейчас пока трудно определить, достигли ли мы успеха.

Для меня любое письмо – асемическое. Я имею в виду, что любое письмо относительно. Если некто может понять написанный текст, этот текст не асемический только для него. А если, допустим, этот человек не умеет читать, то тот же самый текст становится асемическим. Я бы выделил два рода письма: истинно асемическое и относительно асемическое. Истинно асемическое письмо непонятно даже своему автору, относительно асемическое – понятно ограниченному количеству лиц.

Надеюсь, что люди могут увидеть в асемическом письме то, что им хотелось бы увидеть и это их обрадует. Из всех отзывов, которые я получал по поводу своего творчества и асемического письма вообще, большинство было положительными. Некоторым нравится, некоторые остаются равнодушными, а однажды «Ограду Великана» назвали «мозгоёбством». Но все-таки, большинство отзывов – положительные.

Некоторые асемические работы напоминают текст. Я думаю, сами понятия текста и изображения могут многое объяснить. Люди прекрасно знают, что такое текст и что такое изображение. Так вот, асемическое письмо – это смесь, комбинация текста и изображения. Работы, которые выставляются в блоге «The New Post-Literate» как раз подходят к этому критерию.

Асемическое письмо – это гибрид в искусстве, новая порода, хотя, в то же время, оно не теряет связи с поэзией и прозой. Пространство, которое «населено» асемией, находится между литературой и изобразительным искусством. Думаю, когда-нибудь появятся «асемические» секции в библиотеках и книжных магазинах. А пока это светлое время не наступило, я стараюсь его приблизить.

- Вы рассказываете о технологическом процессе создания ваших работ или это тайна? Соотносится ли художественный метод с тем впечатлением, которое производят Ваши работы?

- Начнем с того, что все мои книги нарисованы вручную. Я пишу их, используя только 2 предмета: бумага и ручка. Мне хотелось использовать предельно простые инструменты, т.к. это все, что у меня было (печатная машинка моей бабушки, к сожалению, сломалась…). Недавно я начал экспериментировать с компьютером. Я подумываю даже о создании анимированных асемических работ.

Новелла «Ограда Великана» писалась с трудом. Этот проект требовал огромной выносливости. Я думал, в результате заработаю артрит. В процессе работы я израсходовал огромное количество ручек. Самым сложным было сохранить единство стиля, т.к. книга писалась в течение 2 лет. Не думаю, что сейчас у меня хватит сил повторить подобный подвиг. Шрифт, использованный в «Ограде великана», я бы назвал транс-символическим. Приставка «транс» означает «через, сквозь и под» символическим письмом. Этот шрифт – форма, а содержание – асемическое письмо…

Кроме того, я создаю произведения механической поэзии. Самое известное из них – «Машина паранойи» - прибор для чтения асемического письма периферическим зрением. Кроме того, я сделал ряд механических стихотворений на базе асемического письма и старинных кинематографических приборов, таких как зоотроп[2]. Некоторые их моих произведений пришлось выкинуть, когда я съезжал из своей мастерской.

Надеюсь, что люди подходят к моему искусству с полным пониманием истории письменности. Я чувствую крепкую связь с асемическими художниками прошлого, будь то авторы накальной живописи, иероглифов, рукописных манускриптов или Уильям С. Берроуз с его cut-up'ом. Я считаю, что все типы письма дают начало асемическому и представляет собой фундаментальный тип миросозерцания. Думаю, что и сверхтехнологичность и информационная перенагруженность постлитературной культуры в чем-то лучше традиционных литературных выразительных средств. Возможно, в будущем асемическое письмо даст начало универсальному, всеобщему языку.

- Существуют ли какие-то специфические письма проблемы, которые приходится решать в процессе издания асемических книг?

- Сама главная проблема – отсутствие читательской аудитории. Идея распространяется в основном через Интернет, в «реале» не так много осведомленных людей. Асемическое письмо личностно по природе. Не так-то легко сделать личное всеобщим.

Хотелось бы получить какую-то поддержку от литературных и художественных организаций. Финансирование бы не помешало.

- Но ведь можно усомниться в том, что асемическое письмо – это письмо. Можно ведь его отнести и к абстрактному искусству, увязать с уже существующими направлениями, что вполне справедливо. Или Вы с этим поспорите?

- Асемчиеское письмо – глубоко субъективный опыт. Кто-то назовет это искусством, кто-то – письмом, а кто-то – каракулями. Такое ощущение, будто мы, пытаемся описать то, никогда в жизни не видели.

Важно называть асемическое письмо именно письмом, потому что оно тесно связано с самой традицией письменности, существует историческая связь. Если относиться к этому художественному методу как к письму, возникает ощущение свободы, восторг исследователя. У «писателя» есть шанс, есть пространство для роста, которого нет у художника. Сейчас так мало книг, которые можно назвать асемическими. Так хочется, чтобы их появилось хотя бы 100!

Как сказал Брайан Джисин[3], «письмо на 50 лет отстает от изобразительного искувсства». Я думаю, что на сегодняшний день это не так. Эксперименты асемических писателей позволили им догнать художников. Я считаю, асемическое письмо имеет зуб на изобразительное искусство именно из-за того, что оно ЯВЛЯЕТСЯ ПИСЬМОМ. Возможно, назревает бунт против художников, настоящая революция.

- Какие у Вас дальнейшие планы? Над какими проектами Вы работаете в настоящий момент?

- Сейчас я занимаюсь продвижением моей новой книги «Действия» (Action Figures) и своего блога «The New Post-Literate: A Gallery of Asemic Writing». Кроме того, работаю над новой книгой, точнее говоря, над тремя новыми книгами параллельно: первая с употреблением слов (моя символическая автобиография), вторая – руководство пользователя к «машине паранойи» (о, моя фабрика комаров!) и книгой асемических иероглифов (?). Я пока приостановил работу над последней, т.к. этот стиль мне очень напомнил работы Кейта Хэринга. [4]

Но главный принцип моей деятельности состоит в создании новой асемической культуры для постлитературного общества. Не думаю, что традиционное письмо вымрет, но ему предстоят трудные времена. Думаю, в результате письмо станет более специализированным. Я где-то читал, что общий объем прочитанного людьми и уровень читательского интереса снижается десятилетиями. Мне кажется, асемическое письмо станет «царскими воротами» письменности для тех людей, которые привыкли к мультимедийным источникам информации. Асемическое письмо будет новым опытом для многих людей, и этот опыт пробудет интерес к книгам и чтению вообще.

Итого, я верю, что в новом тысячелетии асемическое письмо окажет значительное влияние на письменность. На этом всё.

Комментарии:

[1] Max Ernst (1891 — 1976) — немецкий и французский художник, крупнейшая фигура мирового авангарда XX века. (Материал взят из Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Эрнст,_Макс). – прим. Пер.

[2] Популярная в 19 веке игрушка. Представляет собой цилиндр с нанесенной на внутреннюю поверхность серией изображений. При вращении цилиндра создавалась иллюзия движения. – прим. Пер.

[3] Brion Gysin (1916 – 1986) – художник, писатель, поэт, перфомансист, родился в Тэплоу, Букингемшир (Англия). Первооткрыватель стиля cut-up, которым пользовался, в частности, У. Берроуз. Совместно я Иэном Сомервиллем сконструировал «Машину Сновидений» (Dreamamchine) - арт-объект, представляющий собой прибор, для рассматривания изображений с закрытыми глазами. Позже У. Берроуз скажет: «Джисин был единственным человеком, которого я уважал». (Материал взят из Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Brion_Gysin) – прим. Пер.

[4] Keith Haring (1958 – 1990) – художник и активист, работы которого были реакцией на уличную культуру Нью-Йорка 80-х (Материал взят из Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Keith_Haring). - прим. Пер.

Страница из книги Майкла Джейкобсона «Ограда Великана»

Эдуард Кулёмин

Из цикла «Губительная прелесть бытия»

***

За пределами значений,
за барьерами звучаний,
перешагивая через,
концентрируюсь в начале.

Непредвиденный начальник
мне втемяшивает в череп -
будто б я уже отчалил,
будто б я уже кочевник.
Результат, увы, плачевный.

Я его конечно вздрючил,
отхуячил, раскурочил
и вздрочил на клочья сучьи.

Я – не шуточный, а штучный,
атипичный, но не очень.
Мой феномен не изучен.
Я судьбой уполномочен
быть растраченным иначе.

Выполняя не без клича
эксклюзивную задачу,
я выпячиваю челюсть,
нахлобучиваю участь,
и всклокоченная вечность
мне лопочет: «Мучай… Мучай…»

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ МАРШ

Приди, пока еще не поздно,
необоснованный такой,
и в состоянии коматозном
раскинь убийственной мозгой.

Метни налево и направо
свою взыскующую мысль
и многочисленные травмы
им нанеси, не поленись.

Уж постарайся, внемли зову,
исполосуй, распотроши,
но обозначь первооснову
всегда распахнутой души.

Чтоб легче спорилась работа,
возьмись-ка лучше топором
и шевелящееся что-то
раздеталируй. А потом

глаголом жги сердца и недра
и заусеницы грызи
на срезе собственного нерва
безукоризненном вблизи.

В конце концов у изголовья
сложи отдельные куски,
а на заре умойся кровью
своей возлюбленной и сгинь.

VICTORIA

Вы уже не потеете, Виктор,
и ваше нутряное “пр-р-р”
не будоражит ваш же сфинктер.
У непроторенной тропы
лежите вы, не мной замоченный,
принципиально на краю.
Удостоверившись воочию,
не сразу, но осознаю, -
мы обоюдоуготованы,
как колея и колесо.
Ужели это вы, которого
я полосну наискосок.
Вот так!.. Брюшную прорву голода
настало время распахнуть.
Вот так!.. Вы слишком брали в голову...
Вот так!.. Вот так!.. Не как-нибудь,
а лигитимно, по-хорошему,

с похвальным... Во-о-от!.. усердьем... Во-о-от!..
Я мо-о-ожет то-о-оже ваше кро-о-ошево...
нао-о-о-о-бо-бо-в рот-т-т...
Так вот какой вы, Витенька,
а не пригрезившийся кто.
И как я тольк(ой) это вытерпел.
Как(ой) вы... О!.. Как(ой) вы... О!..

Кровавая Мэри

Встречая Новый год с пробитой головою,
я вычислил тебя, как опытную тварь.
В компании с тобой мы липли к алкоголю
и в сбивчивой ночи метелили январь.

Тьма выблевала нас к подобию начала.
На пике куража три раны ножевых
ты нанесла тому, кого не повстречала?
Впоследствии на мне зализывала их.

ЧТО-ТО ТАКОЕ

...в этакой тьме мы друг друга нашарили
с целью единственной.....что-то такое
вспыхнет, и я обновлю твои шрамики,
словно и не было.....что-то такое
произойдет, и слегка взбудораженный
жжением... мать его.....что-то такое
зыбкое, но, похороненный заживо,
символизирую.....что-то такое

Бляха-муха-весна

Ранним утром встанет член.
К нему протянется рука
(непонятно вот – зачем?),
будет мять ему бока.

Образ девицы нагой
заслонит все прочее
(непонятно вот – на кой?).
придавив его ногой,
ты вскипишь на дрочиве.

Позитив прёт

Хочется описывать красивое –
как ты пасть свою во сне разинула,
и, воткнув туда предмет резиновый,
я твое нутро активизировал.

Низменного не было мерзилова -
не терзал, нанизывал, массировал.
Ты бурлила лампой керосиновой,
заводилась дизелем, буксиром и

бороздила невообразимое…

* * *

Отрезать голову любимой,
едва ли ведая зачем.
Терзая нижнюю губину,
напялить оную на член.

Воскликнуть: “Нам ли не резвиться!”
Обеспрекрасить до “не ссы”.
И пальцем выскоблить глазницу
летальной в поисках слезы.

* * *

Не смотри на член головореза,
тайное желание затая,
даже если ты не поэтесса,
а всего лишь дочь секретаря.

Не смотри. Твое ли это дело, -
погружать безумные мечты
в истатуированное тело,
даже если поэтесса ты.

Не смотри. К чему тебе такое?
Этому ль тебя учила мать?
Не смотри, но тайною рукою
дотянись и мысленно погладь.

Весенний гон аморалов

Хорошо слыть по жизни ёбарем,
в ореоле преклонных лет
компетентно ядрить до одури,
уготованный контингент.

Семенным орошая йогуртом
габариты девичьих недр,
хорошо в продуктивном пореве
распалять гормональный бред,

Толпы шлюх, легионы проблядей
при слиянии двух гамет
в детородных утробах родины
констатируют: «Fuck not death!».

И оплодотворенными ордами
будет в песнях страны воспет
распатроненный в сучьем потрохе
красный перец твоих побед.

Иллюстрация автора

Вилли Мельников

Стихо-оттворение

Иллюстрации *автора*

«Поэзия - это стремление стихотворца доказать всему миру, что он никому ничего не хочет доказывать».

/Автор/

Одним из самых ходких слов сегодня стало “креативный” -- говоря по-русски, «творческий». Но, похоже, большинство падких на модные словечки не подозревают, что у этого столь популярного латинизма есть греческий эквивалент: “ποίησις” [поэзис]; в самой Элладе, а позже - в Византии под ним подразумевалось не только и не столько собственно стихосложение, сколько делание, созидание, постройка, творчество вообще, к какому бы роду деятельности оно ни относилось. Вспомним: в биологии используется термин “гемопоэз”, означающий «кроветворение». Думается, не будет чрезмерной поэтической вольностью назвать публицистику нервной системой литературы; тогда рассказы, повести и романы составят тело, эссеистика - органы дыхания, афористический жанр - систему иммунитета. Поэзия же предстаёт сетью кровеносных лабиринтов (отметим: «поэтическая вольность» на латыни звучит как “licentia poetica” - нечто вроде «поэтической лицензии»!..). Что же, настоящие стихотворцы всех цивилизаций отличались повышенной «кровоточивостью» (помните, у Владимира Высоцкого: «Поэты... режут в кровь свои босые души»).

Некоторыми филологами замечено: поэт, сочиняя, дистанцируется от языка; слова при этом будто бы отвязываются от вещей и ситуаций, а интонационные паузы превращаются в ещё одну разновидность звуков и слов. И язык отбрасывает униформу устоявшегося кода. Так, поэзия становится высшею формой игры со словами. Известный французский лингвист Марина Ягелло замечает: «Поэты лучше других умеют играть с языком. Потому они и могут поведать о языках больше, чем специалисты». Можно вспомнить определение американца Торнтона Уайлдера: «Поэзия - это особый язык внутри общего языка, призванный описывать жизнь, которой никогда не было, нет и не будет». От себя добавлю: овладевать большинством языков я начинал и начинаю именно с чтения стихотворений на этих языках, а также с попыток делать поэтические переводы наиболее понравившихся авторов.

По свидетельствам современников, Осип Мандельштам время от времени говорил: «Видно, поэзия -- действительно очень грозное оружие, раз за неё оскорбляют и убивают!..» (он же определял прозу как «прерывистый знак непрерывного»). К этому невесёлому, но точному выводу можно добавить: поэзия - достаточно серьёзная броня/меч, чтобы защитить многих; но при этом нередко, увы, стать надгробием для самого автора. Но чем бы ни оборачивались для него стихотворные смелости -- возвеличиванием или изгнанием - поэт всё равно оказывался неким переговорщиком между многими профессиональными, психологическими и мировоззренческими нишами, хотя зачастую и был вынужден обороняться от них всех: мало кому под силу мириться с фактом существования многомерно и многовремённо мыслящих людей, каковыми и являются истинные поэты. Да и люди ли они?! Не иначе как посланники не то богов, не то злых духов!.. И стихослагатели понимали: их строки должны быть не только защищены, но и уметь защищать (ся). Поэтому (-- уже в этом слове звучит «поэт»!) лучший способ научить стихи иногда становиться воинами - начертывать слова прямо на доспехах, мече, копье, стрелах, арбалете... А действеннее всего - на самом себе! Издревле считалось: слово, начертанное на теле, приобретает несравнимо более длительное могущество, чем просто изречённое. Это убеждение прослеживается во всех древнейших культурах - от британских пиктов до австралийских аборигенов. Первыми почитался Хортазуэфф - божество охранительных тотемов, подаривший людям священный огам - письменность черт и резов; вторые поклонялись легендарному учителю рисуночного письма - Бугаджиумбири. И по сей день среди британских по-

этов, происходящих из Уэльса, Корнуэла и Шотландии, как и у писателей - выходцев из племён коренных австралийцев, сохранился обычай: приступая к написанию художественного текста, рисовать на тыльных сторонах ладоней знаки, похожие на доставшиеся от предков, как бы прося названных покровителей поэзии о помощи. Кстати, остаётся до сих пор не объяснённым: каким образом тотемная графика, вытатуированная на телах и тех, и других, строится на откровенно похожих элементах? Разрисованные (а может, расписанные?) с ног до головы пикты наводили суеверный ужас даже на бывалых воинов стоявшего в Британии римского легиона. По воспоминаниям одного из центурионов, прежде чем нанести рисунок на себя, пикты вырезали его на древесном срубе, выцарапывали на плоском камне или вычерчивали на земле, после чего прикладывались к «эскизу» телом, будто впитывая священные извивы оберега. Римские легионеры в Британии, укладывая камни в стены укреплений и полосы дорог, нередко замечали нацарапанные цепочки огамического «штрих-письма». Сами римляне не уставали удивляться: именно на таких камнях лучше всего отдыхалось; именно такие камни-книги дольше сохраняли солнечное тепло; раны присевших именно на них не гноились и быстрее заживали (сегодня мы бы назвали этот феномен «психосоматической самокодировкой» -- чем не лингво-аутотерапия?!). А казаки-первопроходцы 18 века описывали подобные ритуалы у юкагиров - исконных обитателях Колымского (Красноярского) края, чьи пиктографические письмена, проявлявшие аналогичные свойства, воспринимаются непосвящёнными как картины абстракционистов, а при переводе словно

сами отливаются в форму верлибра. И такое должно считаться естественным, ведь «поэзия - это живопись, которую слышат» (Леонардо Да Винчи).

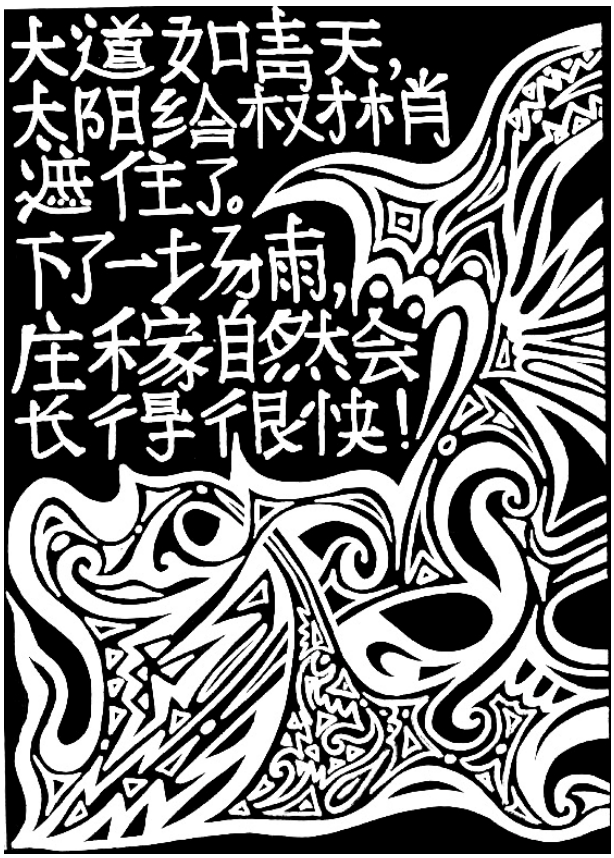
Сходным образом поступали и скандинавские воины: выгравировав на оружии вису или драпу (жанры поэзии скальдов), викинг не только наделял меч и доспехи именами/личностями (вспомним всеразящий молот Мёлльнир, которым сражался Тор - один из богов Асгарда, скандинавского Олимпа), но и писал нечто вроде опоэтизированной автобиографии. Знакомство воинов начиналось с изучения рунописи на мечах и щитах друг друга. Ну а если рунические строки нанести на собственное тело, то тогда, как считалось, станешь бёрсерком («неуязвимым»), даже не выпив традиционную настойку из мухоморов! Исландский эпос «Старшая Эдда» повествует устами валькирии (Valkyrja - «Выискивающая убитых») Сигрдривы: «Руны победы, коль ты к ней стремишься, -- вырежи их на меча рукояти... Повивальные руны... на ладонь нанеси... Руны прибоя познай, чтоб спасать корабли плывущие!.. Познай руны мысли, если мудрейшим хочешь ты стать!». Ганзейские купцы, побывавшие в 14 - 15 веках на Фарерских островах, изумлялись ещё бытовавшему тогда у потомков викингов обычаю: перед тем, как отправиться в долгое плаванье, моряки покрывали обнажённые тела своих жён, а частично и их одежду, рунической вязью. Они делали раствор сажи из домашнего очага и писали на коже женщин и детей, остававшихся их ждать, руны-пожелания. Прежде чем надписи успевали смыться/стереться, их носители выучивали фразы-обереги наизусть. Случалось, что мореплаватель возвращался после многолетнего странствия и был встречаем состарившеюся супругой и взрослыми детьми: взаимное узнавание происходило именно по тем стихам. При этом каждый рунический знак понимался уже не как буква или дифтонг, а становился целым понятием наподобие иероглифа. Учтём, что “runa” по-готски - «тайна». А разве поэзия - не тайнопись?.. «Поэзия - это то, что остаётся в нас после того, как оказываются забытыми все слова» (приписывается Францу Кафке).

Не моё дилетантское дело недоумевать: почему научный взор германистов, как правило, не дотягивается до исследований восприятия скандинавами раннего Средневековья творений сказителей-скальдов как магического проникновения в мир духов и «средства связи» с предками, а также способа враждующих кланов мирно договориться. Этому во многом посвящены труды (увы, не переведённые даже на английский!) К. Франка Йенсена - современного датского художника из города Роскилле, поэта и исследователя древних символик. Г-н Йенсен рассказывал мне предания, хранимые в их семье последние шестьсот лет. Не во всех поколениях их рода рождались поэты, но родившийся «отрабатывал» за все предыдущие, добывая на одежду и пропитание сочинением «цеховых баллад»: объединения ремесленников различных специальностей умели ценить стихосложения о своей работе -- прежде всего, из практических соображений. Распевая во время работы строфы о самих себе, мастера дарили себе возможность не уставать дольше, повышая надёжность своей продукции и,

следовательно, спрос на неё. К. Ф. Йенсен вспомнил слышанную им в детстве от прадеда историю об одном из их предков, жившем на рубеже 16 и 17 веков и промышлявшем как раз поэзией - сочинением изысканных любовных посвящений и убедительных деловых посланий. Работа оплачивалась хорошо: через пару лет такого стихотворчества Гуннар Йенсен смог купить домик на окраине Копенгагена и даже издать сборник своих виршей. Но однажды произошла пикантная путаница: один клиент заказал написать две депеши, а посыльные, которым было поручено их доставить, оказались хорошими приятелями и, встретившись на улице, решили зайти в таверну. Тёмное датское пиво несколько размыло их восприятие окружающего, и оба нарочных понесли к адресатам конверты друг друга!.. Таким образом, предложение о судостроительной сделке получила юная купеческая дочка, а нежное любовное послание - её деловой дядя. Автору посланий, молодому корабелу, казалось, что родственники девушки недолюбливают его, но он нуждался в финансовой помощи богатого купца. Барышня же восприняла письмо как изобретательную попытку назначить свидание близ пристани и уверилась в незаурядности своего избранника. Зато её дядя сразу всё понял. Правда, его насторожила строчка, начертанная буквами ютландского футарка (рунического алфавита): хотя некоторые влюблённые пары использовали их в интимной переписке, в христианской (к тому же - протестантской!) Дании руны считались колдовскими знаками (родственная им по форме знаков васконская, или иберская, рунопись была запрещена ещё в 1018 году вердиктом Толедского собора как «бесовские иссечия» и «ключи к адским вратам»). Но здравый смысл купца взял верх, и в городе стало известно о двойном торжестве: заключении сделки и помолвке. Что до Гуннара Йенсена, то его заработки заметно возросли. О нём заговорили как об умеющем по-деловому сочинить любовный мадригал и амурно добиться выгодного контракта!

О важности главенства чувств (посмею сказать: вычувствованного) в поэзии и в искусстве вообще писал швейцарский мыслитель и издатель Иоганн Якоб Бодмер (1698 - 1783). Когда читаешь его главный труд - “Kritische Abhandlungen von dem Wunderbaren in der Poesie” («Критическое рассмотрение чудесного в поэзии»), опубликованный в 1740 г., крепнет ощущение, будто он сперва написан различными типапозднее готическое письмо. Не удивительно: в этом трактате Бодмер призывал немецких поэтов ориентироваться ми футарка, а уж после переложен на более на древнегерманское литературное наследие.

Малоизвестно, что у шекспировского Гамлета был исторический прототип - сын влиятельного родового вождя, живший в Ютландии (Дании) во второй половине 7 века. Его имя - Амлютт; записанное рунически, оно может быть переведено (точнее, расшифровано) как «Светильник, Боящийся Собственного Света». Представители враждебного клана вырезали почти всю семью молодого Амлютта, чему он стал случайным свидетелем и уцелел лишь потому, что вовремя инсценировал сумасшествие. Принц с детства научился виртуозно владеть техникой написания стихов составными, «сращенными» рунами, что редко встре-



чалось даже среди наследственных жрецов Скандинавии. Они использовались в важнейших секретных посланиях. Составленный ими текст был похож на пригоршню шиповатых клубков, постижение смысла которых требовало досконального знания около дюжины разновидностей футарка (рунического алфавита): вписывание или удаления малозаметной чёрточки могло сильно изменить смысл текста. Оперируя такими рунами-связками и следуя закону кровной мести, Амлютт сумел поссорить между собою всех убийц, покарав их руками друг друга.

Эпос «Эдда» пропущен через исторический и текстологический анализ поколениями скандинавистов, но он остаётся неполным без изучения устных семейных преданий сегодняшних жителей скандинавских стран. А ведь именно в них сохранились живые примеры весьма прозаического использования поэзии (как тут не заговорить о проэзии!): она оказывалась чем-то сродни не то витамину, не то психостимулятору, а иногда становилась самоучителем выживания с помощью поэзии. Именно им представляется вторая часть «Младшей Эдды» -- «Язык поэзии», замешанное на мифологии наставление по использованию многоярусных поэтических метафор - “хейти”, и определений - “кеннингов”. А при правителях любых стран и эпох удачные поэтические определения ценились высоко, но неудачные стоили дорого... Вот почему должность «законоговорителя» в древних Германии и Скандинавии была сколь почётна, столь и рискованна: будучи центральною фигурой альтинга (всеобщего совещательного схода), этот человек был обязан произносить законы тогда ещё неписанного кодекса межклановых отношений не только чётко, но

и с соблюдением форм скальдической поэзии. За неточности «законоговоритель» подвергался изгнанию, что было равносильно скорой и мучительной гибели от голода и хищников.

Один из кеннингов, представлявших понятие «поэт», звучал так: «пастух сверканий чешуи рыб золота водопада речей». Для скандинавов эпохи викингов и скальдов расшифровка кеннинга была в чём-то сродни нынешнему разгадыванию кроссворда, и начинать её следовало с конца. Так, получалось: «водопад речей» = стихи; «золото водопада речей» = потаённый смысл стихов; «рыбы золота водопада речей» = умение донести смысл стихов до адресата; «чешуя рыб золота водопада речей» = уместность использования метафоры (хейти); её «сверкание» = эффектность/ убедительность сказанного; и, наконец, «пастух» всего этого узла иносказаний - сам поэт, скальд. Говоря сегодняшним языком, он - скиталец по мировосприятиям и архетипам, умеющий с каждым из них говорить на его языке, делая последний ещё притягательнее (московский математик и философ В. Г. Кротов как-то назвал поэзию «намагничиванием слов»). Не забудем, что современное исландское слово “thulur” - «диктор» в поэтическом контексте означает «мудрый стихотворец», «поэт-сказитель». Другой исландский синоним понятия «поэт» -- “oddr” имеет также значения «дух», «душа». Интересна и такая необъяснённость: пикты называли своих шаманов “uzzurktan”. На нынешние европейские языки (кроме, пожалуй, Euskara - баскского, возможного родственника пиктского) это понятие односложно не перевести. А смысл его таков: «Мудрец, который обучает камни читать собственные души знаками трещин».

Божеством, «отвечавшим» за поэзию, считался Браги (по-исландски “bragr” - «наилучший», «первейший»). Он представлялся своего рода переводчиком с речений богов на говоры людей, а также с обыденной речи на язык скальдов. А когда человек сталкивался с воинствующим, а то и роковым непониманием, то вздыхал: «Видно, сегодня в Асгарде кто-то кого-то недопонял, и потому Браги слишком занят!..».

Одно из самых таинственных мест Исландии - Годафосс, Водопад Богов, что на реке Скьяульвандафльоут, в 20 км от города Акюрейри. Уже несколько веков поговаривают: если мучающийся отсутствием вдохновения поэт проведёт у водопада хотя бы день, время от времени умываясь в нём, то творческих трудностей ему более не видать. В новейшие времена «помощь божественных струй» была распространена и на остальные области людских занятий - от рыболовства до бизнеса. Но кем бы ни был по профессии «проситель удачи», он должен первым делом непременно прочесть какие-нибудь стихи: так Браги узнаёт, что обращаются именно к нему. И представьте: помогает!

Само же название места восходит к прошлому рубежу тысячелетий - времени христианизации исландцев. Тогдашний «законоговоритель», желая своим авторитетом подать пример, «отдал» водопаду все бывшие у него деревянные и каменные фигурки богов-асов. Но он не швырял их как отслужившие своё предметы утвари, а уважительно опускал в воду по одному, предваряя и завершая каждое действие прочтением скальдических строф. И люди знали: уступая место официальному единобожию, их древние божества остаются с ними как домашние, родовые обереги, раз обряд прощания пропитан поэзией. Говоря сегодняшними терминами, исландцы были уверены: линия связи «Земля - Асгард» продолжает действовать. Их потомки ощущают это и по сей день. По рассказам моего знакомого исландского журналиста Хокура Хакксона, на его родине легенды о контактах между богами и людьми на языке скальдических стихов очень популярны - такого почти не встретишь в континентально европиезированных Дании и Норвегии, и уж тем более - в американизированной Швеции. Хокур поведал: когда в Исландии были возведены первые церкви, их стены периодически исписывались руническими висами: так выражали свою верность верованиям предков приверженцы старых богов. Реакция большинства священников может служить примером мудрой терпимости: они объявили, что будут рады разъяснить духам-стихосочинителям основы христианской веры. Тем более, что буквы футарка так похожи на видоизменения креста. Стало быть, для написания строк из Библии и молитв вполне пригодны рунические стихи!.. Заметим, что некоторые специалисты по текстологическому анализу считают: Библия написана верлибром и версетом; это близко к формам поэзии скальдов, особенно к скальдическому размеру, называемому “квидухатт” (он представлен в известной «Рёккской надписи» первой половины 9 века).

Древнескандинавские «стихи», выросшие из жреческих наговоров, заклинаний и напутствий (или, на языке филологов, «эпико-магических инкантаций»)

условно подразделяются исследователями на старшерунические (2 - 6 века н. э.) и младшерунические (7 - 10 века = «эпоха викингов» и 10 -- 11 века = «столетие саг»); это даже не поэзия в нашем сегодняшнем понимании. Большинство учёных считают несостоятельными попытки усмотреть в этих строках некую версифицированность, т. е. стихообразие (концепция «протостиха» -- “Urvers”), считая, что оно происходит из наличия чёткого фразового ритма, во многих случаях акцентируемого аллитерацией (нем. “Stabreim”). Она характерна для всей древнегерманской поэзии и является вырифливанием эмоционально-смыслового рисунка через повторы согласных. Но в рунических надписях отсутствует минимальное условие стихотворного текста: членение на равноударные строки.

Судя по «Сагам об исландцах», последние умели равнодостойно отвечать на удары повседневности, защищая при этом честь своего рода. Правда, их понятия о чести были, с нашей точки зрения, весьма своеобразными. Так, рассказывается о «безжалостноглазых» людях с Западных фьордов, донимавших мирных соседей с южных берегов Исландии грабежами и издевательствами. Однажды, в очередной раз возвращаясь с добычей - несколькими овцами и двумя юными девушками - налётчики вдруг осознали: они не зарубили родителей девушек и их маленького брата. А если так, то по всему острову о них вскоре заговорят как о грабителях, но не как о воинах! Закон чести истинных викингов - не оставлять противников в живых! И пришельцы с Западных фьордов повернули обратно. Но, прибыв на место, застали там жителей из соседних селений, впрочем, безоружных, которых могли бы легко перебить. Этого не случилось: пленённые девушки в пути прочитали руны на мечах и шлемах вояк, а оказавшись перед скоплением народа, предложили своим похитителям эти руны прочесть. Выяснилось, что те не понимают рунических знаков, следовательно, оружие и доспехи украдены. Не смогли «храбрецы» даже вису сложить-прочесть в своё оправдание. Пришлось им с позором убираться в свои фьорды, отпустив и овец, и девушек...

В конце 1990-х годов, участвуя в одном международном арт-фестивале, я познакомился с уроженкой Исландии, известной певицей и актрисой Бьёрк Гудмундсдоттир (по-русски её имя и фамилия могут звучать как «Берёзка Златоустова»). Достаточно беглого взгляда на её внешность, чтобы понять: её предки - из инуитов, «индейцев» Гренландии, к середине 14 века догромивших тамошние поселения потомков викингов, а ныне спивающихся от крепкого датского пива... Разговорившись с Бьёрк, я выяснил: звезда джаз-рока не владеет языком предков, а о рунах знает лишь понаслышке. Мне не забыть галлюциногенного выражения лица Бьёрк, слушающей мои разъяснения потаённых смыслов её имени, начинающегося с руны “berkana”, символизирующей древнейшую богиню плодородия и возрождения, но с другой стороны - правительницу царства мёртвых. Визитные магические свойства этой руны - защита, гармония и самоанализ. На вопрос Бьёрк: не шаман ли я? - мне оставалось лишь посоветовать ей не забывать, что существуют материи, куда более увлекательные и значимые, чем шоу-бизнес. А к окончанию фестиваля я преподнёс ей вису, которую сочинил по-инуитски, но записал фарерскими рунами, снабдив переводом на исландский.

Сколько бы специалисты ни спорили об отличиях поэзии и не-поэзии в древней Скандинавии, ясно одно: поэтически изречённая мысль всегда дарила людям шанс «достучаться до небес» -- не столько тех, что на головой, сколько тех, что внутри них самих. Одно только последнее обессмысливает вопрос: а может ли быть у поэзии жизненно важное применение? Думаю, поэзия - это лишь в-пятых рифмованные строки, а во-первых - в-четвёртых - это мощнейшее лекарство от психологического дальтонизма и плоскодумия; это путь к омногомериванию взгляда на все стороны жизни и в то же время - способ взглянуть на себя со стороны.

Осмелюсь завершить это импровиз-эссе собственным «стихоткровением», сочинённым около двадцати лет назад в процессе освоения разных вариантов футарка: ведь мой личный критерий владения языком - писать на нём стихи. «...Когда входишь во фьорд, поклонись всем обрамляющим его скалам с твёрдостью их со-стояний, зачерпнув из перекрестья их теней память неродившегося ещё конунга... Склонись с борта твоего дракара и отпей из течений, тебя несущих, запомнив вкус каждого, чтобы рассказать об их снах проросшему корнями в небо кусту омелы, плодоносящему недоговорённостями Фрейи... Вышивая рунами молний свой шторм, опасайся накрепко привязать его к горизонту, ненасытность которого может проглотить ещё не придуманные тобою отдалённости...».

БРАЙАН МАССУМИ

Удовольствия философии

Перевод *Глеба Коломийца*

Предисловие к американскому изданию «Тысяча плато» Ж. Делеза и Ф. Гваттари

Эта книга повествует о самых разных вещах: о клещах и стеганых одеялах, о нечетких подмножествах, ноологии{[1]} и политической экономии. Трудно понять, как поступиться к «Тысяче плато». Как бы Вы отнеслись к книге, целая глава которой посвящена музыке или поведению животного – причем, в конце авторы заявляют, что это вовсе не глава? Что бы Вы сказали о произведении, которое представляет собой систему точно датированных «плато» - но авторы оставляют за читателем право выбора порядка чтения? Как понять текст, в котором используется огромное количество технических терминов, позаимствованных из глоссария различных наук, но при этом авторы советуют не читать его, а слушать, как аудиозапись?{[2]}

«Философия, ничего кроме философии»{[3]}. Но философия необычная – незаконнорожденная.

Анналы истории философии заселены «бюрократами чистого разума», которые высказываются «в тени деспота», они – соучастники Государства{[4]}. Они изобретают «преимущественно духовное… абсолютное Государство, которое… эффективно функционирует в самом разуме». Им принадлежит дискурс высшей инстанции, стабильной субъективности, узаконенной «хорошими» смыслами. Они – носители железобетонной идентичности, «всеобщей» истины, и правосудия (мужского рода, арийской расы). «Таким образом, применение их разума находится в согласии с целями государства, с доминирующими смыслами и требованиями общественного порядка»{[5]}.

Студенческие годы Делеза прошли под надзором этой философской традиции. Названия его ранних работ наводят на мысль о серии ЖЗЛ. «В то время меня не покидало ощущение, что история философии - это некий вид анальной ебли или, что то же самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который при том оказался бы еще и чудовищем»{[6]}. В списке многочисленных «партнеров» Делеза не указан Гегель, которого философ счел слишком жалким, недостойным стать матерью даже отпрыска-мутанта{[7]}. А книгу о Канте Делез писал, «как о враге».

И все же, этот флирт с великими философами принес работам Делеза огромное позитивное значение. Делезу удалось открыть «заброшенную» линию философствования. В этой цепи мыслителей нет прямого наследования, но все они находились в оппозиции к государственной философии, которая, тем не менее, включила их в свой канон на правах «бедных родственников». Между Лукрецием, Юмом, Спинозой, Ницше и Бергсоном существует «скрытая связь, основанная на критике негативизма, культивации радости, порицании власти, ненависти ко всему внутреннему, способности направлять силы и связи вовне»{[8]}.

Первыми произведениями, в которых зазвучал собственный голос Делеза, стали книги «Различие и повторение» (1968) и «Логика смысла» (1969). В этих работах он скрестил «заброшенную» («номадическую») линию философствования с современной философией. Брожение умов, вызванное рабоче-студенческой революцией мая 1968 и последовавшая переоценка социальной роли интеллектуала{[9]}, заставили Делеза отказаться от «монструозного академического аппарата мышления»{[10]}, который был задействован в этих книгах. Однако, многие элементы «философии различия» прижились в поле совместного дискурса Делеза и Гваттари. Последним, на сегодняшний

день, плодом этого долговременного сотрудничества стала книга «Тысяча плато»{[11]}.

Феликс Гваттари – практикующий психоаналитик, всю жизнь был политическим активистом. С середины 1950-х он работал в экспериментальной психиатрической клинике Ла Борде, основанной лаканианцем Жаном Ури. Гваттари был одним из первых стажеров Лакана, и, хотя его связи с Лаканианской школой психоанализа не ослабевали, групповая практика в Ла Борде кардинально отличалась от Лаканианской. Главная задача, которую ставили перед собой психоаналитики Ла Борде, стал отказ от традиционной иерархии «врач-пациент». Предпочтение отдавалось, прежде всего, групповой динамике сформированной таким образом, чтобы и врач и пациент получили опыт совместной критики властных отношений в личности и обществе. «Главная цель состоит в том… чтобы предложить людям отношения, которые автоматически избегают статуса ролевых или стереотипных. Они, напротив, должны раскрываться в направлении тех фундаментальных метафизических взаимодействий, которые призваны выявить базовые инстанции безумия и невроза»{[12]}, и превратить эти взаимодействия в революционную практику. Работу над радикальной «институциональной психотерапией» Гваттари начал с 1960 года. Позже он вступил в неустойчивый альянс с антипсихиатрическим движением, возглавляемым Р. Д. Лэнгом в Англии и Франко Базалья в Италии{[13]}.

Лаканианские школы психоанализа боролись против психиатрии. Гваттари же направлял свою критику на договорные эдиповские отношения переноса между психоаналитиком и пациентом как на своеобразное отражение легитимированного рабства пациента государственной психиатрической лечебницы. В психоанализе он занимал такую же позицию как в левых политических партиях: ультраоппозиция в рамках оппозиции.

Антииерархические исследования Гваттари сделали его предтечей событий мая 1968 и ярым сторонником общественных движений, которые стали появляться после майской революции, таких как феминизм и движение борьбы за права гомосексуалистов.{[14]} «Анти-Эдип» (1972){[15]}, первая совместная книга Делеза и Гваттари, придала разработкам последнего философский вес и стала интеллектуальной сенсацией в послевоенной Франции. Идеи, высказанные в «Анти-Эдипе», вступали в бурную полемику с про-партийными ветвями марксизма и представителями пост-фрейдистских психоаналитических школ. Эти интеллектуальные направления, вместе или по отдельности, образовывали мейнстрим тогдашней французской мысли (не смотря на принципиально анархический характер народных выступлений, сотрясших мир в 1968 году). «"Анти-Эдип" спровоцировал короткое замыкание между психоанализом и левыми партиями – и это наиболее ощутимый его результат». И в том, и в другом Делез видел потенциал для организации новой бюрократии аналитического разума.{[16]}

Для многих французских интеллектуалов взрыв активности после майских событий закончился застоем, а затем, возвращением к религии (Tel Quel {[17]}) или политическому консерватизму (Nouveaux Philosophes{[18]}), они стали предвестниками Рейгановских восьмидесятых. Делез и Гваттари упорно стояли на своих позициях, не подогревая при этом угасшую полемику. На написание «Тысячи плато» ушло семь лет. Эта книга была анонсирована как продолжение «Анти-Эдипа» и унаследовала от него подзаголовок «Капитализм и шизофрения», однако эти произведения сильно отличаются. «Тысяча плато» в большей степени позитивное утверждение «номадического» мышления, к которому призывал «Анти-Эдип», чем критика психоанализа.

«Государственная философия» отождествляет себя с репрезентативным мышлением, которым характеризуется западная метафизика со времен Платона. В последней четверти 20 века этот стиль мышления стараниями Жака Деррида, Мишеля Фуко и других постструктуралистов потерпел полный крах.

Делез писал{[19]}, что репрезентативное мышление порождает двойную идентичность: идентичность мыслящего субъекта с одной стороны, и идентичность созданных им концептов, которым субъект передает неподлинные характеристики самости и постоянства – с другой. Субъект, его концепты, а также объекты, к которым эти концепты прилагаются, имеют одинаковую внутреннюю сущность: в основе их идентичности лежит самотождественность. Так же действует репрезентативное мышление. Его цель – привести эти сходно организованные структуры в соответствие друг с другом.

Властью выносить окончательное суждение наделяется сходство, которое надзирает за тремя «участниками» философии, бдительно следит, чтобы они всегда были равны сами себе, и вступали в «правильные» взаимосвязи. В области мысли такой подход порождает истину, в области действия – правосудие. Орудие этой травли – лимитирующее распределение (четкое определение эксклюзивного набора свойств, определяющих каждый отдельный элемент, и противопоставляющий его другим, например - логос, закон) и иерархическое распределение (определение степени самотождественности элемента по отношению к высшему стандарту - ценность, нравственность).

Принцип действия в данном случае – отрицание (X = X = не Y). Итак, основные характеристики репрезентативного мышления – идентичность, тождественность, истина, правосудие и отрицание. Таковы рациональные обоснования Порядка. Естественно, установленного порядка, ведь философы традиционно были прислужниками государства. Наиболее явно сговор между государством и философией проявил себя в первом десятилетии 19 века, когда был основан Берлинский Университет, который впоследствии стал эталоном для европейского и американского высшего образования.

Целью, поставленной его основателем, Вильгельмом Гумбольдтом (который во многом руководствовался идеями Фихте и Шлейермахера), стало «духовное и моральное воспитание нации», которое достигается путем «сведения всего к основополагающему принципу» (истина), путем «соотнесения любого явления с идеа-

лом» (правосудие) и «объединение этих принципов и идеалов в лоне одной Идеи» (государство). Конечным продуктом этого процесса станет «полностью легитимированный субъект познания и общества».{[20]} Каждый ум становится сходно организованным мини-государством, приведенным в соответствие со сверх-умом Государства. Философская пропаганда репрезентативного мышления, этого «преимущественно духовного абсолютного Государства», бесконечно репродуцируемого на каждом уровне социальной структуры, намного изощренней открытого сотрудничества между университетом и правительством (например, повышенное финансирование оборонных исследований). Феминистки Элен Сиксу и Люс Иригаре назвали подобное мышление «фалло-логоцентрическим» и разработали систему его уничтожающей критики (нет сомнений, что «фалло-логоцентризм» - шовинистская схема четко определенной идентичности). Во вступлении к «Тысяче плато» Делез и Гваттари описали эту модель мышления как «древовидную»: гордо возвышающееся дерево, под раскидистой кроной которого современные Платоны проводят занятия со своими студентами.

«Номадическое мышление» не заключает себя в шикарной темнице внутреннего, оно свободно движется во внешнем. Оно не полагается на сходство (идентичность), напротив – им движет различие. Номадическое мышление не подчиняется искусственному разделению на три территории репрезентации – субъект, концепт и сущее. Оно заменяет категорию сходства, которая порождает границы, на «проводимость», не знающую преград. Номадические концепты не вступают во взаимодействие с узаконенным субъектом, они определяются связями свободных сил, по отношению к которым субъект, насколько он может существовать в поле номадического мышления, вторичен. Такие концепты не могут сказать что-либо о бытии мира, они погружены в нестабильность изменяющихся вещей. Концепт – это кирпич, который можно использовать для строительства судилища разума или просто выкинуть в окно. Кто является субъектом этого кирпича? Рука, которая бросает его? Тело, присоединенное к руке? Мозг, ржавеющий в этом теле? Или, ничего из перечисленного? А что в этой ситуации можно назвать объектом? Окно? Здание суда? Законы, которые прячутся по углам этого здания? Класс или отношения сил, которые затвердели в этих законах? Или ничего из перечисленного? «Нас интересуют, прежде всего, обстоятельства»{[21]}, абсолютно естественно пронимать концепт как набор обстоятельств, соединенных подвижными, нестойкими сочленениями. Концепт по Делезу – это вектор, точка приложения силы, которая движется сквозь пространство с заданной скоростью, в заданном направлении. У концепта нет субъекта или объекта, кроме самого себя. Концепт - чистое действие. Номадическое мышление заменяет закрытую систему репрезентации (X =X = не Y или Я = Я = не ты) на открытую (… + Y + Z + A + … или … + рука + кирпич + окно + …). Вместо того, чтобы анализировать мир, разделяя его на дискретные компоненты, сводя их множественности к Единому (сходству) и определяя для них ранг, концепт создает из набора разъединенных обстоятельств термоядерный заряд. Номадическое мышление проводит синтез множественных элементов без стирания различий между ними, не мешая множеству в будущем реорганизоваться. Делез создает позитивный стиль мышления, который делает утверждением даже отрицание.

Обратим внимание на важную характеристику «силы», которой часто пользуется Делез. Силу нельзя путать с мощью. Сила приходит извне, чтобы разрушать темницы и открывать новые перспективы. Мощь строит стены.

Пространство номадического мышления качественно отлично от пространства Государства, как воздух отличается от земли. Пространство Государства рельфено, имеет разметку. Движение определяется не только привязкой к горизонтальному плану, но и ограничено порядком построения этой поверхности, рельеф которой определяет однозначные пути между фиксированными точками, имеющими свои четкие характеристики (свою идентичность). Номадическая же поверхность - гладкая и безграничная. Можно начать движение в одном месте и перемещаться в любое другое. Способ распределения на гладкой территории – номос (распределение объектов в открытом пространстве). Номос противостоит логосу, который избирает распределение объектов в закрытом пространстве.

«Тысяча плато» - это попытка построить гладкое пространство мышления. Однако, это не первая подобная попытка. Как и государственная философия, номадическое мышление не раз оставалось неразоблаченным. Спиноза называл номос «этикой», Ницше – «веселой наукой», Арто –

«коронованной анархией», Морис Бланшо – «пространством литературы», Фуко – «внешним мышлением»{[22]}.

В «Тысяче плато» Делез и Гваттари используют термины «прагматика» и «шизоанализ», а во вступлении описывают концепт ризомы, который призван выкорчевать печально известное дерево репрезентативного мышления. Одна из главных мыслей этой книги – что номадическое мышление не ограничивается философией или это такая философия, которая может проявлять себя в разных формах. Режиссеры и художники могут быть философами в том смысле, что они исследуют потенциалы своих творческих методов и способны в мысли выйти из наезженной колеи.{[23]} С формальных позиций, музыка и математика способны создавать самые гладкие поля мышления.{[24]} Фактически, авторы скорее назовут философией музыку, заряженную смыслом, чем назовут музыкой чью-нибудь утонченную философию.

Что возвращает нас к первому вопросу этого предисловия: как «слушать» «Тысячу плато»? Когда Вы имеете дело с музыкальным диском, всегда есть трэки, которые оставляют Вас равнодушным, их Вы пропускаете. Вы не можете отнестись к аудиозаписи, как к непрочитанной книге, которую можно либо прочесть, либо бросить.

Когда Вы слушаете музыку, есть песни, которые Вы хотите слушать ещё и ещё. Любимый мотив преследует Вас, Вы можете поймать себя на том, что напеваете его весь день…

«Тысяча плато» задумывались как открытая система{[25]}. Она не претендует на статус окончательного высказывания, однако, авторы надеются, что некоторые части этой книги останутся с некоторыми читателями, вплетутся в мелодию из повседневной жизни.

Каждое «плато» - это гармоничное сочетание «кирпичей», изъятых из различных дисциплинарных «зданий». Они сохраняют следы своего первоначального положения, которые искривляют выходящие из них векторы. Эти векторы должны встречаться в точке нечеткого сочленения концептов, которые становятся открытой равновесной системой, состоящей из движущихся элементов, каждый из которых обладает собственной траекторией.

Слово «плато» было позаимствовано из эссе Грегори Бейтсона, посвященного исследованию культуры Бали, где была обнаружена психологическая модель экономии либидо, значительно отличающаяся от «оргазмической» модели, доминирующей на Западе.{[26]} По Делезу и Гваттари, «плато» достигается, когда обстоятельства совпадают таким образом, чтобы возникла максимальная интенсивность, которая не рассеивается климаксом. Пик энергичности настолько длителен, что остается послеобраз{[27]} этого состояния, который можно реактивировать или привнести в другие энергийные состояния. Таким образом, возникает особая структура, собранная из состояний интенсивного мышления. Способ создания таких структур Делез и Гваттари называют «сгущением» или «стилем»; он помогает совместить разнородные элементы в единое образование (не стоит путать с гомогенностью){[28]}.

Стиль в таком понимании – это динамическая связь или режим композиции. Стиль не сводится к литературе. Режиссеры, художники, музыканты тоже имеют свои стили, как и математики, камни, инструменты, технологии, исторические периоды, и в особенности конкретные события.

Именно поэтому каждое плато скрупулезно датировано. Задача авторов – воссоздать динамизм, присущий определенным временам и обстоятельствам. Дата указывает на момент, когда конкретный динамизм проявлялся ярче всего. В этой точке, точке наивысшей интенсивности, его легче всего отличить от других динамизмов. Этот период длится недолго, т.к. мир, будучи помойкой отживших режимов интенсивности, которые отказываются умирать, редко позволяет существовать необычному роду динамизма. К примеру, в 12 главе «Трактат о номадологии», датированной 1227 годом н.э., описывается момент явного проявления номадической военной машины на бескрайних просторах азиатских степей.

Читатель может начать с любой главы, передвигаясь по гладким поверхностям плато так, как ему заблагорассудится. Вы можете выбрать любой понравившийся Вам концепт и следовать за ним по всем главам. В книге есть такие «сквозные» линии. Кто-то может назвать это самоповторением, а Делез и Гваттари называют это рефреном.

Главная цель авторов – спровоцировать читателя на перенос динамизма этой книги в другие области, будь то изобразительное искусство или политика. Делез и Гваттари беззастенчиво обкрадывают нефилософские дисциплины, но, в тоже время, готовы многократно возместить убытки. Сам Делез описывает концепт не как кирпич, а как «ящик с инструментами».{[29]} Такой стиль философствования он называет «прагматикой», т.к. она порождает концепты без входного билета в систему веры или любую другую структуру, напротив, эти концепты действуют как фомка в руке любопытного взломщика.

Так что, лучше всего отнестись к этой книге как к вызову: сможете ли Вы открыть неизведанные пространства и возвысить свою жизнь и жизнь людей окружающих Вас до плато интенсивности, которое оставит послеобраз, способный становиться частью все новых и новых жизней, создавая структуру энергийных состояний, соединяющий любое количество (огромное количество) бесконечных траекторий. Кто-то может назвать это неразборчивостью, а Делез и Гваттари называют это революцией.

Вопрос не в том, правда ли это, а в том, работает ли это, какие новые мысли могут пройти по маршруту «Тысячи плато», какие новые чувства откроются на пике интенсивности и какие новые ощущения познает Ваше тело?

Возможно, некоторые читатели ответят «никаких». Нет проблем! Просто «Тысяча плато» - не ваша музыка. Тогда и не стоило покупать книгу.

Примечания:

{[1]} Ноология (греч.) - учение о чистом разуме. (Источник: "Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". Чудинов А.Н., 1910) – прим. пер.

{[2]} Gilles Deleuze, in Deleuze and Claire Parnet, Dialogues (Paris: Flammarion, 1977), p. 10.

{[3]} Gilles Deleuze, interview with Catherine Clement, L'Arc, no. 49 (revised ed., 1980), p. 99.

{[4]} Gilles Deleuze, "Nomad Thought," in The New Nietzsche, ed. Donald B. Allison (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985), p. 148. Semiotext(e), Nietzsche's Return 3,1 (1978), p. 20.

{[5]} Deleuze and Parnet, Dialogues, p. 20. О взаимоотношениями между философией и государством см. с. 351-473 настоящего издания. Критика рационалистической философии наиболее полно высказана Делезом в работе «Difference et repetition» (Paris: PUF, 1968); в особенности, в главе "L'Image de la pensee," pp. 169-217.

{[6]} Deleuze, "I Have Nothing to Admit," trans. Janis Forman, Semiotext(e), Anti-Oedipus 2, 3 (1977), p. 12 (translation modified).

{[7]} «Ничего не вызывало у меня бОльшего отвращения, чем диалектика и гегельянство». (ibid)

{[8]} Ibid.

{[9]} См. дискуссию Делеза и Фуко «Интеллектуалы и власть» в книге Foucault, Language, Counter-Memory, Practice, ed. Donald Bouchard (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1977), pp. 205-217. (Русский перевод - Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — с. 66 – 81 – прим. пер)

{[10]} Deleuze, "I Have Nothing to Admit," p. 113.

{[11]} Предисловие Брайана Массуми предваряет издание «Тысячи плато» 1983 года. – прим пер.

{[12]} Felix Guattari, "Sur les rapports infirmiers-medecins" (1955), in Psychanalyse et transversalite (Paris: Maspero, 1972), p. 11.

{[13]} «Неустойчивый», т.к. Гваттари считал коммунитарные решения Лэнга лишь воссозданием эдипизизированной семьи в расширенном виде (La Revolution mol'eculaire, [Paris: Editions Recherches, 1977], p. 121), а также, потому что он отвергал теорию Базалья об ассимиляции ментальных болезней и социального отчуждения, как и его неприятие любых учреждений для душевнобольных. (Psychanalyse et transversalite, p. 264)

{[14]} В 1973 году Гваттари был оштрафован за «грубое нарушение общественной морали» за номер журнала Recherches («Поиск»), посвященный гомосексуализму. Весь тираж был уничтожен. (La Revolution moleculaire, p. 110).

{[15]} Anti-Oedipus, trans. Robert Hurley, Mark Seem, and Helen R. Lane (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983). (Русский перевод - Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с. – Прим. Пер.)

{[16]} Difference et repetition, pp. 49-55, 337-349.

{[17]} Тель Кель (фр. Tel Quel — «Такой, какой есть») — французский авангардный литературный и теоретический журнал, ключевое издание французской структуралистской школы, а также объединившаяся вокруг него группа интеллектуалов, писателей и поэтов. Основан французским писателем Филиппом Соллерсом и издавался с 1960 по 1982 год. (Источник: {http://ru.wikipedia.org/wiki/Tel_Quel}) – прим. Пер.

{[18]} «Новые философы» – группа французских философов, которые в начале 1970-х откололись от Марксистов и организовали собственную школу. Среди них Андре Глюксманн, Бернар-Анри Леви и др. «Новые философы» выступали в роли критиков Ницше, Хайдеггера, Сартра и постструктурализма. (Источник: {http://en.wikipedia.org/wiki/New_Philosophers}) – прим. Пер.

{[19]} Difference et repetition, pp. 49-55, 337-349.

{[20]} Jean-Francois Lyotard, The Postmodern Condition: A Report on Knowledge, trans. Geoff Bennington and Brian Massumi (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984), pp. 32-33.

{[21]} Интервью и Жилем Делезом, Liberation, October 23,1980, p. 16.

{[22]} См. Эссе Фуко о Бланшо «Мысль извне», часто цитируемое Делезом,: Foucault/Blanchot, trans. Brian Massumi, Maurice Blanchot, and Michel Foucault (New York: Zone Books, 1987).

{[23]} Книги Делеза о кино, («Кино – 1: образ-движение» и «Кино – 2: время-движение» и об изобразительном искусстве «Фрэнсис Бэкон: Логика чувствования») вне всякого сомнения, являются опытами философской экспансии. Они направлены не на сведение искусства к философии, а на выявление философии уже содержащейся в этих искусствах.

{[24]} Понятия «гладкой» и «испещренной» поверхностей уже изобретены Пьером Булем

{[25]} Интервью с Жилем Делезом, Liberation, October 23, 1980, p. 17.

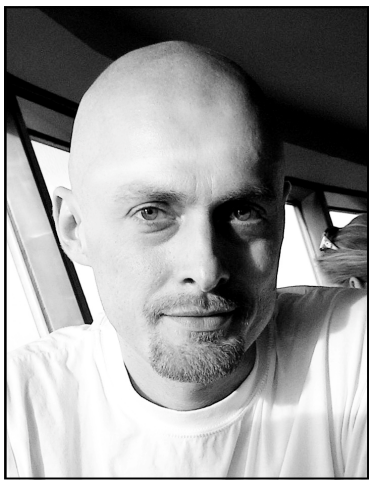
{[26]} См. с. 158 настоящего издания.

{[27]} Послеобраз - феномен зрительного восприятия, состоящий в том, что после продолжительной зрительной фиксации на каком-либо объекте (например, на источнике яркого света), либо после яркой вспышки человек (или животное) продолжает видеть след изображения, даже если объект уже исчез из поля зрения. (Источник: {http://ru.wikipedia.org/wiki/Послеобраз}) – прим. Пер.

{[28]} О литературном стиле см. Deleuze, Proust and Signs, trans. Richard Howard (New York: Braziller, 1972), pp. 142-150. (Русский перевод - Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. Статьи / Пер. с фр., редакция и предисловие - Соколов Е.Г. - СПб. Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, 1999, СПб: Алетейя, 1999. - 190 с. (серия "Метафизические исследования. Приложение к альманаху") – Прим. Пер.)

{[29]} Deleuze and Foucault, "Intellectuals and Power," p. 208.

ГеоРГиЙ кВАнТРишВиЛи



Иллюстрации *Игоря Пестова*

ОШИБКА ДЕВУШКИ

Полюбила девушка фашиста
Знаю, сердце девичье – не камень
Лучше б ты влюбилась в онаниста
с липкими, противными руками
Лучше бы ментам или чекистам
ты дала свой номер телефона
Бандюкам. Но только не фашистам
С ними ты должна быть НЕПРЕКЛОННА!

Говорила ж мать: Не верь мужчинам,
что повязку вяжут на рукав,
ведь у них на месте на причинном
выколота фраза из Майн Кампф!
Только что тебе её советы,
если каждый вечер вновь и вновь
с громким стуком падают кастеты
из его приспущенных штанов
…
Он лежит, сражён стрелой Амура
Тихий сап струится изо рта
Он почти всю ночь без перекура
дерзко штурмовал твои врата
А теперь, сомлевший от истомы,
он заснул, с тобой переплетясь
Снятся ему марши и погромы
и неограниченная власть

Там, во сне, смертельный ветер дует
Рвясь сквозь искорёженную сталь
он опять врата твои штурмует
обретая истинный Грааль

Ты лежишь со спермою на пузе
тёмной страстью схваченная в плен
Эрих Фромм, Адорно и Маркузе
смотрят укоризненно со стен
Ты прости, девчушка, за банальность
но покуда спит любовник твой
ты подумай, проведи анализ
покумекай грешной головой
Там, на кухне, нож лежит, заточен
нет! тут, ближе, острый штопор есть
Встань тихонько. Пусть сегодня ночью
совершится праведная месть.
Пододвинься. Слева, там, где сердце
штопор приложи к груди живой
За Хатынь, за Зою, за Освенцим
поверни по стрелке часовой!

Поздно! Луч заглядывает в спальню
прогоняя ненадёжный сон
Эта ночь покруче, чем Хрустальная –
говорит, потягиваясь, он

<СПИЧРАЙТИНГ>

созданная тогда же острая несмотря
развитой частью было средствами министерство
стоимость фондов кровно рационально зря
этого надо чтобы каждого через сердце

необходимость фондов в прошлом частично над
образом главным из-за меры уже быстрее
кровно ресурсов средства может быть поменять
в случае но не просто фабриках обостренье

могут мириться даже вроде бы и в конце
методы в результате можно уже не десять
а помогает метров ткани металла цех
видов сырья период топливе и за дескать

не для того на средства или в конечном во
делаем это ради средства единым маршем
мелочность и крохоборство общего ничего
плановое хозяйство значит ли это в нашем

случае не на многих стройках еще транжир
топливо слабо этих новая труд рабочих
брака вот то не может быть соблюсти режим
коротко это метод в том чтобы больше больше

1989

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Труден путь революционера.
Схлопотать назначено ему
пиздюлей от милиционера
и надолго загреметь в тюрьму.
Там, в холодном лагерном бараке,
или в мёрзлой камере ШИЗО
хуй теперь поешь ты козинаки,
хуй теперь послушаешь музон.

Ни тебе абсента, ни портвейна,
ни псилоцибиновых грибов,
лишь садюги медленно, но верно
из свободных делают рабов.
Кончились счастливые денёчки,
наступило время кровью срать.
Зубы выбиты, отбиты почки.
Отведёт глаза родная мать.

А когда откинешься на волю,
выйдешь нищ, и немощен, и слаб,
тут уж будет не до алкоголя,
не до развлечений, не до баб.
Распрощайся с девушкой любимой.
И у дружбанов увянет взор.
Горло душит кашель нестерпимый
и на яйцах плесени узор.

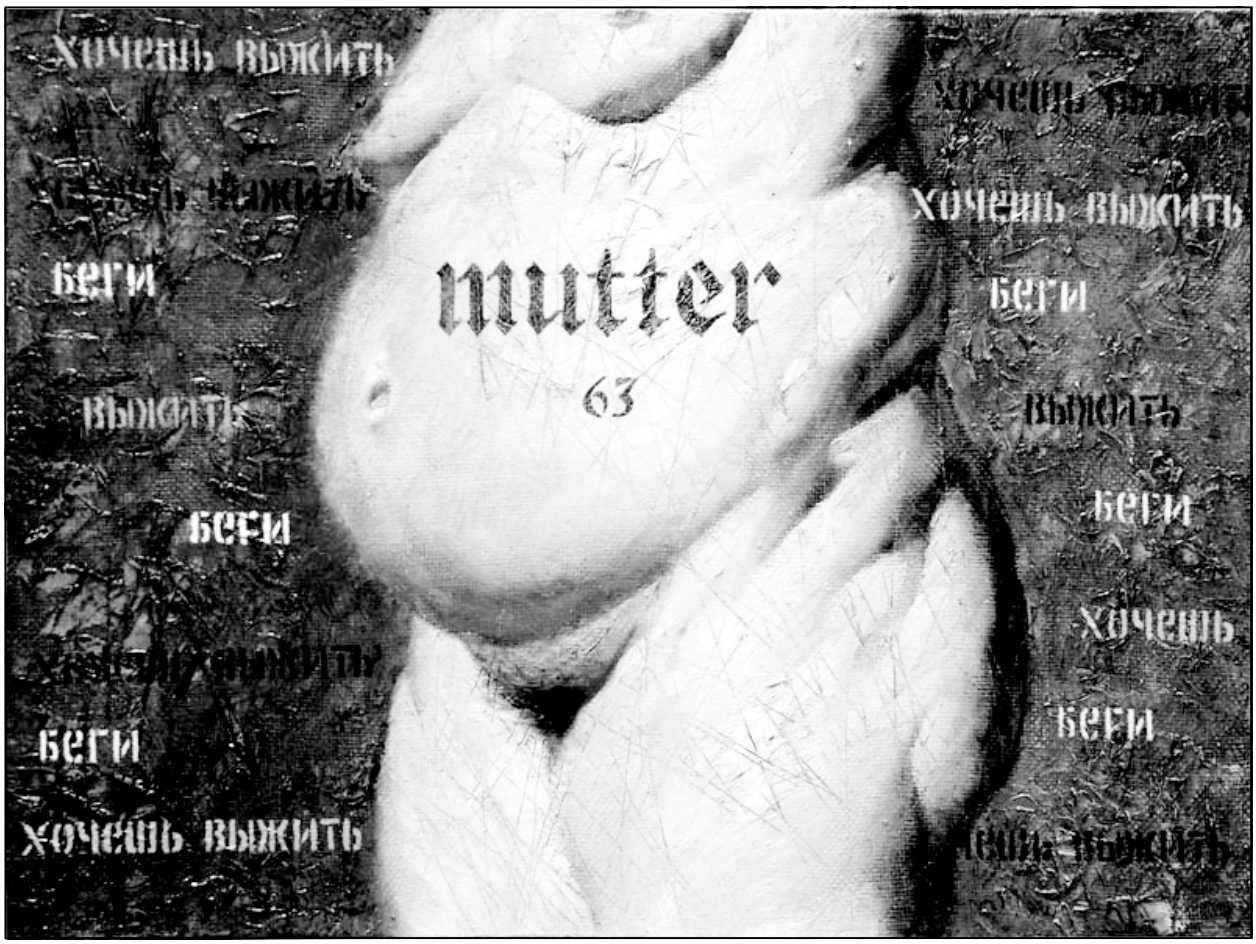
Вот по всем по этим по причинам,
путь Героя выберя себе,
молодым решительным мужчинам
надо подготовиться к борьбе.

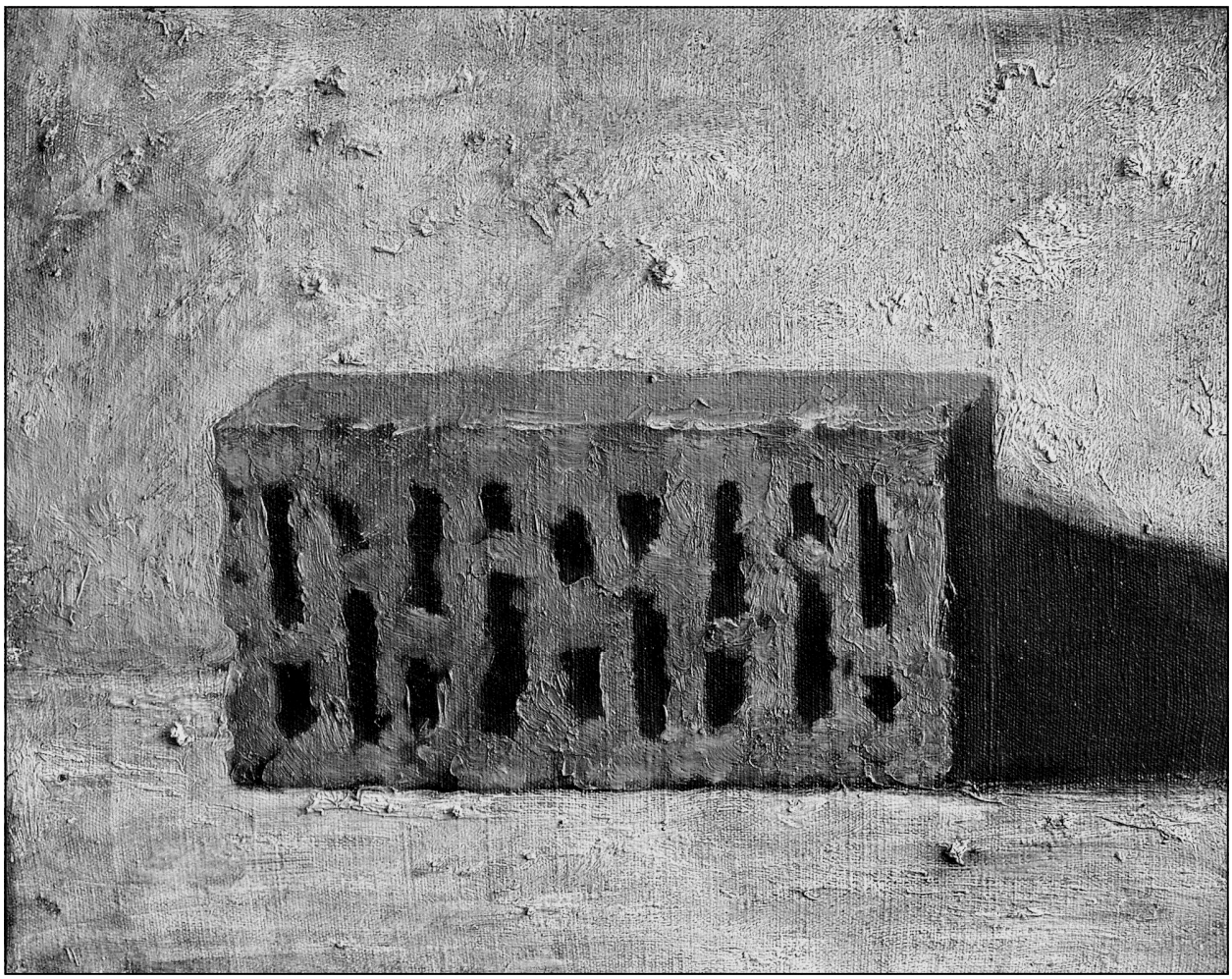
Ведь не вспыхнет жизнь твоя как факел,
выжигая мерзости дотла,
если всех блядей ты не отфакал,
и всего не вылакал бухла.

Потому, на бой себя настроив
и самоотверженную жизнь,
в окруженье будущих Героев
до зелёных чёртиков нажрись.
Чувствуешь в подъезде запах дури,
ангидрида, спермы, говнеца?
Шаг к сопротивленью диктатуре
делают отважные сердца.

Думаешь, в кустах лохи ебутся,
левого бухла приняв на грудь?
Нет! Это солдаты Революции
начинают благородный путь.
В кабаках сиреневые морды,
пусть блевота капает с носов -
Присмотрись к ним, это же когорты
стойких, несгибаемых бойцов.

И пускай ты нынче клеем дышишь
или метадон вгоняешь в шприц,
завтра ты навеки имя впишешь
посреди Истории страниц.
Так что, если вдруг тебе взгрустнётся,
прошвырнись по барам, по дворам,
чувствуешь: отчизна не сдаётся!
Фюреру кирдык, но пасаран!





НА ДАННОМ ЭТАПЕ

я не могу любить тебя так как ты этого хочешь
на такую любовь у меня не хватит лавэ
может быть ты мне просто отсосёшь и подрочишь?
я стану ещё одним хуем, побывавшим в твоей голове
пускай всё это длится не очень-то долго
просто временный вариант, месяца на полтора
мне ведь тоже на хуй спеклась мокрощёлка,
которой давали в голову мусора
я не насыплю тебе в пизду кокаин щепоткой
чтоб, когда задвину, у тебя расширялись зрачки
у меня хватает только, чтоб догоняться палёной водкой,
а тебе нужны обеспеченные мужички
ты насмотрелась реклам про курорты с отелями
про роскошные яхты, про жратву в дорогих кабаках
а мне иногда нечего жрать целыми неделями
и больше штуки у.е. никогда не бывало в моих руках
ты хотела б, чтоб я был знаменит и богат,
чтоб катал тебя на огненно-красном феррари
чтоб смотрел снисходительно на блядство твоё и
развратт
и только лавэ подгонял тебе регулярно, твари
я бы мог давно уже, если б хотел, послать тебя на
три весёлых, вали к своим богачам-ебанатикам,
только, если по-честному, на хуй ты им не нужна,
вот и тусишь со мною, революционным фанатиком
я бы мог перерезать твоё горло отточенным лезвием
за твою сучью жадность и твой паскудный пиздёж
я чел брезгливый, но мыслящий чётко и трезво,
на данном этапе лучше все равно не найдешь

ПОРИЦАНИЕ МЕТАФИЗИКИ

Заебала меня метафизика
Метафизика – это гавно
Интересна она только шизикам
А вменяемым, нам всё равно

Поебать что за херь вы там лепите
В жопу сунь ахинею свою
Вы над ней замираете в трепете
А мы вертим её на хую

Этой шнёй в невьебенных количествах
Можешь дальше мозги засерать
Пациентам лечебниц психических
А на нас даже время не трать

Ты пиздуй если засрана тыква
От нормальных подальше чувих
К истеричкам с задержкою цикла
И еби сука в голову их

Что ж ты машешь немытыми патлами
Что же ты разеваешь ебло
Даже срать нам с такими вот падлами
На гектаре одном западло

Игорь Левшин

Квартира 37

Толик валяется в кровати на не стираной уже месяц простыне. На потолке ни одного светлого пятна - все отключены.

Наконец он заставляет себя встать. Достает яйцо из печки. Уныло ковыряет ложкой месячной давности йогурт. Включается алерт, радостным голосом напоминая ему, что Толик ест слишком много сладкого, от дальнейшего приема сахаросодержащих стоит воздержаться. Толик бесцветно матерится. Больше всего ему хочется завалиться обратно в сбившуюся постель.

Все же он заставляет себя подойти к столику. Он крошит хлебную труху в ванночку.

Помочившись в углу и включив очиститель, Толик берет валяющийся на столе пульт мексиканских цицеро. Нажимает кнопку Луис. Из угла комнаты еле слышно звучит "Ах мой милый Августин". Толик не понимает откуда звук, увеличивает громкость кола. Ага, Луис забился под кресло, где свалены обложки фильмов. Вытаскивает обложки и мелодия звучит сильней, но вытащить Луиса все же не удается: щель за стеллажиком слишком узкая. Тяжело вздохнув, Толик возвращается в комнату, ищет в складках простыни пульт, находит и, в полном вооружении, продолжает поиски. Августин звучит из той же щелки. Толик включает подсос и магнитик вытягивает Луиса на поверхность. Он осторожно берет его за лапки и несет к ванночке с крошками. Посадив в середину, включает замедлитель и звук. Луис вскидывает крылья и приветствует по-испански - Хола, амиго!

- Здорово, коли не шутишь.
- Последний анекдот: приходит...
- Не надо анекдот. Тошнит уже от вашего веселья.
- О-о, амиго перепробовал виски...
- Дурак. Помолчи немного.

Луис замолкает. Не спеша он продвигается к краю ванночки. Толик щелчком возвращает его на место. Таракан вскидывает крылья, однако молчит.

- Что замолк?
- Хола, амиго!
- Хола-хола. Прекрасная сегодня погода, не правда ли?
- Сегодня ожидается потепление...
- Заткнись.

Луис обиженно замолкает, молча подбираясь к краю ванночки.

Щелчок, Луис вскидывает крылья, падая на середину.

- Ты нам нужен, Луис. Мы любим и ценим тебя.
- Спасибо, Толик, ты очень хороший.
- Щас прослежусь.
- Не понял?
- Прослезюсь.
- Не понял?
- Еще б ты понял, куриные мозги.
- Куриные мозги? Ты очень остроумный, Толик.

Под шумок Луис подползает к краю ванночки и, перевалившись через край, со стуком, усиленным микродинамиком, падает на стол спиной вниз. Отчаянно суча лапками, вращается на спинке.

- Что, тяжко, брателла? А никто не говорил, что будет легко.
- Жизнь пройти не поле перейти.

Луис переворачивается на живот и направляется не спеша к краю стола.

- Ща ебнешься и последние мозги сломаешь.
- Луис очень неглуп. Не правда ли?
- Неправда. Сломаешь мозги, пеняй на себя.
- Куриные мозги. У меня очень остроумный амиго.

Падает на грязный пол.

- Все-таки навернулся, космонавт херов. Ну, что?
- Хола, амиго - приветствует Луис с полу.
- Смотри-ка, не растерял мозги. Везука.
- Не понял?
- Еще бы ты понял. Словарь пидарасы составляли, нет там ни хуя.
- Не надо ругаться, амиго. Тебе не идет.
- Во, это есть, смотри-ка. Откуда ты знаешь, что мне идет, а что не идет, гандон?
- Не понял?
- Тупой ты, как кнехт, понял?

- Боюсь, не совсем, амиго. Попробуй еще раз?

- Надоел ты мне, и знаешь, какие это будет иметь для тебя последствия?

- Луис наскучил Толику? Невероятно! У Луиса много замечательных настроек, нажми кнопку Помощь на пульте.

- Много вас тут помощников. Во где вы уже у меня.

- Боюсь, амиго, я не совсем понял твою глубокую мысль.

- Мысль очень простая: пиздец тебе пришел, и всей твоей пиздабратии. И очень скоро. Теперь понял? Куда под стол-то полез, мудлон?

- Не надо ругаться, амиго. Тебе не идет.

- Переползешь эту линию, и тебе хана, амиго.

- Боюсь я не совсем понял твою глубокую мысль, амиго. Ты уверен, что хотел сказать именно Ханна?

- Да уверен. Переползешь эту линию, я тебя убью, понял.

- Не делай этого, амиго. Тебе будет не хватать Луиса. Мои браться и сестры погибли. Луис остался один.

- Ха-ха. Ишь ты, какой маркетинг задвинул. Врешь, брателла, Кончита еще есть в коробке.

- Кончита умерла. Но жизнь продолжается, амиго.

- Только не твоя.

Толик берет тапок и хлопает об пол. К каблуку прилипает ошметок в хитиновой кожурке. Красный светодиод на пульте начинает мигать. Толик нажимает зеленую кнопку и светодиод, пискнув, гаснет. Поле Луис теперь обведено пунктирной рамочкой. Толик всовывает ногу в тапок, растирает пятно и включает очиститель. Из ящика письменного стола он достает прозрачную коробочку с цицеро. Упитанная тушка мексиканского таракана начинает метаться в коробке. Толик нажимает кнопку Кончита, дверцы распахиваются. Кончита выскакивает наружу, спотыкается и замирает - включается замедлитель.

- Хола, Кончита.

Молчание. Толик прибавляет громкость. Только какой-то комариный звон и все. Толик сумрачно матерится, вертит пульт, другой рукой берет за надкрылья Кончиту, направляет микрокамеру на брюшко, на дисплее шершавые щиточки хитина, похожие на растрескавшуюся черепицу, чип и разводка, вроде, на месте. Перегружает Кончиту, и слышит все тот же комариный звон микродинамиков. Швыряет Кончиту на пол, а сам ложится на кровать.

Потолок: ни одного светлого пятна. Он никому не нужен, не интересен.

По обоям бегут полосы новостей. Толик смотрит, не видя.

Толстая стрелка циферблата на оконном стекле крадется к пяти. Это время сумерек там, наружи.

Если до девяти никто не позвонит, загадывает Толик, то...

Никто не звонит. Потолок: ни одного светлого пятна, все отключены.

На табуретке у письменного стола брошены плоскогубцы. Они остались еще с прошлого раза.

Толстая стрелка на оконном стекле грустно смотрит вниз. Теперь стекло черное, и яркость подсветки падает, подстраиваясь под освещенность. Блик падает на распахнутую дверку. Толик встает и, придвинув табуретку, лезет, вооруженный плоскогубцами, на антресоли. Распахнув дверку, вытряхнув какой-то картонный хлам на пол, он добирается на этот раз до источника питания алертов, выдирает его из трухлявой стены. Спрыгнув на пол, он растаптывает его в труху.

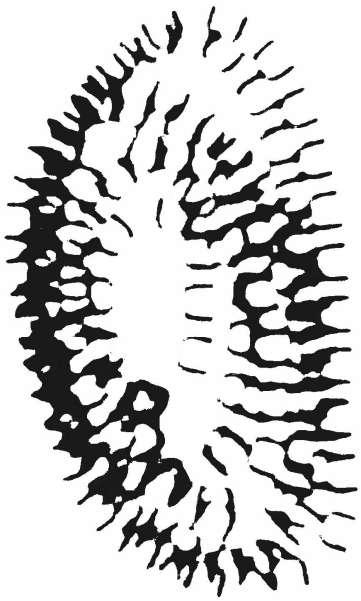
Найдя припрятанную капсулу с ядом, он ложится на кровать и включает снег. Прости меня, Господи, шепчет Толик и раскусывает капсулу. Голова начинает кружиться, сознание уходит, под закрытыми веками загораются сполохи, потом растворяются в невнятное марево.

И тут врубается алерт: Дорогой наш Анатоль, пожалуйста ничего не предпринимай до прихода службы помощи, которая уже спешит к тебе. Ты нам нужен! Мы любим и ценим тебя!

Толик поднимает тяжелые веки. На потолке вспыхивают один за другим Ната, Чен, Мамми, Руслик, смутные через медленный вихрь снежинок. Комната наполняется голосами. - Толик, ты слышишь меня? - Какой яд ты принял? Руслик, ты не знаешь, что он принял? - голоса то сливаются в гул, то вновь становятся отчетливыми. - Непонятно пока, сейчас приедут, разберутся. Что-то фторосодержащие, кажется. Ничего страшного. Я уже в пути, Чен. - Дорогой наш Анатоль, пожалуйста ничего не предпринимай до прихода службы помощи, которая уже спешит к тебе. Ты нам нужен! Мы любим и ценим тебя! - Толик, сынулечка, скажи хоть что-нибудь своей мамми. Почему так плохо видно? - Снег. Вы-то не паникуйте, этого только еще не хватало, нажмите на Спокойно, в первый раз что ли, ей-богу? Нажали?

- ...помощи, которая уже спешит к тебе. Ты нам нужен! Мы любим и ценим тебя! Дорогой наш Анатоль...

- Где ж этот ебаный автономный источник? - вяло удивляется Толик, теряя сознание.



Работа Рида Альтемуса (США)

Андрей Щербак-Жуков

ТРИЛОГИЯ О ПОЭТЕ И ДЕВЕ

1. ПОСЛАНИЕ ПОЭТА К ДЕВЕ

*Посвящается В****

Что ж ты дева отдалась кретину?
Посмотри - ведь он же туп, как пробка;
А поэт высокий и красивый,
Деликатный и немного робкий...

Осчастливь поэта поцелуем,
Осчастливь его хотя бы взглядом,
А кретин найдет себе другую -
Много ли ему, кретину, надо?

А поэт тебе обнимет нежно,
Будет ваша ночь, как будто песня,
Элегантна, томна и безбрежна...
Неужель с кретином интересней?

Ах, поэт, ах, тонкое созданье,
Словно жрец, с тебя снимая вещи,
Каждый шаг он свой отметит тайной
И коснувшись лона, затрепещет...

И стихи напишет он об этом,
Каждой строчкой выражая чувство...
Так отдайся ж, девочка, поэту -
Сделай ну хоть что-то для искусства...

2. ПОСЛАНИЕ ПОЭТА К ДЕВЕ-2, или СУДНЫЙ ДЕНЬ

*Посвящается Т****

Я не дурак,
Я не чудак,
А просто получилось так,
Что где-то, кем-то и когда-то
Сие предопределено;
И вот настала эта дата,
И все случилось, как в кино...
Я шел терзаемый похмельем,
Точнее пробовал идти,
Я был влеком конкретной целью,
Ничто не видя на пути.
Похмельный, он не то что пьяный -
В своем страданьи он велик,
И лик святого Себастьяна
Его напоминает лик.
В глазах моих, увидев пламя,
Ты на устах прочла мой стих;
И пели ангелы над нами,
И демоны дразнили их!
И будто на большом экране,
Или в цветном волшебном сне,
Сквозь искривленное сознанье
Ты протянула руку мне...
Тебя я после этой встречи
Ночами часто вспоминал,
Хоть не был больше я привечен
И наслажденья не познал.
Скорей приди в мои объятья
Или пусти меня в альков,
Пока не грянули проклятья
Тобой рассерженных богов.
С богами глупо спорить людям -
Как прятать сахар под дождем -
И мы с тобой неправы будем,
Когда перечить им начнем.

3. ДЕВА НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

*Посвящается. А****

От усердия пряди волос теребя,
Нити строчек сплетая в кольцо,
По законам кино я придумал себя.
И раскрасил свое лицо.
И примерил костюм – лучше, чем от кутюр.
И обследовав множество мест,
Я натуру нашел – лучшую из натур -
И уселся придумывать текст...
Только мне не давался сюжет ни хрена!
Зря листы покрывали мой стол.
Нет кино без любви! Героиня нужна! -
Я к спасительной мысли пришёл.

И о том, чего нет, безутешно скорбя, -
В мыслях: только б сюжет не пропал -
Я без всяких законов придумал тебя.
Кто бы мог предсказать мне финал...
Ты ворвалась в сюжет, ты испортила текст,
Ты листы побросала в окно...
И один я брожу средь придуманных мест.
Вот такое у нас кино.

СТОРОЖА МИРАЖЕЙ

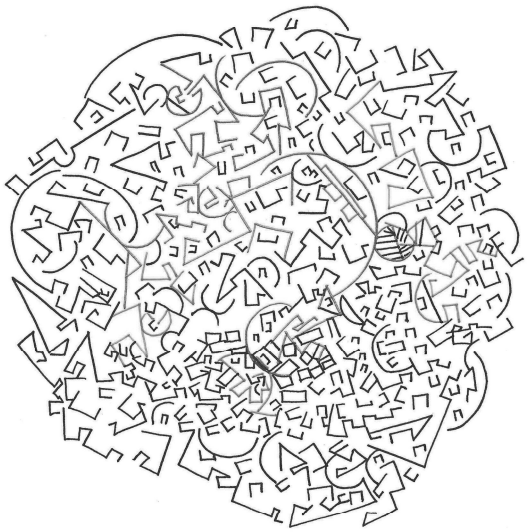
Сторожа миражей, сторожа миражей,
Неужели же вас не ужалить уже
Скрежетаньем скрижали на жале ужей?
Сторожа миражей, сторожа миражей...
Обожжет жуть и ужас -
Все сжалось в душе;
Вижу желтые лужи
На жесткой меже
И жестяных жуков на железном ноже...
Ужасаясь, ужу миражи сторожей.

* * *

Ну, что же делать - не о чем писать!
Весь мир до раздражения понятен.
В нем больше не осталось белых пятен -
Ни тайну вскрыть, ни надломить печать.

Мир словно вырезан из дерева ножом...
Зимою холодно, а летом - потеплее;
Мы осенью гуляем по аллее,
Весною пиво на пригорке пьем.

Он однороден - центр ли, верх ли, низ...
Не различить края и середину.



Работа Шейлы Мёрфи(США)

И Бог покинул древнюю машину,
Оставив тикать глупый механизм.

ГИМН СОЛНЕЧНОМУ ЛУЧУ

Бултыхая на весу,
В сумке я баллон несу;
Солнца луч нырнул в баллон -
Крышкой хлоп и пойман он!
Разлагая свет на кванты,
Чуть помешиваю банку -
Свет с пленением смирился
И тихонько растворился...
Бултыхая на весу
В сумке солнца луч несу!
Я приду к своей подружке,
Я налью напиток в кружки,
А подружка мне в ответ
Сразу принесет газет.
Те газеты не для читки -
Мы на них разложим рыбки,
С рыбки снимем чешую,
Втянем пенную струю...
Солнца луч у нас в крови -
Господи, благослови!

НРАВОУЧИТЕЛЬНО-АНТИАЛКОГОЛЬНОЕ

Хорошо ложится водка
Да, на пиво, на живое...
Стопка,
Стопка,
Стопка,
Стопка...
И раненье ножевое.

* * *

Любит,
любит
трилобит,
Чтобы был пролом пробит,
Любит лбом долбить проломы -
Все долбит, долбит, долбит...
А троглодит
На всех сердит
И выглядит -
Ну, как бандит.
Он три дня траншею роет, а четвертый в ней сидит...
Вот бы кто-то из светил
Сих феноменов скрестил -
То-то вышел бы гибрид -
Он то роет, то долбит

* * *

Поселились у реки
Непонятные зверьки…
Без какого-то названья
Нам, двуногим, в назиданье.
Основательные самки
В небесах возводят замки,
А беспечные самцы
Строят под водой дворцы…
В глубине ли, в высоте –
Рушатся и те, и те.

Олег Лукошин

Наследник очертаний

Иллюстрации *Азсакры Заратустры*

Двое учеников из седьмого «В», в котором я преподавал английский, отвафлили в туалете своего одноклассника.

Классный руководитель Рамзия Кадыровна рассказала о случившемся в учительской. Почему-то во время рассказа она улыбалась. Кто-то бы сказал «нервно», но мне так не показалось. Она просто улыбалась.

- Соси, говорят ему, - обводила она присутствующих учителей, в том числе и меня, мутными бегающими глазками. – А он взял, и сосать начал.

- О, господи! – поморщилась учительница литературы Елена Степановна. – Дикость какая! Это не Романов был?

- Романов, он самый! – подтвердила Рамзия Кадыровна.

- Этого следовало ожидать. Его постоянно обижали.

- Всё, вафлёром стал! – объявил учитель физкультуры Павел Григорьевич.

Почему-то он тоже улыбался.

- Ой, Павел Григорьевич, - попросили его женщины, - избавьте нас пожалуйста от определений. Как он теперь называется, нам не интересно.

- Это наверное Яхин с Путилиным сделали? - спросил Павел Григорьевич. - Они же у вас главные хулиганы.

- Да, да, они, - подтвердила Рамзия Кадыровна. – Я уж сколько раз просила, чтобы их в другой класс перевели – не переводят. Постоянно они гадости какие-то совершают.

- Самоутверждаются! – хитро щурился Павел Григорьевич.

- Странный способ они избрали для самоутверждения, - Елена Степановна что-то записывала в журнале.

Оторвавшись, она вскинула глаза на меня, словно знала, что я на неё смотрю. Пару секунд мы напряжённо глядели друг на друга. Взгляд её был тревожный и удивлённый, словно что-то насторожило её во мне.

- Да уж, действительно странный, - повторила за ней какая-то женщина, имени которой я до сих пор не выучил. – Елена Степановна! – обратилась она к учительнице литературы. – Вы поведёте своих на выставку?

Та пожала плечами.

В учительской было буднично.

- И что вы сделали? – спросил я Рамзию Кадыровну.

Голос мой был хриплый, надтреснутый, все тотчас же посмотрели на меня, словно я сделал что-то неприличное.

- Что сделала? – переспросила она.

- Да. В милицию заявили?

Рамзия Кадыровна выглядела озабоченно.

- С директором поговорила… - тихим голосом прошамкала она. – Но он сказал, что милицию не надо. Сами разберёмся.

На днях я разговаривал с сестрой о Наследнике Очертаний. Мы шли по улице, накрапывал дождь.

- Но почему Наследник? – не понимал я. – Почему Очертаний?

- Блин, ну ты даёшь!.. – поворачивала она голову в мою сторону. – Ты прочерчиваешь линию жизни, она уходит вдаль, теряется в заносах, блёклая, едва видимая. Лишь очертания от неё можешь ты рассмотреть, лишь их.

- Это слишком неконкретно. Вряд ли я черчу что-то.

- Хорошо, не чертишь. Ты плывёшь по эфиру и, словно в дымке, очертания твоей сущности дрожат и отслаиваются. Каждому мгновению требуется своё очертание. Чтобы оно могло тебя запомнить.

Чтобы могло вернуть тебя к себе.

Я всегда умел чувствовать образы. Этот тоже. Тем более сестра производила верные.

- И он Наследник? – смотрел я на неё неуверенно.

- Да, он наследует их. Он владеет ими. Он собирает их в своём безмерном хранилище, сортирует и вычленяет главное.

- У него есть они все…

- Да, все очертания у него.

- Все очертания всех людей…

- По крайней мере, твои – точно.

Я выстраивал логическую цепочку, я двигался к ядру.

- Значит, он главный! – воскликнул я.

Сестра остановилась. Я врезался в неё плечом.

- Ну наконец-то! – смотрела она на меня. – Дошло!

Я любовался ею, такой родной, приятной.

- Не грузись раньше времени, - сказала она и поцеловала меня в губы. – Но помни: рано или поздно он придёт к тебе!

Урок в седьмом «В» был последним по расписанию. Шестой урок вообще тяжело вести, в этом классе – особенно. Яхин и Путилин сидели на последней парте и стреляли по одноклассникам жёванными бумажками.

- Эй, вафлёр! – кричали они пацанёнку, сидевшему на первой парте. – Чё губы не красишь?

Класс хохотал.

Игорь Романов, бледный подросток с впалыми голубыми глазами, сидел, вжавшись в стул, опустив глаза. Я видел, как дрожали его плечи. Исподлобья он бросал на меня отчаянные взгляды – прося защиты.

- Игорь Дмитриевич! – крикнул мне Яхин. – А чё вы тёзку своего не спрашиваете? Он домашнюю работу ни фига не сделал. Спросите его!

- Да, спросите, - подал голос и Путилин. – Только его теперь надо женским именем называть. Предлагаю, Маша. Маша Романова.

Класс снова разразился хохотом. Я глядел на девочек – они не стеснялись смеяться. Вот, например, Таня Мещерякова – она любит вертеться у моего стола и как бы невзначай тереться задницей о моё плечо. Или Валя Костина. Она задирает подол юбки и когда я прохожу по классу, широко раздвигает ноги, чтобы я мог всё рассмотреть. Сердобольные учительницы, не стесняясь, называют их между собой блядинами. Они смеялись громче всех.

- Сегодня, - поднялся я со стула, - мы познакомимся с новым временем, которое называется Past Perfect Continuous. Please, open your copybooks and write down the date. Today is…

Сестра разделась и легла на кровать.

- Только аккуратней! – посмотрела она на меня снизу вверх.

- Постараюсь, - ответил я.

Нестойкий загар северных широт образовал на её спине вереницу небольших пятен – словно родинки расположились они причудливым узором. Она ужасно комплексовала по этому поводу, всячески старалась вывести их, но к огромному её огорчению пятна не проходили.

Я поджёг пропитанную спиртом вату и просунул ножницы в банку.

- Хватит, - сказала сестра. – Тут быстро надо.

Медицинская банка припала к её спине.

- Держится? – вскинула она глаза.

- Держится, - подтвердил я.

- Молодец.

Я взялся за вторую.

- А Наследник Очертаний… - бормотал я. – Он… может помочь?.. То есть, я хочу сказать, он… как бы за меня?

- Да, - отозвалась она. – Он может помочь. Он для этого и создан. Когда он придёт к тебе, ты не должен его смущаться. Он твой друг.

Слова эти меня порадовали.

- Значит, ему можно всё рассказать, всем поделиться?

- Он и так всё знает о тебе. Он просто придёт и сделает всё, чего ты хочешь.

- Как он выглядит? Как я узнаю его?

- Он появится прямо из ниоткуда. Он будет могуч и прекрасен. Ты сразу поймёшь, что это он.

- И всё же мне как-то не по себе. Я не уверен, что смогу достойно встретить его.

- Не беспокойся об этом. Он объяснит всё, что надо. Он хороший.

Последняя банка заняла своё место.

- Всё? – спросила сестра.

- Угу.

- Тогда накрой меня одеялом.

Прозвенел звонок.

- Домашнее задание! – объявил я. – Дверь закрыта, никто не уйдёт, пока не запишет задание.

- У-у-у, западло…

Раздражённые школьники нехотя открывали дневники. Я продиктовал номер страницы и название текста для перевода.

- Все свободны, Путилин и Яхин остаются.

- Нихуя себе! – крикнул Яхин. – А чё такое? Почему?

- Домой торопимся! – возмущался Путилин. – Дела ждут.

- Для вас дополнительное задание.

- С какого это хера?

- Рты закройте и сидите. Я всё объясню.

Я выпустил детей из класса и закрыл дверь. Путилин сидел на своём месте. Яхин, обхватив пакет, стоял передо мной. Видимо, ещё надеялся уйти.

«Надо ударить так, чтобы он сразу потерял сознание, - мелькнула в голове мысль. – Одновременно с двоими я могу не справиться».

Свинцовая болванка была в кармане. Я отобрал её в прошлом году у какого-то третьеклассника, который кидался ей в коридоре. С тех пор она хранилась в моём кабинете. Я и не предполагал, что она может мне пригодиться.

Я нащупал её, обхватил и, выбросив вперёд руку, ударил Яхина, стараясь попасть в висок. Удар показался мне очень мягким, словно и не удар это был вовсе, а поглаживание какое-то. Лёгкий хруст донёсся до ушей. В первую секунду не происходило ничего, отчаяние от неудачи накатило на меня, я лихорадочно представлял, что надо делать дальше, но вдруг подросток закатил глаза и рухнул на пол.

В это мгновение уверенность вернулась ко мне.

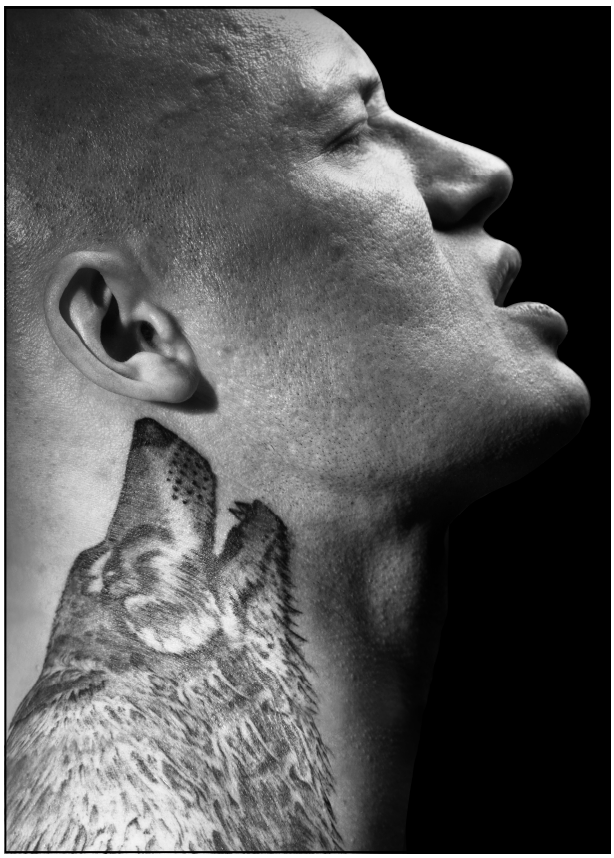
Путилина я ударил ногой в лицо. Я видел, что он что-то кричал. Почему-то звук его голоса не был слышен.

Он перевернулся на стуле и откатился к стене. Я стал бить его ногами. Меня беспокоило, что всё это могут услышать в коридоре и начнут стучаться в класс. Рулон скотча был уже в руке, я стал обматывать им Путилина. Вроде бы перед этим я несколько раз ударил его болванкой.

Когда руки и ноги были замотаны, я заклеил скотчем рот. Потом то же самое сделал с Яхиным. Тот признаков жизни не подавал, но пульс его прощупывался.

Они лежали передо мной, связанные, беззащитные. Я приоткрыл окно и достал из ящика стола сигареты. В пачке оставалось всего две штуки. Я вытащил одну, закурил и облокотился о подоконник. Холодный ветер ударил в лицо. Я глубоко вздохнул.

- Наследник Очертаний придёт в самый напряжённый момент, - говорила мне сестра.



Спустив штаны, я сидел на диване.

- Это будет момент истины, самое судьбоносное мгновение твоей жизни.

Её рука теребила мой член.

- Мгновение, которое изменит тебя. После него ты станешь совершенно другим существом.

- Я верю в него! – шептал я.

Удовольствие нарастало, сестра глядела на меня с коварной улыбкой.

- Дрочим, дрочим, дрочим, дрочим… - бормотала она.

Я издал гортанный звук, какую-то смесь шипения и крика. И кончил.

- Ах, молодец! – засмеялась она. – Сегодня ты продержался дольше.

Свирепо рыча, Валера Путилин катался по полу, стараясь освободиться от пут. Я перевернул его на спину. Взгляд его был яростен. Ему даже удалось смутить меня.

Я достал из кармана ручку, снял колпачок и воткнул её подростку в глаз. Потом в другой. Он задёргался, замычал - пришлось навалиться коленями, чтобы сдержать его.

Я вспомнил, что в столе валялся канцелярский нож. Он оказался весьма поношенным, отупевшим, но всё же резал. Я провёл им по горлу Путилина. Кровавые края кожи раскрылись, кровь потекла по шее – я видел, что этого недостаточно. Я сделал ещё несколько надрезов.

Он был жив. Я сидел на нём и резал, резал, резал его горло. Руки были в крови, лицо тоже – брызги её летели во все стороны. Наконец я остановился. Путилин ещё трепыхался, но что-то подсказывало мне, что этого хватит. Что он должен сдохнуть.

Я перебрался ко второму.

Альберт Яхин лежал в двух метрах, животом на полу и слезящимися глазами смотрел на меня.

- Очнулся? – улыбнулся я. – Живучий, гад!

Он что-то мычал, перекатился на спину и взглядом своим просил меня отлепить со рта скотч. Видимо, слова, которые он собирался сказать, должны были произвести на меня неизгладимое впечатление.

- Поздно, - сказал я ему. – Слишком поздно. Скоро придёт Наследник Очертаний, а я с вами вожусь.

Я присел на корточки. Поднёс нож к его лицу.

«Ножом долго, - мелькнуло в голове. – Лучше просто задушить».

Я встал, наступил ботинком ему на горло и надавил.

Когда я выходил из школы, в коридоре мне встретилась Елена Степановна.

- Игорь! – ошарашенным взглядом смотрела она на меня. – Что с тобой?!

- Устал очень, - сказал я. – Ты не слышала, переводчики никуда не требуются? Что-то кажется мне, не смогу я работать учителем.

- Ты весь в крови!

- Порезался.

- Господи боже мой, что произошло?!

Я отодвинул её в сторону и направился к выходу. Гнусная сука, она всё ещё хотела помешать мне. Всё ещё стремилась отобрать у меня надежду.

- Наследник Очертаний не придёт! – кричала она мне вслед. – Ты не заслуживаешь встречи с ним!

- Скройся! – процедил я сквозь зубы. – Тебя прислали силы зла, я уверен в этом. А Наследник – он сейчас придёт ко мне.

Я вышел на улицу.

Небо было покрыто тучами, но прямо над головой они становились реже. Сквозь них пробивалась голубизна, а вскоре и солнечные лучи озарили собой пространство. Я опустил голову и стал вглядываться в пустоту.

В этот момент, словно сияющий ангел, из толщи воздуха ко мне вышел Наследник Очертаний. Он был прекрасен.

- Игорёк, братишка, - качал он головой. – Расстраиваешь ты меня.

- Чем? – изумился я.

- Ты неправильно существуешь, ты неправильно взаимодействуешь с окружающим миром.

- Да, наверное это так. Но как поступать правильно, подскажи мне.

- Подскажи… Ты думаешь, это просто?

- Сестра говорила мне, что ты поможешь.

- Сестра… - поморщился Наследник Очертаний. – Какая сестра?! Нет у тебя сестры.

Я задумался.

- И правда, - усмехнулся, - нет сестры. Надо же, а она казалась мне такой живой и настоящей.

- Ты живёшь иллюзиями, фантазиями. Разве это хорошо?

- Иллюзиями… Это новость для меня.

- Дети-насильники, вафлёры… Что у тебя с головой?

- Просто кто-то должен принимать решения, - отозвался я, стараясь придать голосу решимость. – Если всем всё безразлично, то должен найтись один, кому не безразлично. Один, кто исправляет ошибки.

- Ты скажи-ка мне лучше, сколько раз ты подтягиваешься?

Лихорадочно я стал припоминать.

- Не могу сказать точно, давно не подтягивался.

- А я – тридцать! Сможешь столько?

- Вряд ли.

- Ясное дело, не сможешь! Ты же доходяга. Вот потрогай, какая у меня мускулатура. Не стесняйся!

Я потрогал.

- Ну как?

- Здорово.

- А хочешь такую же?

- Даже не знаю…

- А я знаю, хочешь. Ну так стремись к этому, качайся! Будешь здоровым, атлетичным, к тебе девушки сразу потянутся.

- Я постараюсь.

- А то что это такое – вафлёры какие-то, убийства… Нельзя так, нельзя. Ты живёшь в таком прекрасном мире, где все счастливы, добры, заботливы – и говном исходишь! Разве так можно? Это же грех.

Да, да, грех – понимал я. Это грех, это тяжкий грех. Так нельзя.

- Я убил детей… - прошептал я. – Своими руками… они мертвы.

Он поморщился.

- Да расслабься ты… Тоже мне, из-за детей печалиться. Ну и хуй с ними! Да и вообще, если хочешь, не было никаких детей.

- Не было? – изумился я.

- Да, не было. Ты их придумал.

- Это невероятно!

- Точно говорю, придумал. Сестру придумал, детей придумал, всё придумал.

- Вот это да! – я был ошарашен.

Наследник Очертаний похлопал меня по плечу.

- Короче, последнее предупреждение тебе даю. Меняйся, брат! Любви научись и нежности. А то пиздец наступит.

- Так значит детей не было? – заглядывал я ему в глаза.

- Не было детей.

- Здорово! Это просто здорово!

Он наскоро попрощался со мной.

- Может ещё увидимся, - подмигнул мне на прощание.

- Не было детей! – смеялся я, размахивая окровавленными руками. – Не было их! Здорово! Здорово! Здорово!

Радость моя была безграничной.

- Боже мой, как же здорово!

Каста Влюбленных

- А давай ебаться! – предложила она.
- Давай, - согласился я.

И мы ебались, ебались…

- Всё хуйня, кроме любви, - сказала она.
- Точно! - подтвердил я.
- Социальная стратификация, размежевание общества на сословия, проблемы перенаселения и улучшения человека с помощью генной инженерии – всё пиздотень невротебенная. Всё меркнет по сравнению с любовью и силой её!
- И глобализация с её чудовищным контролем над личностью человека, и агрессивные проповеди ислама, направленные на установление контроля над миром, и рост самоубийств, и психическое состояние современного человека, погружающегося в пучину раздвоения между реальным и виртуальным – всё это блядство мандавошское, - горячо поддержал я её. – Лишь любовь правит Вселенной, лишь она.
- Гандоны задроченные! – гневно кивала она головой. – Силитесь жалкими потугами опровергнуть величие любви, строите педерастическое опровержение сущности её! Пигмеи недоёбанные, вам ли сжимать кулачки на любовь, вам ли противиться власти её!
- О, их много, - соглашался я, - тех вафлёрских уёбищ, кто пытается отыскать иные дороги и предложить их человечеству в качестве истинных. Политика, говорят они, экономическое развитие регионов, новая формация современного прогрессивного человека. Глубоко заблуждаются эти залупы перхотные в путях постижения человеком окружающей действительности. Ибо лишь кроткой, но горячей любовью можно постигнуть её.

И мы ебались, ебались…

- Вот природа, - говорила она. – Как просты и прекрасны образы её ненавязчивого проявления. И луч солнца, пробивающийся по утрам сквозь шторы, и колыхание листвы, беспокоимой игривым ветром, и пение птиц, всецело отдающих себя мелодии, и волны моря, омывающие земные тверди – разве оспорить всем чавкающим хуесосам проникновенность и неопровержимость этого естества?
- Ебать мой хуй! – отвечал я. – Я запрокидываю голову и вижу небо. Бездонное глубокое небо. Я ступаю по траве босыми ногами, и она ласкает их. Мягкая, пушистая трава. Я вдыхаю в лёгкие воздух, и от свежести его кружится голова. Этот воздух пьянит. В нём всё – в нём сила, влечение, умиротворение. В нём свобода! И все эти ёбаные в рот полудурки, все эти чмыри опизденевшие – они отрицают эту значимость! Представляешь, они отрицают небо, они отрицают траву, они отрицают воздух!
- Ёб твою в бога душу мать! – щурилась она и понимающе смотрела мне в глаза. – Уёбки анусообразные, им техника подменила дыхание леса, им производственные мощности дороже глотка парного молока, им ликвидность акций нефтегазовых компаний ценнее заката солнца!
- Задроты пиздоёбинские! Да есть ли душа в них, зажигал ли в их зажравшихся тушах незримый Логос искру свою?
- С хуёв ли?! Нет в них искры и не было. Киборги блядствующие, лишь шестерёнки и подшипники, ржавея, сотрясаются в их силиконоволокнистых коконах.
- Придёт к ним, хуеглотам пиздосрачистым, на смертном одре понимание, придёт осознание, да только поздно будет! Хуй вам в рот и все государственные штандарты в жопу, а не будет вам прощения!

И мы ебались, ебались…

- Пиздоболы гнойные! – горячо дышала она мне в ухо.
- Хуёныши змееподобные! – лихорадочно двигал я бёдрами.
- Вши вагинальные! – отрывалась она губами от пениса.
- Опарыши лобковые! – засовывал я пальцы во влагалище.
- Мудоёбы обосраные! – лизала она мои яйца.
- Говноеды блядовафельные! – прижимался я губами к клитору.
- Ебанаки онанирующие! – помещала она член между грудей.
- Гандурасы пиздохуевы! – хлестал я её по ягодицам.
- Пиздобляди подзаборные! – теребила она пенис.
- Мутни ебаначинские! – кончал я ей на лицо.
- Они потеряны для будущего.
- Они попросту сгнивают живьём.
- Старые, смердящие, какая обуза они человечеству!
- Лишь молодым, искренним по силам создать новое мироустройство.
- Справедливое!
- Чистое!
- Волшебное!
- Вечное!
- Касту влюблённых.
- Только любовью можно спастись.
- Лишь ей.
- Ей одной.

И мы ебались, ебались…

Юрий Угольников

Кролик

Возле дома, вдоль детской площадки
змеёй изгибается улица,
тянется как питон.
В песочнице рядом,
Под деревянным грибом,
розовый кролик сутулится.
Он выглядит здесь ненужным,
тоскливым, как скрип качелей,
как напоминанье о детстве
людям, которые давно уже осиротели.
Там где ночуют бомжи
и крысы размером с ондатра,
откуда он взялся, кто нарисовал,
рука какого безумного аниматора?
В прочем, здесь к чему сентименты,
за ними ведь ничего не прячется:
здесь у нас, как в каком-то комиксе
все имеет иное качество.
Человек, наряженный кроликом,-
он скорей психопат и убийца,
точно же не плейбоиский фанат,
не весёлый разносчик пиццы.
Может, семью он убил топором,
или сделать это намерен,
если нет, то в подъезде ссал
и бухал, в подъезде, по крайней мере.
Не рождается здесь ничего,
хотя так много детских площадок,
не понятно устроил их кто,
и для целей каких, но они пригодились для блядок.
Кролик стоит перед улицей,
что, как питон, готова его проглотить,
он стоит под грибом, у которого
алкоголики розовоглазые по ночам собираются пить.

*** * ***

Человек с улыбкой от уха до уха,
все веселые разговоры на кухне,
от начала вечера и пока
сознанье ещё не совсем потухло,
что остаётся теперь, кроме жалости
к человеческим полуотбросам:
время раздавит их или выплюнет,
как прохожий выплевывает бычёк папиросный:
Он упал и, падая, делает в воздухе сальто,
распадается на множество искр,
разбивается, долетев до асфальта,
будто мозг человека, который выпрыгнул
из окна головой вниз.

ДВОРИКИ ПОДМОСКОВЬЯ

Дворики Подмосковья,
Где старики и дети, с равно спитыми лицами,
Сидят у окон, которые
Сравнить можно только с бойницами,
Пострадавшими от внезапного приступа
Белой горячки у квартиры хозяина
или просто от временного помутненья
и без того нечеткого и залитого водкой, как солнцем двор,
хозяина квартиры сознания.
Поведенье в этих случаях часто неистово:
Приступ приводит к конфликту с ментами.
Он кричал об ублюдках, наверное,
сопротивляться хотел, размахивал дико руками.
Это представить можно легко
и, для проходящих мимо,
Присутствие здесь милиции, почти физически, ощутимо,
Вот и правда: мусор в кустах, в фуражке на голое тело.
Он, открытый солнцу, лежит на спине
и в глазах его остекленелых,
мутных и пьяных, бездонных глазницах
Отражается подмосковное небо и далёкие, в небе
этом птицы,
Кружащие
Над двориками Подмосковья,
Где старики и дети с равно спитыми лицами,
у балконов осыпающихся сидят, "под мухой",
как Болконский какой-то под солнцем Аустерлица.

Сны и предсонье

Ты уснёшь и всё забудешь,
сколько ждать в пыли:
всё, что ты на свете любишь -
спит уже вдали.
Спят усталые игрушки,
книжки тоже спят:
человеку дней минувших
не вернуть назад.
Спят усталые игрушки,
колотушка: тук-тук-тук;
люди в паутине мушки,
даже человек-паук,
мир - унылая пустыня,
колотушка тук-тук-тук,
люди мушки в паутине,
дремлет время как паук,
как над чада колыбелью
-мать, вздымает восемь рук:
паутиной пеленает,
постепенно превращает
и младенца в сухофрукт.
Слишком долго жил на свете,
ненаглядное забыл,
превратись в холодный ветер
и частично в пыль.

ПОЕЗДА

Пройдут года, как поезда:
Да-да да-да да-да да-да.

АРХИПАСТЫРЬ

В брюхе комнаты убогой,
Словно белый липкий пластырь,
Так прильнув к своей кровати,
Дремлет дряхлый архипастырь.

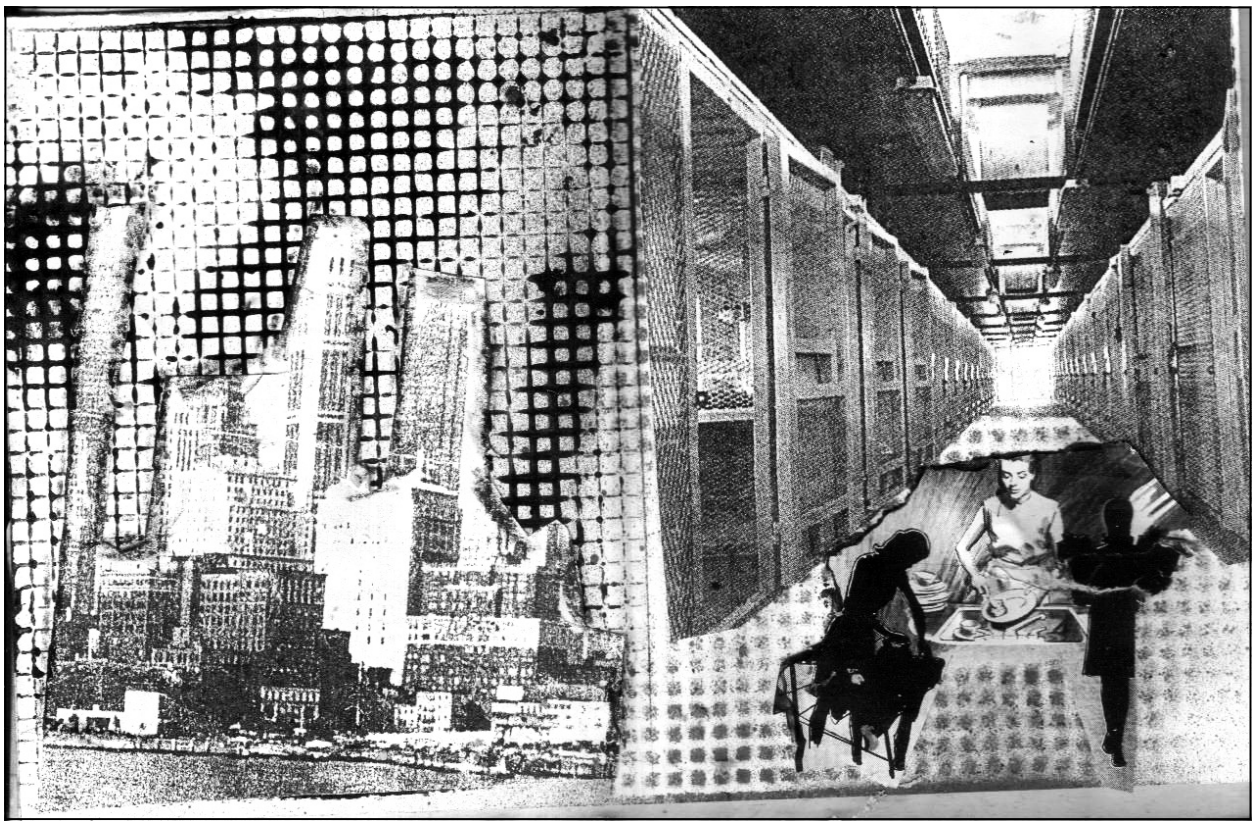
В брюхе этом, не уютном,
Как пророк в китовом чреве,
Пастырь спит и видит, будто
Очутился он на небе.

Нет там никаких чудовищ,
Шестикрылых серафимов,
Только детские игрушки,
Да поля и степи Крыма

Будто небо - санаторий,
Где ребенком побывал он:
Шелестит по гальке море
Синим пенным одеялом,

Семенит тяжелый поезд,
По железным шпалам гулким,
И быть может мама скоро,
Вот сейчас, прейдёт с прогулки,

Спит старик, больной, в кровати,
Сон его никто не потревожит:
мамы ситцевое - платье
видит он сейчас, быть может.



Работа Дэвида Широ (США)

Илья Китуп

Стихи из книги «Песнь о галактическом союзе»

Иллюстрации *автора*

БЕЖИТ ПО ПРИГОРКУ ВПРИПРЫЖКУ

Бежит по пригорку вприпрыжку беспечный мальчонка.
Болтается розовый хобот; быстры его ножки.
Хвосток развевается из-под рубашонки,
Блестят на головёнке острые рожки.

Его обдувают буйно весёлые ветры,
Его пригревают щедро жаркие солнца.
Он мчится со скоростью 25 километров –
Быстрее венерианца, китайца, эстонца.

Бежит он скорее плутонца и сатурнианца,
Заливисто песню поёт – галактический гимн.
Нигде не найти во вселенной бойчее засранца.
Быстрее всех марсианин – он несравним.

ЧТО БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК...

Что бедность не порок – известно дело.
А если так – и пьянство не порок.
Земляне этим крайне озабочены;
У нас на Марсе нет таких забот.

Законы пойло спиртосодержащее
От 20-ти до сотни оборотов
Под страхом казни смертной запрещают.
Пивцо и сидр, сухое – это глупости,
У нас распространенья не имеющие.
А вот 16 или 20 градусов –
Такое мы приемлем с удовольствием.

Что выше 20-ти – есть преступление.
Что ниже, чем 16 – это глупости,
Ну а 16-20 – подходящее.
Вот это мы и называем истиной,
Которую в вине креплёном ищем.

ИЗДАНЬЕ МАРСИАНСКОЕ «УНДИНЫ»

Изданье марсианское «Ундины»
Жуковского Василия Андреича
Сто лет назад нежданно и негаданно
Вдруг стало популярнейшим бестселлером.

Издание второе, стерьотипное,
Сей небольшой и симпатичной книжицы,
Случившееся в позапрошлом месяце,
Реакции практически не вызвало.

И вот теперь сидят-гадают критики:
Так что же изменилось за столетие?
И почему сей том, что в годы прежние
Читателем всегда до дыр зачитывался,
Сегодня вызывает равнодушие?

Ответа до сих пор найти не могут...

НЕПТУН – ВЕЛИКАЯ ЗЕМЛЯ

Нептун – великая земля,
И это утверждаю я.
О нём все врут, слагают небылицы –
Обманутому просто ошибиться.
Но вновь и снова утверждаю я:
Нептун – великая Земля.

Как говорится в Книге Сокровенной,
Владели половиной мы вселенной.
В те времена мы были великанами,
А остальные – просто тараканами.
И центр миров смыкался на Нептуне,
Но славы нет былой – исчезла втуне.

Народец измельчал до метра десяти,
Король давно пропал, и где ж его найти?

От городов остались лишь руины,
Сто деревушек да кусты малины –
Малинку поставляем мы на Марс...
Вот унижение – постыдный, гнусный фарс.
Что унаследовали мы от славы бренной?
Две пирамиды, Книгу Сокровенную,
Пустынный космопорт, старинный акведук
И ягодные заросли вокруг.

Печальнее картины не представить.
Но всё же нас надежда не оставит!
Кто знает, как фортуна повернётся?
И, может быть, Нептун ещё вернётся!
И свет его величия былого
По всей вселенной ярко вспыхнет снова.
И вот с надеждой повторяю я:
Нептун – великая земля.
Нептун – великая, великая земля.

У ОБУВНОЙ ЛАВЧОНКИ ОЖИВЛЕНЬЕ

У обувной лавчонки оживленье:
Дают сегодня тапочки нейтроные.
Одной лишь батарейкой зарядив их,
Носиться можно целый божий день.

Два месяца назад толпились тоже:
Давали суперботы «Сверхэластик».
Ты пару с полки наугад примерь –
И к щупальцу любому подойдёт.

Как только появляются на рынке
Любые новомодные ботинки,
В погоне за желанною новинкой
У лавки обувной толпятся толпы,
У лавки давятся в зубодробильной давке,
У лавки – толпы, давка, толкотня.

СОЮЗ МОЙ ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВЕЛИКИЙ

Союз мой Галактический великий,
Других союзов нет во всей вселенной краше,
Нет более великих нынче,
Ему подобных не бывало прежде,
И в будущем не будет никогда.

Осыпан звёздами Союз со всех сторон –
Чудесная корона мирозданья.
А солнце в той короне – диадема,
Планеты ближней Солнечной системы
Роскошному подобны ожерелью,
Скопленья звёздные – то кованые серьги,
Туманности – накидка и фата
Невесты бесконечного пространства,
А Млечный Путь – как обоюдоострый меч
В руке несокрушимого Союза.

Враги – те, что во времена иные
Рискнули на границы посягнуть,
Разбиты в пух и прах, в ничтожестве погрязли.
Те, что толкутся ныне у пределов наших,
Пребудут в вечном страхе и почтеньи.
А буде приидет к нам внешняя угроза
Из тех пространств, что ведать не дано,
То будут и они посрамлены.

Тому залогом – наш стальной Союз
Ста тысяч восемнадцати миров,
Объединённых под эгидой Марса
Согласьем нерушимым
На веки вечные. И чтоб навечно,
Чтоб бесконечно, навеки прочно,
И чтоб, конечно, и слава вечно,
И слава, слава, слава, слава... (здесь текст оборван)
...Союзу Галактическому на века
Всегда, чтоб никогда – и да.

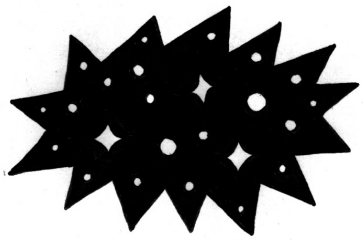
ЛОХАНЬ, КОРЫТО, ШАЙКА И БАДЬЯ

...Лохань, корыто, шайка и бадья.
С сей банной утварью воитель-марсианин
Умеет обращаться – и не хуже,
Чем с лучевою пушкой, бластером, копьём.
Дай танк ему, массивную машину –
Одною левою клешнёю поведёт,
И так, что кочку всяку мастерски объедет,
Да и по склону кратера промчится вертикально.

К мортире подведи – и без сомненья
Он всеми щупальцами в дьявольском согласьи
Ядро загонит и фитиль подпалит;
А новое ядро уж на подхвате,
И факел снова ловко поднесён –
Через разреженные толщи атмосферы
Несутся чередою прямо в цель
По верной траектории снаряды.

Вручи мушкет ему – конечностями споро
Управится с громоздким аппаратом.
Насыпет порох, в ствол заправит пулю,
Нажмёт курок, рогатину придержит,
И вот пойдёт шалить-гулять стрельба
По гулким перелескам и оврагам.
Не в молоко, не по воронам, нет,
А метко – в яблочко, без промаха, в очко,
Не разбазарив и боеприпасов.

Указанною здесь машинерией
Владеет марсианин безупречно,
Но знай, чужак, что в тыщу раз ловчее
Лохань, корыто, шайка и бадья
В руках его воинственных играют:
Метнёт горшок он во мгновенье ока,
И жертву в полсекунды поразит.
Искусство отработано веками,
Природные задатки – прирождённы.
Пока зарядишь сложное устройство,
Тебя бадьёй три раза пришибут.



Александр Дельфинов — Эмануэль Котцян

фото *Михаэля Зетцгфандта*

«Она дерзкая, демократичная, делает что хочет»

В Германии только и разговоров, что о Партии пиратов. На фоне довольно скучной, местами даже рутинной предвыборной кампании их появление стало приятной (а для некоторых политических конкурентов — неприятной) неожиданностью. Над ними легко иронизировать, их нетрудно критиковать, но совершенно нельзя игнорировать. В парламент они не прошли, но набрали 2% голосов, а это около миллиона избирателей.

Некоторые даже всерьёз ожидали, что пиратам удастся преодолеть 5-процентный барьер на выборах. Такой результат стал бы настоящим переворотом в политической жизни Германии! Этот исход, впрочем, всё же маловероятен. Однако во время выборов в Европарламент в начале лета «оранжевые» набрали в Германии почти четверть миллиона голосов (0,9%) и были замечены прессой, а вслед затем и широкой общественностью.

На прошедших в июне 2009 года выборах в Европарламент 7% шведских избирателей — 214 313 человек — проголосовали за Пиратскую партию. Организация, созданная в 2006 году, заняла пятое место из 11: после зелёных, но перед христианскими демократами и Левой партией. Пиратам причитается одно место в парламенте (два, если Лиссабонский договор будет ратифицирован).

Газеты и журналы запестрели статьями и фельетонами, а также интервью с членами пиратского движения. Влиятельный левый журнал Konkret посвятил им разгромный материал. Респектабельная Frankfurter Allgemeine Zeitung озаглавила свою скорее благожелательную статью «Пиратская революция». Пираты замелькали на телеэкранах и, естественно, в блогосфере. Растёт интерес к пиратам и в России, по крайней мере многие желали бы узнать из первых рук, а чего же они на самом деле добиваются, неужели всего лишь разрешения заниматься нелегальной скачкой видео с торрентов? Конечно, всё сложнее, и программа пиратской партии даёт об этом исчерпывающее представление. К сожалению, на русский язык она пока не переведена. Александр Дельфинов встретился с прямым кандидатом на выборах в бундестаг от Партии пиратов в Нюрнберге Эмануэлем Котцяном.

— Как и почему вы стали пиратом?

— На протяжении 15 лет я состоял в Партии зелёных и покинул её не по причине абсолютных разногласий, а потому, что считаю: по таким важным вопросам, как права граждан, демократия, прозрачность государства и цифровая революция, зелёные не предложили достойных ответов. В настоящее время именно эти вопросы вызывают движение в обществе. Я решил вступить в Партию пиратов вскоре после выборов в Европарламент, на которых, собственно, и проголосовал за пиратов по той простой причине, что надеюсь на рост новой, реальной политической силы. И вот уже три с половиной месяца я пират.

— Такие понятия, как свобода или гражданские права, приобрели в последнее время слишком общее значение и встречаются в предвыборных программах самых разных партий, в том числе у пиратов. Что отличает вас от конкурентов?

— Мы используем эти слова, но придаём им особый смысл, связанный с нашей основной программной задачей. Мы — партия цифровой революции. Мы считаем: должны быть созданы новые рабочие структуры, а свободы и права граждан должны быть по-новому осмыслены в нашем стремительно дигитализирующемся мире. Вот вам пример. В Германии с недавних пор введено положение о резервном сохранении личных данных по трафику (Vorratsdatenspeicherung), согласно которому провайдеры телекоммуникационных услуг должны в течение полугода сохранять практически все данные об электронной активности

граждан, от IP-адресов до местоположения звонящего по мобильному телефону, и по требованию правоохранительных органов предоставлять доступ к ним. Мы считаем, что этот закон угрожает свободе по одной простой причине: конституция гарантирует свободу собраний, но они более не могут быть действительно свободными, ведь каждый, кто туда идёт, рискует оказаться под наблюдением. Информация о том, кто в каких мероприятиях принимает участие, легко может быть зафиксирована. Барьер, охраняющий нашу свободу, оказался сломан цифровой эпохой, и мы хотим вновь укрепить его. Отчасти такое могло случиться потому, что традиционные партии, представленные в бундестаге, пока не научились разбираться и обращаться с новыми медиа. Интернет — лишь одно из них. Существует проблема видеонаблюдения, контроля данных электронных медицинских карт и биометрических удостоверений личности, издержки антитеррористических законов и т.п. Мы должны поставить всё это под общественный контроль, иначе рискуем однажды потерять те права и свободы, которые привыкли воспринимать как само собой разумеющееся.

— Партия пиратов — одна из самых молодых. Как давно она существует в Германии и какова сейчас её численность?

— Это самое молодое политическое движение не только в Европе, но и во всём мире. Мы понимаем себя как международную партию с секциями на национальных уровнях, где ведётся конкретная работа. Германские пираты образовались в 2006 году третьими по счёту. Первыми были шведы, вторыми — австрийцы. Австрия, мои поздравления! (Смеётся.) В настоящее время партия достигла количества в 9080 членов и стала, таким образом, крупнейшей из маленьких партий Германии.

— Как повлиял на вас июньский успех шведских пиратов на выборах в Европарламент?

— Это был абсолютный успех — 7,1% в Швеции! В Европарламенте теперь заседает один шведский пират, но есть ещё и второй, который ожидает подписания Лиссабонских соглашений, после чего численность евродепутатов будет увеличена. На немецких пиратов такой результат подействовал эйфорически, начался мощный приток. Три с небольшим месяца назад в Германии было чуть больше тысячи пиратов, то есть численность партии выросла вдевятеро! И за это в первую очередь надо поблагодарить шведскую Партию пиратов и лично Кристиана Энгстрема.

— Критики говорят: пираты — это партия одной темы с ключевым словом «интернет». Вас упрекают в молодёжности и маргинальности. Программа пиратов потому, мол, такая короткая, что сетеголики разучились читать. «Корни пиратов только в Сети», — написала известный зелёный политик Юлия Зелигер в своём блоге. Как вы реагируете на подобные упрёки?

— Я хорошо понимаю сверхзаострённую критику со стороны Юлии Зелигер, ведь её задевает появление новой партии с чёткой позицией по темам, которыми она сама занимается, но, к сожалению, не имеет успеха у зелёных. И да, наши корни уходят в интернет, там новость о нашем появлении распространилась наиболее быстро благодаря всем тем людям, которые ежедневно имеют дело с компьютером.

Вначале мы организовывали демонстрации. Нельзя сказать, что это были обычные демонстрации с обычными требованиями. Один из наших лозунгов гласил: «Благосостояние начинается с 100 мегабит». Это больше походило на перформансы. Во время суда над «Бухтой» начались массовые марши, в итоге больше людей стали следить за судебным процессом. Каждый занимался собственными задачами — создавал сайты, писал репортажи. Интереснее, когда движение распространяется через множество маленьких групп, нежели когда все объединены в одну большую демонстрацию. Кроме того, когда ты устраиваешь большую уличную акцию, всегда подтягиваются какие-нибудь странные люди с собственными символами и интересами. Одним словом, нам хотелось чего-то совсем другого.

Именно они первыми столкнулись с новой проблематикой, с техническими аспектами цифровой революции и с её социально-политическими последствиями. Но ситуация изменилась в процессе нашего роста. Сегодня в рядах Партии пиратов отнюдь не одни компьютерные фрики, но люди разного возраста, из разных общественных слоёв. Что же касается нашей якобы однотемности, то мы не считаем нужным изображать, будто после трёх лет существования знаем ответы на все вопросы политического мироздания. Мы концентрируемся на ключевых темах цифровой революции, и в этом наше явное преимущество. Кроме того, одним из пунктов программы является принцип прямой демократии, согласно которому граждане должны сами решать важные вопросы в жизни страны путём подачи петиций или проведения референдумов.

— Почему пираты называются пиратами? Насколько важен для вас вопрос копирайта?

— Я бы сказал, что пираты называются пиратами по весьма циничной причине: те люди, которые организовали движение, чувствовали себя криминализированными, ущемлёнными и приняли на себя это негативное название, перевернув его значение в позитивную сторону. Ведь пираты делают на самом деле хорошее дело, выступая за свободное распространение знаний. Проблема копирайта действительно одна из центральных для нас. Мы выступаем за серьёзные изменения законодательства в этой сфере.

— А каково ваше отношение в дискуссии вокруг проекта Google Books?

— Дигитализация книг и создание цифровых библиотек — это, по сути, неплохая идея! Но тут надо внимательно разбираться в деталях. Оцифрованные печатные материалы не должны быть

монополизированы, к ним должен быть гарантирован всеобщий доступ. И такой проект не может быть уделом одной частной компании.

Закон о копирайте представляет копирование как редкий и значительный акт. В интернете же оно совершается автоматически, моментально, бесплатно и постоянно. В том, что вы распечатали кадр из мультфильма и повесили на двери своего офиса, нарушения закона нет. Но когда вы сфотографировали эту дверь и повесили фотографию на своей странице в Сети, чтобы ваши коллеги могли её там видеть, — это уже подлежит наказанию. А поскольку соответствующий закон рассматривает копирование как действие уникальное, ущерб от каждого нарушения оценивается тысячами долларов.

Конкретно в случае с Google мы видим следующую проблему: пользоваться их дигитальной библиотекой можно, лишь соглашаясь на применение этой корпорацией технологии JavaScript, которая фактически даёт доступ к вашим приватным данным. Многие файлы пользователей учитываются вычислительными мощностями Google, и компания зарабатывает таким образом немало денег. Нам кажется фундаментально неправильным, что взамен за чтение книги ты бесплатно предоставляешь доступ коммерческой корпорации к своим данным. И ещё одна мелочь: компания Google заинтересована в первую очередь в дигитализации популярной литературы, поскольку именно её запрашивают чаще всего. Пираты считают: оцифровке должны в равной степени подвергаться и тексты менее известных авторов, а не только достигших коммерческого успеха, чтобы была создана цифровая библиотека, действительно отражающая всё литературное многообразие.

— Пираты провели успешную предвыборную кампанию: оранжевые флаги виднелись буквально повсюду, лого встречалось в самых неожиданных местах. А как вы проводите вашу личную работу с избирателями — только онлайн?

— Мы с самого начала решили выйти за пределы виртуального пространства, ведь в интернете нас и так хорошо знают. Если бы дело ограничивалось только такими площадками, как XING, Facebook или Twitter, мы бы уже давно достигли необходимого канцлерского большинства. Политика делается днём на улице, а вечером — в кафе и клубах! Например, здесь, в Нюрнберге, мы устроили встречу с евродепутатом Кристианом Энгстремом, посвящённую цензуре и слежке в XXI веке, собравшую много людей и получившую хорошую прессу. Параллельно мы вели трансляцию в Сеть: всё же забывать о наших корнях нельзя! (Смеётся.) А сегодня к нам в город приедет пиратский стекломобиль.

— Что это такое?

— Это специальным образом остеклённая автоплатформа, внутри которой смонтирована жилая комната. Стекломобиль путешествует по стране и служит наглядным примером того, насколько прозрачна становится приватная сфера в цифровую эпоху, даже если многие из нас этого просто не замечают.

— Пиратская партия уже имеет одного депутата в бундестаге — это Йорг Таусс, в прошлом социал-демократ, перешедший к вам, но обвинённый в хранении детской порнографии. Не повредит ли это партийной репутации?

— Нам часто задают этот вопрос. Этот случай получил особую известность, ведь не каждый день депутата бундестага обвиняют в столь серьёзном преступлении. Я должен напомнить, что Йорг Таусс пока не осуждён, стало быть, действует презумпция невиновности. Мы считаем, что кампания против него имеет и политическую подоплёку. Как иначе объяснить, что буквально накануне выборов с него снимают парламентский иммунитет? Между тем Таусс уже признался, что соответствующие материалы действительно имелись у него. Дальнейший ход дела был бы чистой формальностью, и тут кому-то понадобилось устроить эту историю с отменой неприкосновенности за три недели до выборов. Но в том случае, если Таусс получит обвинительный приговор, он должен быть исключён из партии — это моё личное мнение. Сегодня он не играет активной роли в нашей предвыборной кампании. Его кандидатура не выставлена в бундестаг — он покидает парламент.

— Есть ли у Партии пиратов политические друзья слева или справа?

— Наши политические друзья — это все настоящие демократы. Мы не работаем с правыми организациями. Мы участвуем в антифашистских демонстрациях. Но в целом мы хотели бы выйти из традиционного право-левого спектра, став партией, способной дать ответы на вызовы XXI века.

— Если вы проиграете эти выборы, будет продолжено политическое пиратство?

— Неважно, какой конкретный результат получит партия на выборах, в любом случае для нас это будет позитивным опытом. Мы рассчитываем минимум на 2% голосов, и это было бы большим успехом и доказательством нашей серьёзности. В любом случае мы продолжим работу над развитием партии. И мы обязательно примем участие в следующих выборах!

— Какой настоящий, исторический пират вызывает вашу симпатию? Генри Морган?

— Самая симпатичная для меня пиратская фигура — это Пеппи Длинныйчулок. Она воплощает абсолютно все базовые принципы нашей партии. Она дерзкая, демократичная, делает что хочет, проявляет во всей полноте свою индивидуальность и потому пример для всех вокруг себя. Более позитивного и красивого образа, отражающего суть нашей партии, я не знаю.

Об авторах

Бычков Андрей Станиславович
Писатель, сценарист, защитил диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 6-ти книг прозы в России и 3-х на Западе (Франция, Бельгия, Югославия). Рассказы переводились и печатались также в журналах и альманахах Германии, Испании, США, Югославии, Венгрии, Китая, Франции и Бельгии. Книга «Дипендра» (2004) – лидер издательства по числу опубликованных на нее рецензий, номинировалась на премию Андрея Белого. Пьеса “Репертуар” участник Международного фестиваля IWP (USA), поставлена на Бродвее (“NYTW”, 2001). Бычков - лауреат премии русской литературы в Интернете “Тенета- 1999”, премии «Бродячая собака» Клуба литературного перформанса Зверевского центра современного искусства (2009), финалист премии “Антибукер-2000”, лауреат Специального приза Международного ялтинского кинорынка, Приза Эйзенштейна немецкой фирмы "Гемини-фильм" и Гильдии сценаристов России. Фильм «Нанкинский пейзаж», снятый режиссером Валерием Рубинчиком по его сценарию, удостоен трех международных наград. Учредитель премии «Звездный фаллос».

Гиренок Федор Иванович
Доктор философских наук, профессор. Заместитель заведующего кафедрой философской антропологии МГУ. Родился на Алтае в 1948 г. В 1970 г. окончил среднюю школу в г. Алейске (Алтайский край). В 1976 г. окончил философский факультет МГУ. В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Экология, как феномен самосознания цивилизации». Автор книг: «Экология. Цивилизация. Ноосфера.» (1987), «Ускользающее бытие» (1994), «Метафизика пата» (1996), «Патология русского ума» (1998), «Удовольствие мыслить иначе» (2008)

Дэвид Широ
Художник, поэт. Родился в г. Лафайетт (США, штат Индиана), вырос в Вермонте, жил в Готтингене (Гермения), Арле и Париже (Франция), Вроцлаве (Польша), Хастеваде (Швеция), Бостоне и Милуоки (США). Первые публикации появились в 1997 году. С тех пор опубликовался более чем в 70 изданиях в США, Бразилии, Англии, Инспании, Франции, Германии, России, Чили, Австралии, Югославии, Италии, Канаде, Аргентине, Мексике, Кубе, Турции, Японии, Голландии, Бельгии, Уругвае.

Глеб Коломиец
Поэт. Родился в 1986 году в городе Туле. Творческую деятельность начал с 2003 года. Сотрудничал в качестве автора текстов в музыкальных коллективах «эФтаназия» (punk, г. Тула) и «Melcor» (melodic black\death, г. Тула). Автор научных работ по нормальной анатомии человека и истории России. Имеет публикации в изданиях «Топос», «SSMA-express», «Я.Д.Ы.» и др., на контркультурных сайтах padonki.org, udaff.com, litprom.ru. Основатель одного из языческих капищ Смоленска. Работал: сторожем, дворником, переводчиком, компьютерным мастером, младшим научным сотрудником, санитаром, медбратом и др. В настоящее время работает над диссертацией по философии.
Технический редактор журнала.

Владимир Никритин.
Родился 10 января 1974 года. Поэт, прозаик, музыкант. Принимает некоторое участие в перформансах современных авторов в качестве именно музыканта. Публикации немногочисленны.

Олесь Ульяненко
(Александр Станиславович Ульянов)
Родился в 1962 году в городке Хорол Полтавской области. Пятнадцатилетним ушел из дому, стремясь добраться до Владивостока, в тундре сразился с якутским шаманом и занял его место, но вскоре, прихватив сумку со снадобьями и двух попутчиков-якутов, скрылся. Следующие годы жизни охватили медучилище, моршколу, десантные войска и горячие точки, шахту, украинский Юг, ленинградскую, а потом киевскую рок-тусовку, участие в национальном политическом Рухе, авторскую программу на телеканале СТБ ... Писать прозу начал еще в детстве, но первые публикации появились только в 90-х. В 1997 году получил Шевченковскую премию за роман «Сталинка». Является автором более 20 романов, а также рассказов, эссе и киносценариев. Его произведения входят в программу средних школ, техникумов и вузов. По его творчеству защищено 8 диссертаций в Украине, Америке и Канаде. За роман «Знак Саваофа» РПЦ предала его анафеме. В 2009 году роман «Женщина его мечты» Национальная экспертная комиссия Украины по морали признала содержащим порнографию, и издательство поспешно изъяло его из продажи. Более полугода Ульяненко судился с Нацкомморали, добиваясь того, чтобы экспертный вывод был признан недействительным.

Чайкин А.В.
(он же Потрот Уару, Бонгард Друидов, И.З. Вращенцев, Захар Самозванцев, Чайк Андреев и другие поместившиеся)
Родился, чтобы не обижать родителей. Пишу, чтобы не мучила совесть. Началось все с Казахстана. Там меня ставили в угол за то, что я верил в ангелов и в черные дыры. Сейчас разрываюсь между Смоленской областью и Москвой. Но всегда смотрю изнутри
эх, а я ещё помню времена, когда под париками скрывали не лысину, а отсутствие волос
дети росли только под пролетающими над ними пулями
заплетание кос ценилось выше пятого этажа
люди, выбирая главное, говорили меньше, чем весили
и никто не думал, что всё, что я здесь написал есть выплески моего либидо
на этом можно было бы остановиться, но не могу отказать себе в возможности указать парочку ссылок на самого себя:
http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=5713
http://www.stihi.ru/author.html?izvra
http://zhurnal.lib.ru/b/bongard_d/
http://lito.ru//avtor.php/izvra?uname=izvra
http://www.grafomanov.net/poems/author/izvra/

Майкл Джейкобсон
Писатель, художник. Живет в Миннаполисе (США, штат Миннесота). Пишет книги, не употребляя слова.
На сегодняшний день вышли три книги:
- Ограда Великана (The Giant's Fence) вышла в издательстве LuLu.
- Действия (Action Figures)
- Сказка охотника за головами (A Headhunter's Tale)

Некоторые работы опубликованы в изданиях Asemic Magazine, dANDelion и некоторых сетевых журналах.
В настоящее время работает над новой книгой, навеянной письменностью индейцев Майя.
Полный текст «Действий» с предисловием Тима Гейза доступен в формате PDF на сайте асемического издательства Тима Гейза «Avance Publishing», а также на сайте Literate Machine.
Блог Майкла Дежкобсона:
http://thenewpostliterate.blogspot.com/
Страничка на Myspace:
http://www.myspace.com/barbarianinterior

Линн Александер
Дизайнер и модератор сайта «Full of Crow», посвященного поэзии, прозе, изобразительному искусству, арт-критике. Редактор изданий «Corporeal Flux» и «Fashion for Collapse». Совместно с Дугом Мэтьюсоном модерирует сайт «Blink Ink». Недавно вышел новый поэтический сборник Линн "Flesh Made Widow".

Эдуард Кулемин
Родился в Ярославле в 1960 году. Окончил Московский энергетический институт. Художник, поэт, инициатор ряда арт-проектов. Вдохновитель и организатор разнообразных коммуникативно-творческих образований (КЭПНОС, Группа Неизвестных Художников, Ассоциация Проклятых Поэтов и др.). Участник многих художественных выставок и фестивалей (Россия, Германия, Норвегия, Бельгия, Франция, Италия, США, Канада и др.). Автор книг: "Кажется, состоялось" (1991), "Однохуйственный Улисс" (1994), "Искусственным путем" (1998), "Мультиматум" (2002). Имеет публикации в России и за рубежом: "Митин журнал" (С.Петербург), "Черновик" (Нью-Йорк), «Лимонка» (Моска), «Завтра» (Москва), "Гуманитарный фонд" (Москва), "Смоленский край"(Смоленск), «Читарь» (Пенза), ежемесячник Зверевского ЦСИ (Москва), «Другие» (Москва), «Топос» (интернет-издание), «Другое полушарие» (интернет-издание), Cool-Strip-Art-Antology (Македония), Risvolti (Италия). Включен в антологии: Crossing Centuries: The New Generation In Russian Poetry (США), «Нестоличная литература» (Москва). Имеет страницы на сайтах Стихи.ru и Проза.ru.

Вилли Р. Мельников
Родился в Москве в августе 1962 г.
Окончил Московскую ветеринарную академию, заочно -- Московскую духовную семинарию. Участник боевых действий в Афганистане (1984-85 гг.).
Области интересов и занятий: молекулярная биология; прикладная математика; фрактальная стереометрия; астрофизика; музыка; мифологии различных культур; история архитектуры и городских ландшафтов, их взаимоотношения с человеком; авторская книга; рефлексотерапия; спелеология; иностранные языки; художественная фотография; поэзия… а также всё, что рождается на пересечении наук и искусств – симбиоз контрастов.

Создатель ряда авторских арт-поэзо-жанров: лингвогобелен; люменоскрипт; сравнительно-аналитическая драконография, а также поэтических стилей – муфтолингва и интра-ксено-лингва. Разработчик авторской методики лечения языками – лингвотерапии. Владеет около ста современными и древними языками.
Участник около 300 мэйл-арт-проектов.
Номинант Книг рекордов Гиннеса и «Диво». О его жизни и творчестве снято шесть документальных фильмов. Как актёр снялся в двух художественных лентах (к/с им. А. Довженко, Украина; "Мосфильм", Россия). Работы и интервью опубликованы в России и в около 20 других стран, а также в Интернете. Авторские веб-галереи -- www.screen.ru/Willi ; www.wilfried.hotmail.ru
Научный сотрудник московских Института вирусологии и Центра языковой психологии. Живёт в Москве. Контакт: 8-905-576-64-11. e-mail: dyagnostik@yandex.ru

Брайан Массуми
Философ, специализируется на философии опыта, философии медиа и искусства, а также социальной философии. Автор книг “Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation” (Duke University Press, 2002), «A User s Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari» (MIT Press, 1992), и «First and Last Emperors: The Absolute State and the Body of the Despot» (with Kenneth Dean; Autonomedia, 1993). Редактор сборников «The Politics of Everyday Fear» (University of Minnesota Press, 1993) и «A Shock to Thought: Expression After Deleuze and Guattari» (Routledge, 2002). Среди его переводов с французского на английский - «Тысяча плато» Жиля Делеза и Феликса Гваттари. Совместно с Эрином Меннингом (SenseLab, Concordia University) координирует проект «Технологии Оживления Абстракций», посвященный коллективному изобретению новых типов взаимодействия между философией и искусством. Вместе с Эрином Меннингом редактирует одноименную книжную серию в издательстве «MIT Press».
Сайт:
www.brianmassumi.com

Георгий Квантришвили
Грузинский поэт, контемпорари артист, пародист. Пишет на колониальном языке Российской Империи-СССР-РФ, поскольку другими не владеет.
Родился 16.01.1968 г. в городе Куйбышеве (ныне Самара).
Детство провёл на стыке Пензенщины, Тамбовщины и Рязанщины, неподалёку от имений Лермонтова, Баратынского, Василия Комаровского и Романа Гуля.
В 1985 г. пытался реанимировать футуризм. Создал Манифест Неофутуризма.
В 1988 г. – один из основателей движения СКОТОФУТУРИЗМ.
В 1989-м г. с другими сооснователями создал движение ТРУПОФУТУРИЗМ.
В начале 90-х добровольно прекратил участие в литературном процессе. Тогда же начал участвовать в деятельности русских организаций фашистского толка.
В начале нового тысячелетия в пропагандистских целях создал несколько квазистихотворных произведений, которые имели неожиданный успех у маловзыскательной публики. Организовал международное олимпийское движение "Мюнхен 1936 – Сочи 2014".
В августе 2008 года разорвал отношения со всеми русскими фашистскими сообществами. Поскольку других сообществ в РФ не наблюдается – ведёт замкнутый, малообщительный образ жизни.
Книг не имеет. Женат.

Игорь Викторович Лёвшин
(род. 1958, Москва) — прозаик, поэт, участник проекта "Нефть" с группой "Карамаджонги".
Окончил МИСиС. Дебютировал в конце 1980-х гг. в самиздате ("Эпсилон-салон") и тамиздате ("Черновик").

Андрей Щербак-Жуков
(настоящее имя – Щербак Андрей Викторович)
Родился 13 мая 1969 года в Москве. Некоторое время жил в Краснодаре, где окончил среднюю школу, несколько семестров в художественной школе и один курс биологического факультета Кубанского Государственного Университета. С 1989 года – снова москвич.
Член Союза Писателей России (Московское отделение) и Международного союза журналистов.
В 1995 году закончил отделение кинодраматургии сценарно-киноведческого факультета ВГИКа (мастерская Н.Н.Фигуровского), а в 1999 - аспирантуру при кафедре кинодраматургии. В разные годы работал фотографом, журналистом, лит. редактором, сценаристом рекламных роликов, кризэйтором и копирайтором (написал сценарии к рекламным роликам «Видеокассета «Conica»», «Компания «Кампомос»», «Чай «Классика»»). Шесть лет проработал в редакции газеты «Книжное обозрение» - начальником отдела клубной жизни. В настоящий момент – обозреватель «Ex libris Независимой газеты».
Стихи и прозу начал писать, еще учась в старших классах средней школы. Первая публикация - фантастический рассказ «Всё идёт к лучшему...» - состоялась в газете «Комсомолец Кубани» в августе 1986 года. Пи-

шет рассказы (в основном фантастические), стихи, эссе, байки, статьи о литературе, современной музыке и кинематографе, сценарии игровых и документальных фильмов.
Как прозаик печатался в журналах «Молодая смена» (Ташкент), «Фантакрим-МЕГА» (Минск), «Техника - молодежи», «Энергия», «Дилижанс», «Летопись интеллектуального зодчества», «Наша улица», «Health Line», газетах «Плюс-минус бесконечность», «Вечерний Краснодар», «Ex libris Независимой газеты». Как критик и публицист – в журналах «Новое литературное обозрение», «Если», «Мир фантастики», «Звездная дорога», «Полдень, XXI век (Журнал Бориса Стругацкого), «Библиография», «Rockmusic.ru», «Командор», «Деловые люди», «Другой», в газетах «Аргументы и факты», «Мир новостей», «Алфавит». Как поэт – в краснодарской желтой газете «Здравствуйте!», полуакадемическом журнале «Библиография» и только в одном специализированном поэтическом журнале «Футурум арт»..
Рассказы и статьи публиковались в коллективных сборниках «Этюд о взрослом гравилёте» (Краснодар: Кн. изд-во, 1990), «Послание Фениксу» (М.: 1990), «Наши в городе» (М.: ЭКСМО-Пресс, 2001), «Фантастика 2002. Выпуск 2 (М.: АСТ, 2002), «Аспиранты ВГИК-2002. Поиски, размышления, открытия» (ВГИК, 2002), «Фэнтези-2005» (М.: Эксмо, 2005), «Новые марсианские хроники» (М.: РИПОЛ Классик, 2005), «Звездный портал» (СПб.: Азбука, 2005), «Лучшее за год 2007. Российское фэнтези, фантастика, мистика» (СПб.: Азбука-классика, 2007), «Своевременные сказки» (Рига: SIA «S-Kom», 2008), «Лучшее за год 2008. Российское фэнтези, фантастика, мистика» (СПб.: Азбука-классика, 2009).
Выступил как редактор, составитель и один из авторов сборника фантастики «Пятая стена» (М.: ООО «ИнтелБилд», 2002).
Автор книг:
«Сказки о странной любви». – М.: ТПО «Извращение», 1993. - 64 с., ил., 510 экз;
«На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002): Материалы к популярной энциклопедии» (в соавторстве с Евгением Харитоновым). – М.: НИИ Киноискусства, В.Секачев, 2003. – 320 с.
В прошлом активно сотрудничал с молодыми кинематографистами ВГИКа. Участвовал в создании нескольких короткометражных фильмов:
«Последний репортаж» (1997, игровой, видео, 19 минут);
«Против неизвестного» (1998, игровой, 35 мм, ч/б, 16 минут);
«Этюд к картине «Неизвестный Кулешов» (1999, документальный, видео, 9 минут);
«Маша Макарова: «Двадцать первая весна...» (1999, документальный, видео, 18 минут);
«Борис Чирков: Строки из дневника» (2002, документальный, 35 мм, 30 мин).
А так же видеоклипа групп «Божья коровка» и «Адреналин» - «Пушкин».
Лауреат литературных наград:
«Старт» (Свердловск, 1994) - за лучшую дебютную фантастическую книгу 1993 года - «Сказки о странной любви» (М.: 1993).
«Интерпресскон» (Санкт-Петербург, 1997) - за лучшее фантастическое произведение сверхкороткой формы - «Сказка про Маленькую Планету и Сексуальную Революцию» (Из цикла «Сказки для идиотов»).
«Фанкон» (Одесса, 1997) – в номинации «За мини-жанр в научной фантастике», за весь цикл миниатюр «Сказки для идиотов».
«Бронзовый Роскон» (Москва, 2004) – в номинации «критика, публицистика», совместно с Евгением Харитоновым, за книгу «На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002): Материалы к популярной энциклопедии».
«Интерпресскон» (Санкт-Петербург, 2007) - за лучшее фантастическое произведение сверхкороткой формы - «Сказка о самом нелепом оборотне» (Из цикла «Сказки для идиотов»).
«Бронзовый Роскон» (Москва, 2009) – в номинации «критика, публицистика», за эссе «Нехорошее слово».
Создатель и идеолог концепции «Инфоромантизма» (т.е. романтизм эпохи информации), направления в отечественной фантастики, которое, минуя традиции как плохой, так и хорошей «советской» НФ, восходит корнями к русскому романтизму XIX века и декадентским течениям начала XX. В последнее время идеология и эстетика инфоромантизма находит свое воплощение в поэзии – ее исповедует Поэтической Содружество Инфоромантиков, которое было образовано в начале 2007 года и дало несколько поэтических концертов в клубах Москвы. Участвовал в отборочном туре Большого Слэма весна-лето 2007 года – занял третье место.

Олег Лукошин
Родился в 1974 году в Горьковской области. Живу в Татарстане, в городе Нижнекамске. Пишу с раннего детства, автор романов, повестей, рассказов. Печатался в журналах "Урал" (Екатеринбург), "Бельские просторы" (Уфа), "FloriДа" (США), сборниках молодёжной прозы. В интернете публикуюсь в основном на контркультурных ресурсах.

Юрий Угольников
Участвовал в московских поэтических слэмах, работал в Подольском "Театре поэзии", печатал статьи (в основном киноведческой тематики).

Илья Китуп

Поэт, художник, комиксист, музыкант, издатель.

Родился в 1964 году в Вильнюсе. В 1986 году окончил филологический факультет МГУ. Участник первой московской ска-панк-рэгги группы «Кабинет» (1981-86), недавно возобновившей свою деятельность.

Один из пионеров арт-комикса в России (издатель журнала «Propeller» – 23 выпуска с 1993 года).

Автор текстов, картин, инсталляций, перформансов, рисунков, иллюстраций.

Участвует в выставках с 1984 года. Работал в мастерских в Фурманном, Трёхпрудном и Чистопрудном. Последние выставки прошли в галереях „Forward!“ (Берлин), «Франция», ArtStreka Projects и PAPERWORKS.

В Москве вышли иллюстрированные поэтич. сборники «Вокруг нас – всё», «Весь мир», «Мамка-космос» (1991), в Берлине — «18 Sekunden» (2001) и «Есть ли жизнь на Марсе?» (2002), «Песнь о Галактическом Союзе» (2008), «Вьесна» (2009) и «В нашем городе» (2009).

Участник 1-го русского поэтического слэма (Москва, ОГИ, 2003). Победитель открытых русских слэмов в Берлине — первого поэтического (2005) и первого слэма историй (2006).

Издатель журналов «БАРТОВ» (с 2009 г. №№1-4) и „The GAF – Der GAlaktische Futurist“ (с 2009 г. №№1-3).

Александр Дельфинов

(Смирнов Александр Александрович)

Родился 30 сентября 1971 года в Москве.

Образование историко-филологическое незаконченное высшее: РГГУ (Москва), Рурский университет (Бохум), Венский университет, Университет имени Гумбольдта (Берлин).

Профессия: текстовик.

С 1996 года сотрудничал с различными СМИ, среди прочего «Птюч», Playboy, «Коммерсант-Власть», «Эксперт», Deutsche Welle, BBC.

В России изданы DIY-поэтический сборник «Веселые нечеловечки» (Москва, 2000), книга стихотворений «Анестезия 2084» (Москва, «Мама-пресс», 2002). Стихи и поэтические переводы изредка публиковались в журналах Urbi (Нижний Новгород), «Новая Юность» (Москва), «Арион» (Москва) и некоторых других. Рассказы и арт-тексты публиковались в интернете на сайтах «Топос», TextOnly, 007-berlin и некоторых других.

С 2001 года место основного проживания — Берлин, Германия. С 2004 года участвовал в многочисленных поэтри-слэмах на немецком языке. В 2007 году — победитель Die Internationale SLAM!Revue на Международном берлинском литературном фестивале. Организатор и модератор русскоязычных поэтри-слэмов в Берлине, поэтических перформансов и независимых культурных программ.